

КОРОЛЕВСТВО
ПЛОТИ
И
ОГНЯ

ДЖЕННИФЕР
АРМЕНТРОУТ

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРА №1
ПО ВЕРСИИ NEW YORK TIMES

18+

Дженнифер Арментроут

Королевство плоти и огня

Серия «Кровь и пепел», книга 2

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66874643
Королевство плоти и огня: АСТ; Москва; 2021
ISBN 978-5-17-136066-5

Аннотация

Предательство...

Все, во что верила Поппи, оказалось ложью, в том числе мужчина, в которого она влюбилась. Она не знает, кем теперь является без вуали Девы. Знает только то, что для нее нет ничего опаснее, чем он. Темный. Принц Атлантии. Он хочет, чтобы она с ним сражалась, и этому приказу она рада подчиниться. Пусть он держит ее в плену, она никогда не будет ему принадлежать.

Выбор...

Кастил Да'Нир известен под многими именами и многими личинами. Его ложь так же соблазнительна, как его прикосновения. Его правда так же чувственна, как его укус. Поппи знает, что доверять ему нельзя. Она нужна ему живой и невредимой. Но и он – единственный, кто может помочь ей найти брата Йена и самой увидеть, стал ли он бездушным Вознесшимся. Только вот сотрудничать с Кастилом, а не бороться с ним тоже опасно. Он по-прежнему искушает ее с каждым

дыханием, предлагая все, что она хочет. У Кастила на нее свои планы, которые могут либо дать ей невообразимое наслаждение, либо причинить непостижимую боль. Планы, которые заставят ее по-новому взглянуть на себя – и на него. Планы, которые могут связать их жизни, к чему не готовы оба королевства. И она чересчур безрассудна и слишком изголодалась, чтобы противостоять искушению.

Темные времена порождают темные секреты, и погрязшие в грехе королевства пойдут на все, дабы скрыть правду. Но когда земля задрожит, а небеса разразятся кровавым дождем, может оказаться слишком поздно.

Содержание

Об авторе	6
Благодарности	8
Глава 1	9
Глава 2	26
Глава 3	48
Глава 4	63
Глава 5	83
Глава 6	103
Глава 7	127
Глава 8	146
Глава 9	178
Глава 10	201
Глава 11	228
Конец ознакомительного фрагмента.	233

Дженнифер Арментроут

Королевство плоти и огня

Jennifer Armentrout

A KINGDOM OF FLESH AND FIRE

Copyright © 2020 by Jennifer L. Armentrout

© Наталия Луц, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Cover Design © Hang Le

* * *

Тебе, читатель

Об авторе

Дженнифер – автор бестселлеров по версии New York Times и International Bestselling – живет в Шепердстауне в Западной Виргинии. Все слухи о ней не соответствуют действительности. Когда она не занята работой, то читает, смотрит по-настоящему страшные фильмы о зомби, делает вид, что пишет, и проводит время с мужем, с бывшим полицейским псом Дизелем, шаловливым щенком бордер-джека Аполло, шестью рассудительными альпаками, четырьмя пушистыми овцами и двумя козами.

Мечтать о карьере писателя она начала еще в школе на уроках алгебры, когда большую часть времени писала рассказы... что объясняет ее плохие оценки по математике. Дженнифер пишет мистику для подростков, научную фантастику, фэнтези и современные любовные романы. Ее книги издаются в Tor Teen, Entangled Teen и Brazen, Disney/Hyperion и Harlequin Teen. Passionflix приобрели права на ее роман «Искушение», съемки должны были начаться в конце 2018 года. Остросюжетный любовный роман для подростков «Не оглядывайся» в 2014 году попал в номинацию на лучшую книгу для молодежи по версии YALSA, а роман «Проблема с вечностью» в 2017 году стал победителем RITA Award.

Кроме того, она пишет современные и фантастические

любовные романы для взрослых под псевдонимом Дж. Линн.
Они издаются в Entangled Brazen и HarperCollins.

Благодарности

Эта книга не оказалась бы в ваших нетерпеливых (я надеюсь) ручках, если бы не изумительная команда Blue Box Press и все, кто принял участие в подготовке. Спасибо Лиз Берри, Джиллиан Стейн, М. Дж. Роуз, Кимберли Гуидроз, Челль Ольсон, Дженн Уотсон, Кевану Лайону и Стефани Браун. Огромное спасибо JLA Reviewers и JLAnders за самых потрясающих, благосклонных и добрых читателей. И последнее, но не менее важное спасибо тебе, читатель. Если бы не ты, ничего из этого не было бы возможно.

Глава 1

– Мы едем домой, чтобы пожениться, моя принцесса.

Как это пожениться?

С ним?

Я вдруг вспомнила все девичьи фантазии, которыми тешила себя, пока не узнала, кто я и чего от меня ждут, – мечты, порожденные историей любви моих родителей.

В тех детских мечтах никогда не было такого предложения, даже близко не похожего на настоящее. И тем более сделанного перед столом, заполненным чужаками, половина которых хочет моей смерти. И уж точно в тех мечтах не было самого худшего и, возможно, самого безумного, – не-предложения руки и сердца от мужчины, который держит меня в плену.

Наверное, у меня какие-то проблемы с головой. Возможно, галлюцинации от стресса, все-таки столько мучительных смертей произошло. Нужно еще разобраться с его предательством. И я только что узнала, что происхожу из Атлантии – королевства, которое я давно привыкла считать источником всех зол и трагедий на свете. Так что, вероятно, все происходящее – лишь порожденные стрессом галлюцинации, а не действительность.

Я могла только пялиться на большую руку, держащую мою, гораздо меньшую. Кожа у него чуть темнее моей, слов-

но поцелованная солнцем. Годы смертоносных, грациозных и четких упражнений с мечом оставили мозоли на его ладонях.

Он поднес мою руку к до неприличия прекрасно очерченным полным губам. Губам, которые были такими мягкими и вместе с тем неумолимо жесткими. Губам, которые произносили чудесные слова и шептали жаркие, порочные обещания над моей голой кожей. Губам, которые боготворили многочисленные шрамы на моем лице и теле.

Губам, которые также извергали чудовищную ложь.

Теперь эти губы прижались к моей руке в манере, о которой я мечтала целую вечность, и всего несколько дней или недель назад я сочла бы это невероятно нежным. Для меня были под запретом даже такие простые вещи, как прикосновения рук и невинные поцелуи. А тем более быть желанной или желать самой. Я давно смирилась с тем, что никогда этого не испытаю.

Пока не появился он.

Я подняла взгляд от наших соединенных рук, от рта, один уголок которого уже изгибался вверх, намечая ямочку на правой щеке, от медленно разомкнувшихся губ, приоткрывших кончики гибельно острых клыков.

Его волосы прикрывали сзади шею и падали на лоб – густые пряди такого глубокого оттенка черного, что на солнце отливали синевой. Высокими угловатыми скулами, прямым носом и гордым, четко очерченным подбородком он напоми-

нал мне большого грациозного пещерного кота, которого я видела в детстве во дворце королевы Илеаны. Оба прекрасны, но в той же степени дикие и опасные хищники. Я поймала взгляд его глаз потрясающего оттенка холодного янтаря, и у меня заколотилось сердце.

Я знала, что смотрю на Хоука...

Я оборвала себя, и нутро затопило холодом. Его зовут не так. Я даже не знаю, был ли Хоук Флинн просто вымышленной персоной, или же это имя принадлежало какому-то человеку, которого, скорее всего, убили. Я боялась, что последнее – правда. Потому что Хоук якобы прибыл с блестящими рекомендациями из Карсодонии, столицы королевства Солис. Но капитан масадонской гвардии оказался сторонником атлантианцев, Последователем, так что перевод Хоука из столицы тоже мог быть ложью.

В любом случае гвардейца, поклявшегося защищать меня мечом и жизнью, никогда не существовало. Как и мужчины, который видел меня такой, какая я есть, а не той, кого собой представляю – Деву, Избранную. Хоук Флинн – всего лишь вымысел, как и те мечты маленькой девочки.

Реальность – тот, кто сейчас держит мою руку: принц Кастил Да'Нир. Его высочество. Темный.

Губы поверх наших соединенных рук изогнулись сильнее. Ямочка на правой щеке углубилась. Ямочка на левой появлялась редко, только в случае искренней улыбки.

– Поппи, – произнес он.

Все мышцы в моем теле напряглись. Не знаю, потому ли, что он назвал меня уменьшительным именем, или из-за глу-боких мелодичных нот его голоса.

– Никогда не видел, чтобы ты теряла дар речи.

Поддразнивающий блеск в его глазах вырвал меня из ошарашенного молчания. Я отдернула руку, с досадой сознавая, что не смогла бы так легко освободиться, если бы он захотел удержать.

– Пожениться? – Голос вернулся ко мне, хотя бы ради од-ного слова.

В его глазах блеснул вызов.

– Да. Пожениться. Ты знаешь, что это означает?

Не отводя взгляда, я стиснула кулак.

– Почему ты решил, будто я не знаю, что значит поже-ниться?

– Ну... – лениво начал он, подняв бокал. – Ты повторила это слово так, словно оно тебя озадачило. И я знаю, что как Деву тебя... держали затворницей.

Я вспыхнула, наверняка становясь такой же красной, как и мои волосы в солнечных лучах.

– Быть Девой или затворницей не означает быть глупой, – огрызнулась я.

Ропот пронесся над столом и по всему пиршественному залу, полному Последователей и атлантианцев. Все они бу-дут убивать и умрут за человека, на которого я смотрю так сердито.

– Нет. – Кастил отпил глоток и окинул меня взглядом. – Не означает.

– Но я озадачена.

Я ощутила под кулаком что-то острое. Быстро глянула вниз и увидела то, что не заметила раньше из-за тревоги и потрясения. Нож. С деревянной рукояткой и толстым зубчатым лезвием, чтобы резать мясо. Это не мой кинжал с рукояткой из кости вольвена. В последний раз я видела его в конюшне и сильно огорчилась, решив, что, наверное, больше не увижу. Тот кинжал был больше, чем просто оружием. Его мне подарил Виктер на шестнадцатый день рождения, и он оставался единственной связью с человеком, который был для меня не только телохранителем. Виктер занял место, которое предназначалось моему отцу, если бы тот был жив. Теперь кинжал утерян, а Виктер мертв.

Убит сторонниками Кастила.

А судя по тому, что последний попавший мне в руки кинжал я вонзила в сердце Кастила, сомневаюсь, что клинок с рукояткой из кости вольвена вернется ко мне в ближайшее время. Хотя столовый нож – тоже оружие. Он вполне сойдет.

– Что же тебя озадачило?

Он поставил бокал, и его глаза потеплели, как это бывало, когда он забавлялся или... чувствовал то, что я отказывалась признавать.

Мой дар шевелился под кожей, требуя, чтобы я с его по-

мощью прощупала эмоции принца. Я положила руку на нож для мяса, и мне удалось закрыть свои способности прежде, чем они создали связь. Я не хотела знать, забавляется он в этот момент или... или чувствует что-то еще. Меня это не волнует.

– Как я уже сказал, – продолжал принц, длинным пальцем обводя край своего бокала, – атлантианцы могут заключить брак, только если обе половинки стоят на своей земле, принцесса.

Принцесса.

Это раздражающее и тем не менее милое прозвище только что приобрело совершенно иной смысл. Смысл, вызывающий вопрос: сколько он знал с самого начала? Он говорил, что той ночью в «Красной жемчужине» знал, кто я, но утверждал, что не подозревал о том, что я частично атлантианка, пока не укусил меня. Пока не попробовал мою кровь. Отметины на шее покалывали, и я подавляла желание их потрогать.

Сколько случайного было в том прозвище? Если это очередная ложь, то это имеет значение.

– Так что именно тебя озадачило? – спросил он. Янтарные глаза не мигали.

– То, что ты думаешь, будто я выйду за тебя замуж.

Послышался сдавленный звук, будто кто-то пытался скрыть смех. Я бросила быстрый взгляд на красивое лицо вольвена с коричневой кожей и бледно-голубыми глазами.

Эти существа с одинаковой легкостью способны принимать обличье как волка, так и смертного. До недавнего времени я считала, что вольвены вымерли, их истребили во время войны Двух Королей четыреста лет назад. Но это оказалось еще одной ложью. Киеран был всего лишь одним из многих очень даже живых вольвенов – несколько из них сидят за этим столом.

– Я и не думаю, что выйдешь, – ответил Кастил, наполовину опустив густые ресницы. – Я знаю.

Я с недоверием воззрелась на него.

– Наверное, я неясно выразилась, так что попробую объяснить подробнее. Не знаю, с чего ты вообще решил, что я выйду за тебя замуж. – Я чуть наклонилась к нему. – Это достаточно ясно?

– Кристально ясно.

Его глаза нагрелись до теплого медового оттенка, но ни в тоне, ни во взгляде не было ни капли гнева. Там светилось нечто совершенно иное, наводящее на мысли о теплой коже и о том, как эти грубые, мозолистые ладони касаются моей щеки, скользят по животу и бедрам, задевая гораздо более интимные места. Ямочка на его щеке стала глубже.

– Но поживем – увидим, правда?

По моей коже разлился колючий жар.

– Мы совершенно ничего не увидим.

– Я могу быть очень убедительным.

– Не настолько убедительным, – бросила я, а он пробормо-

мотал что-то уклончивое, отчего меня накрыло волной чистой ярости. – Ты с ума сошел?

Откуда-то из-за стола донесся безудержный хохот. Я знала, что это не светловолосый Делано. У этого вольвена такой вид, словно он только что стал свидетелем расправы и сейчас его очередь. Наверное, мне следует бояться, потому что вольвенков не так легко напугать, особенно Делано. Он и сидящий рядом с ним атлантианец Нейлл защищали меня, когда за мной пришел Джерико со своей компанией, хотя и были в меньшинстве.

Мало кто осмелится прогневить Темного. Он атлантианец, смертоносный, быстрый и невероятно сильный. Его трудно ранить, не то что убить. И, как я недавно узнала, он способен использовать принуждение, чтобы навязывать свою волю другим. Он убил одного из самых могущественных герцогов во всем Солисе, проткнул сердце Вознесшего тем самым прутом, которым Тирман частенько бил меня.

Но я не испытывала страха.

Я слишком рассержена, чтобы бояться.

Смеялся сидящий слева сосед Делано – здоровяк по имени Элайджа. Из-за его глаз я не думала, что он вольвен. У всех вольвенков одинаковые льдисто-голубые глаза, а у Элайджи – ореховые, скорее золотистые, чем карие. Не только я уставилась на него: он привлек еще несколько пристальных взглядов. Я воспользовалась моментом и, стянув со стола нож для мяса, спрятала в разрезе туники.

– Что? – Элайджа погладил темную бороду, поймав устремленные на него взгляды. – Она задала вопрос, который крутится в головах большинства из нас.

Делано моргнул и медленно повернул голову к Элайдже. Кастил ничего не сказал. Улыбка на плотно сжатых губах заменяла тысячи слов, а тяжелый пронзительный взгляд переместился с меня дальше вдоль стола.

Пальцы Элайджи замерли на бороде. Он прочистил горло.

– Я думал, что план...

– То, что ты думал, не имеет никакого значения, – оборвал его принц.

– Ты о плане использовать меня как приманку, чтобы освободить своего брата? – настойчиво спросила я. – Или за последние пару часов все волшебным образом переменялось?

На челюсти Кастила дернулась мышца. Он опять сосредоточил внимание на мне.

– Тебе нужно поесть.

Я чуть не потеряла самообладание и не швырнула в него спрятанный нож.

– Я не голодна.

Он посмотрел на мою тарелку.

– Ты почти не ела.

– Понимаете, ваше высочество, у меня что-то нет аппетита.

Он крепче сжал челюсти и поймал мой взгляд. Золоти-

стый оттенок его радужки стал холоднее, по моей коже побежали мурашки. Воздух вокруг нас словно сгустился, и в зале повисло напряжение. В моем тоне не было ни капли уважения. Неужели я зашла слишком далеко? Если так, то мне все равно.

Я стиснула пальцы на рукоятке ножа. Я больше не Дева, связанная правилами, которые запрещали мне выбирать собственную судьбу. Мной больше не станут управлять. Я могу и буду заходить еще дальше.

– Она задала очень важный вопрос, – сказал кто-то с дальнего конца стола.

Это был мужчина с короткими темными волосами. Он выглядел старше Киерана, которому, как и Кастилу, на вид чуть больше двадцати. Но Кастилу больше двух сотен лет. Похоже, этот мужчина может быть еще старше.

– Значит, план использовать ее, чтобы освободить принца Малика, изменился? – спросил он.

Кастил ничего не сказал, продолжая смотреть на меня, но полностью застывшие черты его лица служили лучшим предостережением, чем любые слова.

– Я не пытаюсь поставить под сомнение твои решения, – продолжал мужчина. – Я пытаюсь их понять.

– Что ты хочешь понять, Лэнделл?

Кастил откинулся на спинку кресла, небрежно положив руки на подлокотники. От его абсолютно непринужденной позы по моему телу пробежал озноб.

Воцарилась напряженная тишина, затем Лэнделл произнес:

– Мы все приехали за тобой из Атлантии. Мы остались в этом архаичном, помойном королевстве, изображая преданность самозваным королю с королевой. Потому что, как и ты, мы ничего так не хотели, как освободить твоего брата. Он – законный наследник.

Кастил кивком велел Лэнделлу продолжать.

– Мы теряли людей – хороших людей, пытаюсь проникнуть в храмы Карсодонии...

Я напряглась, представив огромные непроглядно-черные сооружения.

Если утверждения Кастила верны, то назначения храмов – еще одна ложь. Третьих сыновей и дочерей отдают во время Ритуала не затем, чтобы служить богам. Их отдают Вознесшимся – вампирам – как обычный скот. Меня всю жизнь пичкали множеством ужасной лжи, но эта, наверное, самая худшая. Как бы ни было отвратительно то, что говорил Кастил, я боялась, что это правда. Да и как я могу это отрицать? Вознесшиеся уверяли нас, что отравленный поцелуй атлантианца становится проклятием для невинных смертных и превращает их в разлагающуюся оболочку прежней личности – в злобных, кровожадных монстров, известных как Жаждущие. Но это неправда. Атлантианский поцелуй не ядовит. Как и укус. Я служу доказательством и того, и другого. Мы с Кастилом целовались много раз. Он дал мне свою

кровь, когда я была смертельно ранена. И он укусил меня.

Я не обернулась в монстра.

Как не обернулась и много лет назад после нападения Жажущих.

Не то чтобы у меня не было подозрений насчет Вознесшихся еще до того, как Кастил вошел в мою жизнь. Он только подтвердил их. Но были ли все его рассказы правдой? У меня нет возможности узнать. Я так крепко сжала нож, что заныли пальцы.

– Мы не нашли никаких указаний на то, где держат нашего принца, и очень многие никогда не вернутся домой к семьям, – продолжал Лэнделл. С каждым словом его голос креп и наливался гневом, который я чувствовала и без дара. – Но теперь у нас кое-что есть. Наконец мы получили то, что можно использовать, чтобы узнать местонахождение твоего брата. Возможно, даже освободить его, избавить от участи создавать новых вампиров и жить в подобии ада, с которым ты сам слишком хорошо знаком. И вместо этого мы едем домой?

Я немного знаю об этом аде.

Я видела множество шрамов на теле Кастила и клеймо в виде королевского герба на верхней части бедра.

Но Кастил ничего не сказал в ответ. Все молчали. Никто не двигался: ни сидящие за столом, ни те, что стояли перед очагом у задней стены пиршественного зала.

Лэнделл еще не закончил.

– Те, что висят на стенах коридора снаружи этой самой комнаты, заслужили находиться там. Не только потому, что послушались твоих приказов, но и потому, что если бы им удалось убить Деву, мы бы потеряли наш единственный козырь. Они из мести подвергли риску наследника. Вот почему я считаю, что они заслуживают своей участи, хотя некоторые из них были моими друзьями – друзьями многих за этим столом.

«Я убью их».

Кастил пообещал это, когда увидел нанесенные ими раны. И убил. Большинство из них. Кастил пришил к стене тех, о ком говорит Лэнделл. Все они теперь мертвы, за исключением Джерико. Зачинщик был едва жив, его ждала медленная, мучительная смерть – напоминание о том, что мне нельзя причинять вред.

– Ты можешь ее использовать, – рассуждал Лэнделл. – Она любимица королевы, Избранная. Если они когда-либо отпустят твоего брата, то ради нее. А вместо этого мы едем домой, чтобы ты женился? – Он дернул подбородком в мою сторону. – На ней?

Меня уязвило отвращение, прозвучавшее в последнем слове, но мне доводилось слышать от герцога Тирмана куда более хлесткие замечания, поэтому я даже бровью не повела.

Киеран резко повернул голову к Лэнделлу.

– Если у тебя есть хоть капля рассудка, прекрати. Сейчас же.

– Пусть продолжает, – вмешался Кастил. – Он имеет полное право высказать свою точку зрения. Как и Элайджа. Но, похоже, Лэнделл может сказать больше, чем Элайджа, и мне хотелось бы послушать.

Поджав губы, Элайджа негромко присвистнул и с вытаращенными глазами откинулся назад, положив руку на спинку стула Делано.

– Эй, я иногда говорю или смеюсь невпопад. Но что бы ты ни планировал и что бы ни хотел, я с тобой, Кастил.

– Ты серьезно? – Лэнделл резко повернулся к Элайдже и вскочил на ноги. – Ты согласен отступить от принца Малика? Согласен с тем, что Кастил привезет ее домой, в наши земли, и женится на ней, сделает принцессой? Окажет честь, предназначенную той, кто сплотит все наши народы, а не разъединит их?

Кастил слегка пошевелился, его руки соскользнули с подлокотников.

– Как я только что сказал, я с Кастилом. – Элайджа поднял взгляд на Лэнделла. – Всегда, невзирая на его выбор. И если он выбирает ее, мы тоже должны это сделать.

Это... это совершенно нелепо, все эти аргументы. Но неважно. Мне плевать на сплочение народов Атлантии, потому что мы с Кастилом никогда не поженимся. Правда, у меня нет возможности указать на это.

– Я ее не выбираю. И никогда не выберу, – поклялся Лэнделл.

Кожа на его лице истончилась и потемнела. Он пристально оглядывал тех, кто сидел вокруг него. Вольвен. Он вольвен, поняла я. Я поудобнее переместила нож в руке и напряглась.

– Вы все знаете – вольвены ее не примут. Неважно, есть в ней атлантианская кровь или нет. И народ Атлантии ей не обрадуется. Она чужачка, воспитанная теми, кто вынудил нас отступить в земли, которых быстро стало слишком мало, и они стали непригодными. – Он уставился на Кастила. – Даже она сама не приняла тебя, а мы должны верить, что ты свяжешься с ней узами?

Узами? Я глянула на Киерана, а потом на Кастила. Некоторые вольвены связывались узами с атлантианцами определенного класса, и нетрудно было догадаться, что Кастил как принц относится к их числу. Киеран казался ближе к Кастилу, чем кто-либо, с кем он общался при мне. Но ни о каких других узах я не знаю.

Опять же, это все не имеет никакого значения, поскольку мы не поженимся.

– И мы должны верить, что она достойна стать нашей принцессой, когда она в открытую отвергает тебя перед твоими людьми, и при том от нее смердит Вознесшимися? – провозгласил Лэнделл. Я сморщила нос. Я не воняю... не воняю Вознесшимися. Или да? – Когда она отказывается выбрать тебя?

– Я выбираю ее, – заговорил Кастил, и мое глупое-глупое

сердце замерло, хотя я-то Кастила не выбрала. – И это все, что имеет значение.

Вольвен оскалился, и я расширила глаза при виде удлиняющихся клыков.

– Ты сделаешь это – и наше королевство падет, – прорычал он. – Я не выбирал эту суку с лицом в шрамах.

Я вздрогнула.

Я правда вздрогнула. Щеки горели, словно я получила пощечину. Не успев понять, что делаю, я подняла руку и потрогала неровный шрам на щеке.

Лэнделл опустил руку на бедро.

– Я предпочту увидеть ее мертвой, чем спокойно стоять и позволить этому свершиться.

Прошло несколько мгновений после того, как Лэнделл произнес эти слова, и волосы у меня на висках взметнулись от пронесшегося вихря.

Кресло Кастила опустело.

Раздался крик, и что-то тяжелое звякнуло о тарелку. Перевернулся стул, и Лэнделл... он больше не стоял у стола. Его тарелка больше не была пустой. На ней лежал узкий метательный кинжал. Вытаращенными глазами я проследила размытую полосу движения – Кастил придавил Лэнделла к стене, прижав предплечьем горло вольвена.

Боги богов, он способен двигаться так быстро, так тихо...

– Я просто хочу, чтобы ты знал: меня не сильно задела твои сомнения насчет того, что я намерен делать. Меня не

волнует, как ты со мной разговаривал. Я не настолько не уверен в себе, чтобы меня заботили мнения ничтожных людей. – Лицо Кастила было в нескольких дюймах от выпученных глаз вольвена. – Если бы все ограничилось этим, я бы посмотрел на это сквозь пальцы. Если бы ты остановился после того, как упомянул ее в первый раз, я бы позволил тебе спокойно уйти с твоим чрезмерным чувством собственного достоинства. Но потом ты оскорбил ее. Ты заставил ее вздрогнуть, а потом угрожал ей. Этого я не забуду.

– Я...

Кастил выбросил вперед правую руку, и то, что хотел сказать Лэнделл, оборвал булькающий звук.

– И я не смогу тебя простить.

Кастил дернул руку назад и швырнул что-то на пол. Предмет с чавканьем шлепнулся.

Я медленно приоткрыла губы, когда до меня дошло, что это за бесформенный красный комок. О боги. Сердце. Это в самом деле сердце.

Кастил отпустил Лэнделла и шагнул назад, глядя, как вольвен соскальзывает по стене, а его голова заваливается набок. Затем повернулся к столу. Его правая рука была перепачкана кровью.

– Кто-нибудь еще желает что-нибудь сказать?

Глава 2

По пиршественному залу эхом пронесся хор отрицания, но никто из сидящих даже не дернулся на стуле. Некоторые и вовсе посмеивались, а я... я пялилась на кровь, стекающую по пальцам Кастила и капающую на пол.

Он взял салфетку Лэнделла и направился обратно к своему креслу, рассеянно вытирая руку.

Я наблюдала за ним с колотящимся сердцем. Он сел и повернулся ко мне. Его глаза прикрыла бахрома густых ресниц.

– Наверное, ты думаешь, что это чересчур, – сказал он, уронив смятую, окровавленную салфетку на свою тарелку. – Не чересчур. Никто не посмеет говорить так о тебе или с тобой и остаться в живых.

Я уставилась на него.

Он откинулся на спинку кресла.

– По крайней мере, я дал ему быструю смерть. В этом есть некоторое достоинство.

Я не знаю, что сказать.

Не знаю, как к этому относиться. О боги, он только что голой рукой вырвал сердце из груди вольвена!

Стоявшие у двери стражники забрали Лэнделла, а один из мужчин за столом спросил:

– Так когда же свадьба?

Вопрос приветствовали смехом, и на губах Кастила по-

явился намек на улыбку. Он наклонился ко мне.

– Обе половины твоего лица прекрасны. Каждый дюйм восхитителен. – Он поднял ресницы, и я оказалась в плену его пристального взгляда. – Это было правдой, когда я сказал тебе об этом в первый раз, это по-прежнему правда сегодня и это будет правдой завтра.

Я разомкнула губы в резком вдохе и чуть не потянулась к лицу, но вовремя остановилась. Каким-то образом, привыкая к тому, что меня видят без вуали Девы, я забыла о шрамах, хотя никогда не думала, что такое возможно. Я уже много лет их не стыдилась. Они служат доказательством моей силы, напоминанием об ужасном нападении, которое я пережила. Но, впервые снимая вуаль перед Кастилом, я боялась, что он согласится с герцогом Тирманом. Как согласилось бы большинство людей, увидев меня без вуали или глядя на меня сейчас.

Герцог всегда говорил, что одна половина моего лица – шедевр, а другая – кошмар.

Но когда Хоук – Кастил – увидел бледно-розовый рваный шрам, который начинается от линии волос, перерезает висок и заканчивается у носа, и другой, короче и выше, протянувшийся через лоб и бровь, он сказал, что обе половины прекрасны как единое целое.

Я поверила ему тогда. Впервые в жизни я почувствовала себя красивой, что мне тоже было запрещено.

И да помогут мне боги – я по-прежнему ему верю.

– То, что он сказал, было больше, чем оскорбление. Это была угроза, а я такого не потерплю, – закончил Кастил, откинулся на спинку и взял бокал той же рукой, которой не так давно вырвал сердце из чужой груди.

Мой взгляд упал на кинжал, по-прежнему лежащий на тарелке Лэнделла. То, что вольвен пытался сделать этим кинжалом, не должно было стать потрясением. Как будто я не знаю, что многие из сидящих за этим столом предпочли бы видеть меня порезанной на куски. Я не в безопасности здесь, но все они видели коридор, ведущий в этот зал. Они должны знать, что случится, если послушаться Кастила.

В глубине души я по-прежнему недооцениваю их ненависть ко всему, что напоминает им о Вознесшихся. А я еще как напоминаю, хотя и не сделала им ничего плохого, кроме как защищаясь.

За столом возобновились беседы. Тихие обсуждения, более громкие. Смех. Как будто ничего не случилось. Меня это обескуражило. Но в том, что именно выбило меня из колеи, я не смогла признаться даже самой себе.

Киеран прочистил горло.

– Пенеллаф, не хочешь вернуться в свою комнату?

Вопрос вырвал меня из задумчивости, я на секунду промедлила с ответом.

– Ты имеешь в виду в мою камеру?

– Там гораздо удобнее и даже близко так не сквозит, как в темнице, – возразил он.

– Камера есть камера, неважно, насколько она удобная.

– Я точно помню, что мы об этом уже говорили, – заметил

Кастил.

Я перевела взгляд на него.

– Я точно помню, что мне все равно.

– Я также уверен: мы пришли к заключению, что ты никогда не была свободной, принцесса, – добавил он. В этих словах по-прежнему звучит жестокая правда, как и в тот момент, когда он произнес их в первый раз. – Не думаю, что ты вообще распознала бы свободу, если бы тебе ее предложили.

– Я знаю достаточно, чтобы понять: свобода – не то, что ты предлагаешь, – бросила я в ответ.

Ярость вернулась жаркой, желанной волной, согрев мою слишком холодную кожу.

На губах Кастила заиграла легкая улыбка, но не та натянутая и расчетливая. Мой гнев сменился смущением. Он что, нарочно меня дразнит?

Сильно раздраженная, я переключила внимание на вольвена.

– Я бы хотела вернуться в мою более удобную камеру, где и близко не так сквозит. Полагаю, мне не разрешат идти туда самой?

Губы Киерана дрогнули, но выражение его лица довольно быстро стало невозмутимым, доказывая то, что у него хватает здравого смысла не улыбаться и не смеяться.

– Ты верно полагаешь.

Не дожидаясь позволения его высочества, я отодвинула стул. Ножки заскрежетали на каменном полу. Мои движения были не так полны достоинства, как мне хотелось, но я высоко подняла голову и начала поворачиваться.

Один из стражников, стоявших у двери и унесших тело Лэнделла, направился через пиршественный зал напрямиком к принцу. Низко склонившись, он что-то зашептал на ухо Кастилу, пока Киеран поднимался. Не дожидаясь его и не глядя на потеки крови на стене, я сделала шаг.

Внезапно Кастил очутился рядом и взял меня под руку. Я не слышала, как он вставал, и, подавив удивленный вскрик, попыталась выдернуть руку. Что-то сказавший принцу стражник отошел прочь.

– Нет, – прошептал Кастил, удерживая мою руку. Что-то в тоне, каким он произнес это единственное слово, меня остановило. – У нас сейчас будет гость. Можешь бороться со мной позже. Может, мне это понравится. Но не сейчас, не перед ним.

Я встретилась с ним глазами, и в животе возник узел. Его тон опять породил во мне тревогу. Я посмотрела на дверь. Кто там идет? Его отец? Король?

Когда дверной проем заполнила группа мужчин, Кастил переместился так, что оказался чуть впереди меня. Мое внимание привлек высокий широкоплечий мужчина, шагающий в центре группы. Копна волос песочного цвета достигала квадратной, резко очерченной челюсти. Я нутром почувствовала,

что Кастил говорил именно о нем.

Он выглядел гораздо старше принца. Если бы он был смертным, в чем я сомневаюсь, я бы сочла, что он достиг границы средних лет. Вряд ли он отец Кастила. В их внешности нет ничего общего, хотя это еще ничего не значит.

Он направился к нам. Его тяжелый плащ, припорошенный тающим снегом, распахнулся, открыв черную тунику с двумя переплетающимися золотыми полосами на груди. Когда он приблизился, я чуть не ахнула. Не из-за бледно-голубых глаз, которые я ассоциировала с вольвенами, а из-за глубокой борозды посреди лба, словно ему пытались разрубить голову. А ведь я не из тех, кого можно удивить шрамами. Я со стыдом отвела взгляд. Не потому, что повреждение уродливо – он красив грубоватой красотой, напоминающей льва. Просто меня потрясло то, что я увидела шрамы на другом человеке, возможно, вольвене.

Я смутно осознала, что Киеран подошел и стоит за моей спиной.

– Зубы богов, что здесь происходит? – требовательно спросил незнакомец.

Я замерла на вдохе и перевела взгляд обратно на гостя. Его голос... он звучит так знакомо.

– Или лучше этого не знать? – продолжал он, вскинув брови при виде крови на стене.

Его спутники смешались с пирующими, за исключением одного. Этот был ниже Кастила и уже в плечах, с копной ры-

жевато-каштановых волос и такими же блестящими золотистыми глазами, как у принца. Он остался рядом с пожилым вольвеном и, казалось, ловил каждый мой вдох.

– Решил немного украсить стены, – ответил Кастил, обмениваясь рукопожатием с усмехнувшимся вольвеном.

Мне сдавило грудь, сердце замерло. Его смех... хриплый и грубый, словно горло не справляется с эмоциями. Как и у Виктера. Вот почему его голос и смех показались знакомыми.

– Не ожидал тебя так скоро, Аластир, – сказал Кастил.

– Мы скакали без остановок, чтобы опередить бурю.

Взгляд Аластира скользнул мимо принца ко мне. На его лице отразилось любопытство, но ни капли гнева, холодности или отвращения.

– Значит, это она.

– Да.

Все мышцы в моем теле напряглись. Аластир опустил взгляд, склонил набок голову, и я не сразу поняла, что он смотрит на мою шею...

Проклятый укус!

Коса соскользнула с плеча, открыв отметины на горле.

Аластир снова взглянул на Кастила, и кожа вокруг его рта натянулась.

– Похоже, тут много чего произошло после нашего прошлого разговора.

Был ли Аластир с королем, когда Кастил уехал из Нового

Пристанища, чтобы поговорить с отцом? Если так, то где же король?

– Многое изменилось, – ответил Кастил. – В том числе мои отношения с Пенеллаф.

– Пенеллаф? – удивленно переспросил Аластир, подняв бровь. – Имя в честь богини мудрости, верности и долга?

Я кивнула, поскольку не могла просто стоять и игнорировать его.

На его губах заиграла легкая улыбка.

– Полагаю, это подходящее имя для Девы.

– Если бы ты ее знал, то не полагал бы так, – ответил Кастил, и я крепко стиснула зубы, чтобы ничего не ляпнуть.

– Тогда жду не дожусь, чтобы познакомиться. – Улыбка Аластира стала напряженной.

– Придется подождать еще. – Кастил обернулся и на миг встретился со мной взглядом. Этого было достаточно, чтобы я поняла: он не хочет, чтобы я ему перечила. – Пенеллаф уже уходит.

Киеран подошел ближе и положил руку мне на поясницу, подталкивая вперед. Я подавила желание отказаться. У меня хватило здравого смысла понять: Кастил не хочет, чтобы я находилась рядом с гостем, и на то, возможно, есть веские причины.

Я зашагала вперед, отчетливо сознавая, что меня провожают взглядами. На полпути к двери я услышала вопрос Аластира:

– Разумно ли позволять Деве так свободно передвигаться?
Я остановилась...

– Иди дальше, – прошептал Киеран.

Рукоятка украденного ножа впиалась в ладонь.

– Было бы неразумно отказывать ей в этом, – со смешком ответил Кастил, и я призвала все свои силы, чтобы не швырнуть в него клинок.

Киеран шел за мной. Мы миновали стражников, которые вернулись на караул у большой деревянной двери. Шагая дальше, я напоминала себе не смотреть вверх, но все равно подняла глаза, когда проходила мимо прищипленного тела господина Тулиса.

Грудь словно придавило камнем. Он и его жена приходили к герцогу и герцогине Тирман с мольбой оставить им третьего сына, их единственного выжившего ребенка, которого следовало во время Ритуала отдать на службу богам. Я чувствовала их глубочайшую боль и отчаяние, и они подействовали бы на меня даже без моего дара. Я собиралась просить за них королеву. Сделать что-нибудь, пусть даже безуспешно.

Но они сбежали. Вся семья Тулиса, его жена и младенец-сын получили шанс начать новую жизнь. И он воспользовался этой возможностью, чтобы нанести рану, которая убила бы меня, если бы не Кастил.

Мне хотелось кричать. Хотелось завопить: «Зачем?» Я смотрела на бледное лицо и засохшую кровь на груди. За-

чем он сделал этот выбор? Он бросил все ради сиюминутной прихоти. Ради мести мне, хотя я не сделала ничего плохого ему и его семье. В итоге все пошло прахом. Теперь его сын будет расти без отца.

Но, по крайней мере, он будет жить. Если бы его отдали на Ритуале, его бы ждало будущее хуже смерти. Я понятия не имею, как долго жили третьи сыновья и дочери в этих храмах. Скармливали их сразу, еще в младенчестве? Маленькими детьми? Третьих сыновей и дочерей отдавали в первый же год жизни, тогда как вторые сыновья и дочери являлись ко Двору в возрасте между тринадцатью и восемнадцатью годами. Они оставались живы – точнее, большинство из них. Некоторые умирали при Дворе от болезни крови, уносившей их по ночам. Кастил говорил, что вампиры борются с жаждой крови, и теперь я сомневаюсь, что они умирали от болезни. Скорее это было похоже на то, что случилось с Малессой Экстон, которую нашли со сломанной шеей и с укусами на горле. Хотя у меня нет доказательств, я знаю, что ее убил лорд Мэзин, Вознесшийся, и выставил ее тело на всеобщее обозрение.

«По крайней мере, лорд Мэзин больше никому не навредит», – сказала я себе, охваченная диким удовлетворением. Я охотно вспоминала потрясение на его лице, когда отрубила ему руку. Никогда не думала, что буду рада убивать кого-то, кроме Жажущих, но лорд Мэзин опроверг это убеждение.

Неистовая радость быстро иссякла, когда вернулись мыс-

ли о детях. Как может кто-то, смертный или нет, вредить таким юным созданиям? А Вознесшиеся делают это годами – веками.

Осознав, что застыла столбом, я двинулась дальше. На сердце было тяжело, я даже не глянула на Джерико. Судя по жалобному поскуливанию, он еще жив.

Я считаю, что все заслуживают смерти с достоинством, даже он, но не чувствую ни капли сострадания. Эту участь он навлек на себя сам.

А Лэнделл? Мне его жаль? Не особо. Что это говорит обо мне?

Не хотелось об этом думать, поэтому я спросила:

– Кто этот человек?

– Его зовут Аластир Дэвенуэлл. Он советник короля с королевой. Близкий друг семьи. Кастилу и Малику он скорее как дядюшка, – ответил Киеран, и я слегка дернулась при упоминании брата Кастила.

– Почему же Кастил не хотел, чтобы я оставалась рядом с ним? Из-за того, что Аластир – советник его родителей? Или потому что он слишком сильно хочет разорвать меня на куски?

– Аластир не склонен к насилию, несмотря на шрамы. И хотя он знает свое место рядом с принцем, он предан королеве и королю. Есть вещи, которые Кастил не хотел бы доводить до ведома отца с матерью.

– Вроде нелепого брака?

– Что-то вроде того.

Когда мы завернули за угол и вступили в общие помещения, где не пахло смертью, Киеран сменил тему.

– Тебе стало жалко смертного? Которому Кас помог вместе с семьей сбежать от Вознесшихся?

Кас.

Боги, такое безобидное прозвище для такого опасного человека.

Мы начали подниматься по узкой лестнице. Я посмотрела на идущего впереди меня Киерана и заметила, что при нем нет короткого меча и лука. Но он далеко не беззащитен, если вспомнить, кто он. Мне даже в голову не пришло попытаться сбежать – я просто выставлю себя душой. Вольвены невероятно быстры.

Внезапно Киеран остановился и развернулся так неожиданно, что я попятилась и ударилась о стену. Он шагнул ко мне и, склонив голову ко мне, сделал глубокий вдох. Я окаменела.

Неужели он?..

Он коснулся носом моего виска и опять вдохнул.

– Что ты делаешь? – Я дернулась в сторону, подальше от него. – Ты меня нюхаешь?

Он выпрямился и сощурил глаза.

– Ты... пахнешь по-другому.

Я вскинула брови.

– Все в порядке? Даже не знаю, что сказать по этому по-

воду.

Он словно меня не услышал, его глаза загорелись.

– Ты пахнешь...

– Если ты опять скажешь, что от меня несет Кастилом, я тебе врежу, – пообещала я. – Сильно.

– От тебя несет им, но дело не в этом. – Он покачал головой. – Ты пахнешь смертью.

– Ого. Спасибо. Но если так, то я не виновата.

– Ты не понимаешь.

Киеран внимательно посмотрел на меня, потом развернулся и продолжил подниматься по лестнице.

Нет, я не понимаю и даже не хочу понимать.

Я понюхала свой рукав. Он пахнет... жареным мясом. Я двинулась следом за Киераном.

– Ты же говорила, что не сочувствуешь никому из них, – сказал он.

– Так и есть. Они хотели моей смерти. – Мы вышли с лестницы в крытый проход. Нас обдало холодным влажным воздухом. – Но мне невольно стало жаль господина Тулиса.

– Не стоит его жалеть.

– Ну а мне жаль. – Я поежилась под порывом ветра и опустила подбородок. – Он получил второй шанс. И упустил его. Мне жаль, что он сделал такой выбор, и жаль его жену и сына. И, наверное, я сочувствую семьям всех, кто висит на той стене.

Киеран поравнялся со мной, заслоня меня от ветра.

– Жалость к семьям вполне закономерна.

Я удивленно замерла, но ничего не сказала.

– Что?

– Ничего, – пробормотала я.

Он негромко усмехнулся.

– Думаешь, я не способен на сочувствие?

Я посмотрела на двор внизу. В лунном свете ярко сияет приличный слой снега. За пределами двора не видно ничего, кроме непроглядного мрака подступающего леса. Так странно не видеть Вал – огромную стену из известняка и железа, добытого в Райских пиках. Спящий городок Новое Пристанище обнесен Валом, но гораздо меньшим, чем те, что я привыкла видеть в Масадонии и Карсодонии.

– Я не знаю, на что ты способен, – призналась я, касаясь холодных деревянных перил. Ветер всколыхнул пряди моих волос, выбившихся из косы. – Я мало что знаю о вольвенах.

– Моя животная сторона не заглушает смертную. Я способен испытывать эмоции.

Я встретилась с ним взглядом.

– Я не это имела в виду. Просто... – Я замолчала. А что я имела в виду? – Наверное, я имела в виду как раз это. Прости.

– Не нужно извиняться. Не похоже, что ты встречала много вольвенов, – рассудил он.

– Да, но это не оправдание. – Я вцепилась одной рукой в перила. – Я не встречала и не знаю ничего о многих людях из

разных мест. Но это не означает, что я могу строить догадки.

– Правда, – ответил он.

Я чуть не поморщилась. Сколько раз я строила догадки относительно атлантианцев? Последователей? Предубеждения были сильны и впитаны с детства. Может, это не моя вина, но все равно нельзя так себя вести.

Но никто за столом даже с места не сдвинулся, когда Кастил убил Лэнделла. Что это говорит о них?

– То, что сегодня произошло, обычное дело?

– Что именно? Брачное предложение или вырванное сердце?

Я бросила на Киерана мрачный взгляд.

– Лэнделл.

Мгновение он изучал меня, потом перевел взгляд на двор и деревья.

– Не очень. Даже если ты этого еще не поняла или не хочешь понять, Кастил не кровожадный тиран. Честно говоря, ему редко кто перечит. Не потому, что все его действия разумны, а потому что он не боится замарать руки кровью, чтобы утвердить свой авторитет, получить то, что хочет, или обеспечить безопасность тех, кто ему дорог.

То, что Кастил нечасто вырывает сердца из груди, немного порадовало. Наверное... это хорошо. Хотя я не решусь считать, что вхожу в число тех, кто ему дорог.

Я из тех, кто ему нужен.

– Кастил поступил так с Лэнделлом не потому, что тот

ему возражал. – Киеран повернулся ко мне. – Не потому, что Лэнделл не способен понять, как или почему принц выбрал тебя. Даже не потому, что Лэнделл бросил вызов Касу. Атлантианцы и вольвены готовы на все, чтобы защитить родину, и было ясно, что Лэнделл увидел в тебе угрозу Атлантии.

Интересно, какое отношение я имею к тому, что, как сказал Лэнделл, их земель стало слишком мало и они становятся непригодными.

– Кас имел полное право поступить так, как поступил, – продолжал Киеран. – Если бы он этого не сделал, Лэнделл метнул бы кинжал. Найдутся и другие, кто захочет это сделать.

Меня пробрал страх.

– Значит, Лэнделл – очередное предупреждение? Сколько нужно этих предупреждений?

– Столько, сколько потребуется.

– А тебя это не волнует? Ведь некоторые из них были твоими друзьями?

– Те, кому хватило глупости оскорблять тебя и угрожать тебе перед Касом, точно не входили в число моих близких друзей.

Я чуть не рассмеялась, хотя ничего смешного не было.

– Любого в какой-то момент могут переполнить эмоции, а в другое время он будет совершенно ко всему безразличен.

– Ты никогда не пыталась прощупать мои эмоции, чтобы узнать, что я чувствую? – задал Киеран еще один неожиданный

ный вопрос.

Я поймала его взгляд.

Киеран присутствовал, когда я с помощью дара облегчила боль умирающего гвардейца. Тем не менее так странно обсуждать с кем-то мое чутье после того, как меня так долго заставляли скрывать свои способности и никому о них не говорить.

– Кас сказал, что поначалу ты могла только чувствовать и облегчать боль. Но потом, по его словам, твой дар изменился.

Я кивнула.

– Изменился, совсем недавно. Не знаю почему. Я подумала, что с первой Девой могло быть то же самое, и спросила герцогиню.

Моя шея напряглась. Герцогиня Тирман говорила, что дар первой Девы изменился от ощущения боли до чтения эмоций и что это произошло благодаря приближению Вознесения – как и со мной. Вообще о первой Деве известно очень мало. Я не знаю даже ее имени и когда она жила. Но герцогиня намекнула, что первую Деву убил Темный.

Кастил.

Я поежилась – не думаю, что от холода.

– Я не пыталась читать твои эмоции. Стараюсь так не поступать, потому что это кажется мне вторжением.

– Может, это нарушает личное пространство, – согласился Киеран. – Но также дает тебе преимущество в общении с

людьми.

Возможно.

– Как ты думаешь, он рассказал об этом еще кому-то? – спросила я.

– Кас? Нет. Чем меньше о тебе знают, тем лучше.

Я вскинула брови.

– Не знаю ни одного живущего сейчас атлантианца, который мог бы чувствовать чужие эмоции.

– Что это значит?

– Пока не знаю. – Он двинулся дальше. – Ты идешь? Или собираешься остаться здесь и превратиться в глыбу льда?

Я со вздохом оторвалась от перил и направилась к двери, у которой уже стоял Киеран.

Он достал из кармана ключ.

– Твои способности очень пригодятся в общении с Касом.

– Я не собираюсь с ним общаться.

На его лице появилась легкая улыбка. Он открыл дверь, и я вошла в комнату, согретую камином.

– Но он очень даже собирается с тобой общаться.

Стараясь держать столовый нож незаметно под туникой, я повернулась к Киерану.

– Ты имеешь в виду, что он очень даже собирается меня использовать.

Он склонил голову набок.

– Я совсем не это сказал, Пенеллаф.

– Разве? Ты думаешь, он в самом деле отказался от спасе-

ния брата? Я так не думаю. Он даже сказал, что я любимица королевы. – Последние два слова оказались едкими, как кислота. – Вся эта затея со свадьбой, должно быть, часть плана по освобождению брата. Хотя я понятия не имею, почему он просто не сознался в этом.

– Сомневаюсь, что хоть кто-то из вас двоих знает правду. Я застыла.

– Что это должно означать?

Киеран внимательно смотрел на меня и молчал так долго, что моя тревога утроилась.

– Он же рассказал тебе о Вознесшихся?

Я не поняла, какое отношение к нынешней ситуации имеют Вознесшиеся, но ответила:

– Вознесшиеся... вампиры, и все, чему меня учили, все, во что верит весь народ Солиса, – ложь. Боги никогда не благословляли короля Джалару и королеву Илеану. Боги даже не...

– Нет, боги существуют. Они – наши боги, и теперь они отдыхают, – поправил Киеран. – Ты знаешь, что на Вознесшихся нет Благословения. Они прокляты, как и укушенные Жаждущими. Разве что Вознесшиеся не разлагаются. Ты это знаешь, но понимаешь ли?

Его слова были как удар под дых.

– Мой брат... – Я оборвала себя. Не нужно говорить о Йене. – Я понимаю.

– И ты веришь тому, что Кас рассказал тебе о Вознесших-

ся?

Я, не отвечая, смотрела на огонь. С одной стороны, я видела доказательства того, о чем говорил Кастил, – видела клеймо на его коже. Вознесшиеся держали его в плену до того, как захватили его брата. Его пытали, заставляли делать совершенно ужасные вещи, судя по тем немногим подробностям, которыми он со мной поделился. Когда я думала об этом, меня охватывали слишком тяжелые и неприятные чувства, чтобы называть их отвращением. И боль в сердце – это только начало, поскольку я знала, что брат Кастила был пойман, освобождая его.

Я могу злиться на Кастила.

Могу даже ненавидеть его.

Но это не означает, что мне не хочется кричать из-за мучений, которые испытал Кастил и которые наверняка терпит сейчас его брат.

Значит ли это, что все Вознесшиеся – зло? Все до единого, включая моего брата? Я верю в то, чему видела доказательства. Но Кастил... я могу доверять разве что половине того, что он рассказал, и не похоже, что все атлантианцы абсолютно ни в чем не виновны.

– Если ты ему веришь, то почему борешься за то, чтобы вернуться? – спросил Киеран, и я посмотрела на него. – Разве не это ты делаешь, когда отвергаешь Каса?

– Мой отказ выйти за него замуж не имеет никакого отношения к Вознесшимся, – возразила я. – Дело в нем самом.

Он лгал мне во всем.

– Он лгал не во всем.

– Откуда ты знаешь? – возмутилась я. – Что ты знаешь? Даже не отвечай. Это неважно. Он планирует отдать меня за выкуп тем самым людям, которые делали все эти ужасные вещи с ним и многими другими. Планирует вручить меня тем людям, которые, скорее всего, будут использовать меня как мешок крови, пока я не умру. И даже если есть малейшая вероятность, что эти планы изменились, то только потому, что он понял, что я частично атлантианка. Чем это лучше? Зачем мне выходить за него замуж?

– А зачем ему жениться на девушке, которую он собирается отдать за выкуп? – усомнился Киеран.

– Вот и я о том же! – Я рассерженно сжала губы и перевела взгляд в темноту за спиной вольвена. – Даже не знаю, зачем мы обо всем этом говорим.

Он опять некоторое время молчал.

– Ты ведешь себя с ним так, словно ничуть не боишься после всего, что видела.

– А я должна его бояться?

По какой-то невероятной глупости я почти не хочу знать ответ. Я доверила Хоуку все мои секреты, мои желания, мое тело, мою... жизнь. Я доверила ему все, а в нем ничего не было настоящим. Даже имя Хоук.

Из-за него я оступилась и, боюсь, буду падать дальше, несмотря на его предательство. Вот чего я боюсь.

– Он совершал поступки, которые кто-то может счесть непростительными. Поступки, которые будут преследовать в снах и оставлять наедине с кошмарами долго после пробуждения. Может, он ненавидит, когда его называют Темным, но он заслужил это прозвище. – Бледные глаза Киерана встретились с моими, и по моей спине пробежала дрожь. – Но во всех королевствах он единственный, кого ты – только ты – никогда не должна бояться.

Глава 3

Хотя слова Киерана должны были меня ободрить, они подействовали совершенно иным образом.

Расхаживая перед окошком, слишком узким, чтобы через него сбежать, я смотрела на дверь. Она заперта снаружи.

Прямо как в камере.

Сжав кулаки, я еще раз прошла мимо окна. Гнев смешивался с непреходящей тревогой. Не из-за слов Киерана о том, что Кастил заслуживает прозвища Темный. После того, с какой холодной расчетливостью он убил Филлипса – гвардейца, который ехал с нами из Масадонии, – я уже поняла, почему он получил это прозвище. А то, как он расправился с Лэнделлом, только лишний раз подтвердило, что он может – и будет – убивать без колебаний, но...

Я вдруг остановилась. Я тоже могу убивать без особых раздумий. Разве я не доказала это с лордом Мэзином? Когда за мной явился Джерико с сообщниками, я была готова убивать.

Я опустила взгляд на свои руки. На них тоже есть кровь, и я не могу сказать, что запятнала их, всего лишь защищаясь и пытаюсь выжить. Лорд Мэзин получил по заслугам. Этот Вознесшийся испытывал ту же извращенную радость, что и герцог, когда дело касалось моих уроков, но он не нападал на меня, когда я на него набросилась. Он оскорбил Виктера

в тот момент, когда мой телохранитель и друг испускал последнее дыхание, и я не чувствовала ни капли вины за то, что натворила. Даже если бы лорд не был вампиром, он все равно был монстром. Может, потому меня не слишком шокировало то, как Кастил украсил стены коридора.

И это вполне может означать, что со мной что-то неладно. Но как бы то ни было, меня рассердило то, что сказал Киеран перед тем, как закрыть дверь.

Что Кастил – единственный человек, которого я не должна бояться.

Киеран не мог ошибаться сильнее.

Я посмотрела на кровать, и сердце ухнуло куда-то вниз, словно я стою на краю Вала. Я практически видела нас, то, как мы сплелись руками и ногами, слились телами. Я дотронулась до отметины на шее, и по мне прокатилась ноющая волна. Поежилась и поискала хотя бы намек на отвращение или страх, но ничего не нашла.

Он меня укусил.

Это было больно, но только поначалу, всего на пару секунд. А потом... потом меня словно затопило жидким жаром. Никогда в жизни я не испытывала столь сильных ощущений и даже не знала, что такое возможно. Но не эффект укуса привел к тому, чем мы занимались в лесу под падающим снегом. Наши тела слились из-за моего влечения к нему. Потому что мои чувства к нему пересилили правду о том, кто он. Вот что побуждает понять, как он дошел до это-

го момента своей жизни и почему он теперь так поступает. Вот что подпитывает желание забыть все, кроме наслаждения, которое охватывало меня в его объятиях, когда его губы скользили по моей коже. Все, кроме мира и дружеского расположения, которые я испытывала, когда мы просто разговаривали.

Но я с ним не в безопасности.

Даже если Кастил никогда не поднимет на меня руку, я не могу забыть, кто он. Какие беды он причинил. Пусть Виктер погиб не от его меча, но его поразили зазубренные клинки сторонников Кастила. А что насчет Лорен и Дафины – двух леди-в-ожидании, которых убили во время нападения на Ритуал? Они с восторгом ждали Вознесения, но я сомневаюсь, что они знали правду. Они не заслужили такой смерти от рук Последователей, которые наверняка даже не знали, как их зовут. Опять же, они умерли не от руки Кастила, но от рук тех, кто действовал от его имени. Как я могу когда-нибудь простить ему что-то из этого?

И каждый раз, когда я думала о нем, меня уязвляло то, что он знал, как сильно я жажду свободы. Возможности хоть что-нибудь выбирать самой. От самых простых вещей – ходить куда хочу без вуали или говорить с кем хочется, до таких важных, как выбор того, с кем поделиться своим телом. Он знал, как много это значит для меня, и пытался отобрать эту свободу. Сердце сжалось так болезненно, словно мне в грудь вонзили кинжал.

Что он может чувствовать ко мне? Чувствует ли он хоть что-то?

Сердце ныло так, будто горевало по умершему. В каком-то смысле так и есть. Я оплакиваю потерю Хоука, и неважно, что он по-прежнему жив и здоров. Хоук, которому я научилась доверять, человек, с которым я делилась своими секретами, умер. На его месте возник принц Кастил Да'Нир, но меня по-прежнему к нему влечет. Я испытываю то же желание, потребность и...

Вот почему он самый опасный человек в любом королевстве. Потому что я нисколько не сомневаюсь в том, что он использует меня, чтобы освободить брата. Вернет меня тем самым Вознесшимся, которые пять десятилетий держали его в плену, а теперь держат его брата.

Грудь сдавило, и я опять принялась расхаживать, а мои мысли перенеслись к королеве Илеане. Моя мама и королева были близки. Настолько, что когда мама предпочла моего отца Вознесению, королева позволила. Это было неслыханно. Еще необычнее было то, как королева заботилась обо мне после нападения Жаждущих, словно я была ее родной дочерью. Она меняла бинты, сидела со мной, когда меня мучили кошмары, обнимала меня, когда я просилась к маме с папой. Она первая учила меня не стыдиться шрамов, при виде которых другие ахали и шептались, прикрывая рты затянутыми в перчатки руками. За те годы, до того, как меня отправили в Масадонию, королева стала мне больше, чем опекуной.

И, если верить Кастилу, это она заклеила его королевским гербом.

Я с легкостью вспоминала, как, держась за руки, мы гуляли с ней по Королевскому саду под звездным небом. Ее терпение и доброта казались безграничными, но та же рука, что держала мою, резала кожу Кастила. Если его слова – правда, то этот же мягкий голос, что рассказывал мне о том, как моя мама в детстве гуляла по этим же дорожкам... этот голос пичкает беззастенчивой ложью целое королевство. Если Кастил говорил правду, она использует страх людей перед существами, которых она же и создала вместе с другими Вознесшимися, чтобы контролировать всех смертных до единого.

И, если все это правда, значит, королева все это время знала, что я наполовину атлантианка?

Боги, до чего же трудно об этом думать. Но что же Йен? Как он мог вознестись? Кастил сказал, что Йен выходит только по ночам и что он Вознесшийся. Может, на самом деле все обстоит так, как кто-то предположил за ужином? Что Йен мой брат только наполовину? Не верится, что у кого-то из моих родителей мог быть ребенок на стороне. Они любили друг друга так, как только могут мечтать добрые люди.

Или я чересчур наивна. Потому что если Йен не их ребенок, то где же его взяли? Подобрали где-нибудь на обочине? Кастил, скорее всего, счел бы меня дурой.

Но меня не волнует, что он думает. Неважно, что знала

королева и приходится ли мне Йен родным братом или сводным.

Я перевела взгляд на дверь.

Мне нужно сбежать.

Даже несмотря на развешанные в коридоре предостережения Кастила, я получила доказательства того, что его люди по-прежнему считают меня марионеткой Вознесшихся. Не думаю, что Лэнделл лгал, когда говорил, что мое происхождение не будет ничего значить для народа Атлантии. Сомневаюсь, что сегодняшние гости чем-то отличаются от остальных. Похоже, Аластир убежден, что мне следует сидеть в темнице, а не разгуливать по крепости.

Как будто мне это позволено.

И как только Кастил привезет меня в Атлантию, если его намерения в самом деле таковы, я окажусь в окружении врагов и в еще более шатком положении.

Когда я подумала об Атлантии, во мне зародилось крохотное зерно радостного волнения. Я ничего не могу с собой поделаться, мне хочется повидать это королевство. Может, потому что я мало что видела в своей жизни. А уж побывать в месте, которое якобы не существует? Такое мало кому выпадает.

Я со вздохом выбросила из головы эти мысли. Если Кастилу удастся увезти меня в Атлантию, то сбежать я не смогу.

Киеран ошибался, когда предположил, что я борюсь с Кастилом, чтобы вернуться к Вознесшимся. Я борюсь с ним,

чтобы вернуться к брату.

Я должна добраться до Йена, но на своих условиях. Если я каким-то образом доживу до того, как Кастил обменяет меня, я попаду напрямиком из одной клетки в другую. Это вариант на самый крайний случай. Так что мне нужно добраться до Йена самой.

И что потом?

Я знаю, что не буду в безопасности среди Вознесшихся. Но есть же дальние деревни и городки, где я могу попытаться как-то наладить жизнь?

Я медленно поднесла руку к лицу и потрогала более длинный шрам. Его будет нелегко спрятать. Но придется. Мне не хочется и дальше прятать лицо. Я не могу так жить.

Но об этом не стоит и думать, пока я не найду способа сбежать, добраться до столицы, найти Йена и при этом постараться, чтобы меня не поймали и не убили.

Мы вместе сбежим от Вознесшихся. Потому что даже если Йен мне не полнородный брат и прошел через Вознесение, он не может быть таким, как остальные. Я отказываюсь в это верить. Он никак не может питаться невинными людьми и детьми. Не может быть, что все Вознесшиеся – зло. Некоторые казались вполне нормальными.

Но если они не кормятся третьими сыновьями и дочерьями, которых отдают богам во время Ритуала, то как же они выживают? Им нужна кровь. Если они ее не получают, то умирают от смертельных ран, которые им наносят перед Воз-

несением. Йен был здоров как бык, но из него выпустили почти всю кровь перед тем, как накормить кровью атлантианца и вознести. Потеря крови убила бы его и все равно может убить, если он не будет кормиться.

Я хочу сама увидеть, во что Йен превратился или не превратился. Я сделаю все возможное, чтобы ему помочь. Но что, если он стал монстром, который пьет кровь людей? Детей? Что тогда? У меня сжалось сердце, и я сделала медленный, глубокий вдох. Я знаю, что придется сделать.

Мне придется покончить с ним, и я это сделаю. Потому что Йен был добрым и мягким – всегда был. Он мечтатель, его призвание – до конца своих дней сочинять истории. А не стать монстром. Он бы никак не захотел сделаться кем-то настолько злым. Покончить с такой кошмарной жизнью будет благородно.

Даже если я убью часть своей души.

Все мои мышцы напряглись, требуя действовать, и комната словно стала втрое меньше. Я больше ни мгновения не могу медлить, размышляя и ничего не делая.

Не уверена, могу ли я противиться Кастилу.

Если он прав, то вряд ли я выживу в Атлантии.

Но я могу найти брата.

– Я больше ни минуты не проведу в этой проклятой комнате, – сказала я громко, подходя к двери. Я прислонилась к ней и прислушалась. Ни звука. Я постучала костяшками пальцев. – Киеран?

Тишина.

Киеран не охраняет дверь. Он, скорее всего, решил, что я надежно заперта в комнате. Вряд ли я смогу выбить дверь или вылезти через дурацкое, бесполезное окно. Наверное, он решил, что мне отсюда не выбраться. И я бы не смогла это сделать, если бы у меня не было старшего брата, который научил меня вскрывать замки.

Я изогнула губы в улыбке и крутанулась. Схватив со стола нож для мяса, вернулась к двери. Возле рукоятки лезвие было толстым, но кончик как раз подошел к замку.

Опустившись на колени, я просунула острие в замочную скважину. Йен научил меня, как поворачивать нож, правильно надавливать и отпускать, и повторять, пока не раздастся тихий щелчок. До того, как я попросила переселить меня в старое крыло замка Тирман, где был заброшенный ход для слуг, по которому я могла передвигаться незамеченной, меня часто запирали в моих покоях, тогда как Йену позволяли выходить на занятия, играть и делать что угодно. Он никогда не рассказывал, где научился вскрывать замки, но он потратил много-много дней, обучая этому меня.

«Ты должна быть терпеливой, Поппи, – говорил он, стоя на коленях рядом со мной, а я засовывала нож в замочную скважину. Он смеялся и клал руку поверх моей. – И осторожной. У тебя ничего не выйдет, если ты будешь действовать как таран».

Поэтому я терпелива. И осторожна. Я поворачивала нож,

пока не услышала тихий щелчок, когда острое нащупало рычажок. Схватившись другой рукой за дверную ручку, я выдохнула, и механизм поддался. Стараясь, чтобы моя рука была твердой, я повернула лезвие против часовой стрелки.

Ручка уступила, дверь приоткрылась, повеяло холодом. Я выглянула наружу, в пустой переход.

Охваченная эйфорией, я закрыла дверь и принялась оглядывать комнату. Мои жалкие пожитки уже были упакованы в кожаную сумку. Я взяла ее и задержала взгляд на кровати, на фланелевой ночной рубашке, которую кто-то оставил для меня. Я схватила ее и принялась запихивать в сумку, но тут увидела сверху ножны на бедро. Быстро нацепила их и засунула в них нож, тяжело вздохнув при воспоминании о моем кинжале из кровокамня с рукояткой из кости вольвена. Может, он все еще валяется в конюшне, под кучами сена и соломы?

Уложив ночную рубашку в сумку, я перекинула лямку через голову на грудь. Повернувшись, подобрала тяжелый, подбитый мехом плащ унылого темно-коричневого цвета. Я взяла его, уезжая из Масадонии, потому что он не привлекал внимания. Набросила его на плечи и недрогнувшими пальцами, хотя сердце колотилось, застегнула пуговицы на воротах. Натянула перчатки и пожалела, что в комнате нет никаких припасов, кроме выпивки на столе под окном. Но мне уже приходилось оставаться без еды, когда я чем-то расстраивала герцога Тирмана. Обойдусь и сейчас.

У меня нет плана, и я мало что знаю об окрестностях, но путь на восток приведет к горам Скотос. Атлантия предположительно лежит – и процветает – за пиками, покрытыми шапками облаков, и затянутыми туманом долинами. Если я проеду через город, то вернусь на дорогу, ведущую обратно в Масадонию, но тогда придется ехать по Кровавому лесу. Если я направлюсь на юго-запад, через лес, то в конце концов доберусь до... что там за город? Я наморщила нос, пытаясь вспомнить карту, которую видела в городской Библиотеке. Карта была старой, с выцветшими чернилами, но там был нарисован мост...

Беломостье.

Городок Беломостье лежит на юге, но я понятия не имею, долго ли до него идти пешком. Проклиная свое неумение ездить верхом, я бросилась вперед и открыла дверь. В переходе по-прежнему пусто. Я выскользнула из комнаты и закрыла за собой дверь. Можно было запереть ее снаружи, но не стоит тратить время ради пары секунд, которые у кого-то уйдут на то, чтобы ее отпереть.

Я побежала к лестнице, держась ближе к стене. Остановившись на лестничном пролете, прислушалась. Ничего не услышав, ступила на лестницу и бросилась вниз по ступенькам. Когда я добралась до низа, меня охватило дежавю. Я повернулась к двери во двор, точно так же, как после того, как ударила Кастила кинжалом.

Понадеявшись, что на этот раз исход будет другим, натя-

нула капюшон плаща и потихоньку открыла дверь.

Я вышла в двор, и под моими сапогами заскрипел снег. Этот негромкий звук загремел в моих ушах, как раскаты грома. Набрав побольше воздуха, я напомнила себе, сколько раз мне удавалось незаметно улизнуть на Вал или перемещаться по замку и городу, и ни разу меня не поймали. Ни разу до Кастила.

Не буду думать об этом сейчас. Буду думать о том, как хорошо я умею ускользать из-под носа у многих других.

Я на это способна.

Дыхание вырывалось небольшими облачками. Я посмотрела направо, в сторону конюшен. Может ли мой кинжал еще лежать там?

Хватит ли у меня глупости это проверить?

Да?

Этот кинжал... что ж, он значит для меня все. Но Йен гораздо важнее, как и моя свобода. Идти в конюшни – слишком большой риск. Там могут быть конюхи, Последователи и, возможно, даже атлантианцы или вольвены.

Я не настолько глупа.

Выругалась и, оттолкнувшись от стены, побежала, держась в тени, подальше от желтоватого света факелов. Плащ струился за моей спиной.

Я даже не поняла, что очутилась в лесу, пока серебристый лунный свет не стал разбиваться на фрагменты. Его хватало только на то, чтобы не врезаться в дерево. Я не замедлила

бег. Я бежала быстрее, чем когда-либо в жизни, стараясь поскорее увеличить расстояние между мной и крепостью. Сапог зацепился за выпирающий из земли корень, я упала, и мои колени ударились о мерзлую землю. Поднялась на ноги и побежала дальше, преодолевая боль и холод. Влажный воздух щипал щеки. Я бежала, пока тупая боль в боку не усилилась настолько, что пришлось замедлиться. К тому времени я понятия не имела, как далеко забралась, но деревья стали не такими густыми, а снежный покров на земле был нетронутым.

Тяжело дыша и потирая бок, я побрела вперед. Между Новым Пристанищем и Беломостью не может быть больше дня пути верхом. А пешком? День с половиной, может, два, если отдыхать. А там я смогу найти новую группу, которая едет в столицу. Мне может повезти. Возможно, не придется долго ждать. А если не повезет? Придется ехать самой.

Но больше всего меня волновало, не окажется ли Беломость под контролем Последователей, как и Новое Пристанище? Если так, то узнают ли меня? Не думаю. Мало кому известно о моих шрамах. Но если Кастил разошлет вести, как сделают и Вознесшиеся, когда мы не появимся на очередной заставе, меня опознают. Насколько мне известно, мы не планировали останавливаться в Беломости, но какими бы планами ни поделились с герцогиней, они были ложными. А если использовать свою настоящую личность? Если я докажу смертным или Вознесшимся, что я Дева, мне точно обес-

печат путешествие в столицу, а очутившись в Карсодонии, я сбегу. Это рискованно, но никаких безопасных вариантов нет. Только боги знают, что обитает в этих лесах. С моей удачливостью здесь может оказаться задиристое семейство очень больших и очень голодных медведей. Мне не доводилось видеть медведей, так что меня ждет изумительное зрелище перед тем, как мне сожрут лицо. Но, по крайней мере, я сомневаюсь, что...

Меня остановил треск ветки, когда я перелезала через упавшее дерево. Опустила взгляд, но не увидела ничего, кроме ровного снега и разбросанных по нему сосновых иголок. Задержала дыхание и стала прислушиваться. Воздух пощипывал кожу. Треск повторился, на этот раз ближе, и я насто-рожилась.

Я повернулась, всматриваясь в деревья, в низко опущенные ветви, придавленные весом снега и льда. Откуда этот звук? Ветки ломаются? Я полностью повернулась вокруг своей оси, на этот раз медленнее. Глаза слезились от холода. Дернула головой вправо и, прищурившись, вгляделась в более густые тени, сквозь которые не проникал лунный свет. Достала из складок плаща свой столовый нож. Очень надеюсь, что это не медведь. Не хочу его убивать.

Я чуть не рассмеялась, потому что вряд ли этот нож поможет против зверя.

Мои мышцы напряглись, когда тень отодвинулась и вышла из мрака. Я отшатнулась назад при виде ее размеров:

высотой почти с человека, желтовато-коричневый мех припорошен снегом.

Сердце ушло в замерзшие пятки, когда вольвен двинулся вперед. Мускулы бугрились и перекатывались под густым палевым мехом.

Киеран.

– Проклятье, – прорычала я, ощутив в горле вкус ярости.

Прижав уши, Киеран наполовину взобрался на упавший ствол и вцепился в древесину когтями передних лап. Он опустил подбородок, и бледно-голубые глаза уставились на меня. Возможно, он ждал, что я побегу, но я знаю, что бегство для меня ничем хорошим не кончится. Я чуть не рухнула на колени от ощущения безнадежности. Как это все нечестно...

Но все же устояла.

Я не сдамся.

Рукоятка ножа впилась в ладонь, сердце неистово билось о ребра.

– Я не вернусь в крепость, – сказала я. – Тебе придется отвести меня силой, и это будет нелегко. Я буду с тобой сражаться.

– Если ты хочешь сражаться, – раздался голос, от которого по моей коже пробежала дрожь. Я резко обернулась. – Ты будешь сражаться со мной, принцесса.

Глава 4

На фоне снега вырисовывалась впечатляющая фигура Кастила, одетого в черное. Он двинулся вперед и остановился рядом с Киераном.

Я увидела, что он вооружен двумя короткими мечами с хромовыми рукоятками и лезвиями из рубиново-красного кровокамня.

Мой нож никогда не казался таким жалким, как в этот момент.

– Наверное, я добавлю в растущий список твоих способностей взлом замков, – проговорил он, растягивая слова. – Очень неподобающий Деве талант. Но, опять же, мне не следует удивляться. У тебя много неподобающих Деве талантов, верно?

Я промолчала, сердце пыталось вырваться из груди.

– Ты в самом деле думала, что можешь от меня сбежать? – тихо спросил Кастил.

Во мне разгорелся гнев, который гораздо острее любого клинка и куда предпочтительнее безысходности.

– Мне почти удалось.

– Почти не считается, принцесса. Тебе следует это знать.

Я знала.

– Я не пойду в крепость.

– Предпочитаешь, чтобы я тебя отнес? – предложил он.

– Предпочитаю больше никогда не видеть твоего лица.

– Мы все трое знаем, что это ложь.

Киеран рядом с ним фыркнул, и я подумала, не швырнуть ли нож в морду вольвена.

– Предлагаю сделку, – добавил Кастил и перешагнул через упавшее дерево, словно то была всего лишь ветка.

Я не теряю бдительности.

– Мне не нужны никакие сделки. Мне нужна свобода.

– Но ты еще не слышала, что я хочу предложить. – Он вынул из ножен один меч. – Сразись со мной. Если победишь, будет тебе свобода.

Он бросил меч, тот приземлился передо мной.

Быстро глянув на оружие, я рассмеялась, и этот звук царапнул изнутри.

– Как будто он позволит причинить тебе вред. – Я кивнула в сторону Киерана.

Кастил склонил голову набок, а вольвен наострил уши.

– Киеран, ступай в крепость. Пусть Поппи будет уверена, что все по-честному.

Киеран немного помедлил и оттолкнулся от упавшего дерева. Развернувшись с животной грацией, он побежал прочь.

– По-честному? – возмутилась я. – Ты атлантианец. Как можно сражаться с тобой по-честному?

– Значит, ты боишься проиграть? Или боишься сразиться со мной?

– Нисколько, – заявила я.

Он самодовольно ухмыльнулся, и его глаза вспыхнули горячей охрой.

– Тогда сражайся со мной. Помнишь, что я говорил? Я хочу, чтобы ты дралась со мной. Я весь в предвкушении. Мне это нравится. Ничего из этого не ложь. Вперед!

Конечно, я помню, что он говорил, но мне его никак не одолеть. Я это знаю. Он это знает. Тем не менее я не могу уйти обратно в клетку. Особенно после того, как провела в клетке всю жизнь.

Не сводя с него глаз, я убрала нож в ножны, расстегнула плащ и позволила ему упасть на землю. Было жаль тепла, но верхняя одежда бы только мешала. Я сняла сумку и бросила ее рядом с плащом.

Кастил поднял бровь.

– И это все вещи, с которыми ты собиралась бежать? Только одежда? Больше никаких припасов? Ни еды, ни воды?

– Я же не могла рыться в кладовке, чтобы меня там поймали.

Глядя на него, я наклонилась и подобрала короткий меч, взяв его обеими руками. Он и близко не такой тяжелый, как меч с широким лезвием, но все же в моем теле нет такой силы, как у тех, кто тренируется с мечом годами. Виктор быстро развеял мою убежденность, что я смогу долго держать в одной руке как широкий, так и короткий меч.

– Похоже, это был очень непродуманный план, порожденный паникой.

– Вовсе нет.

Не совсем. Может, чуть-чуть.

– Поверить не могу. Поппи, я думал, что ты умнее. – Он достал из ножен второй меч. – Что может быть глупее, чем бежать посреди ночи, без еды и воды, вооружившись только жалким столовым ножом?

Я поджала губы. Жар гнева согревал мою кожу.

– Ты знаешь, сколько идти в Беломостье пешком? Ты же туда направлялась? Ты не подумала о том, как холодно будет ночью? – продолжал допрашивать он, и в его голосе зазвучали гневные ноты. – Ты хотя бы на миг остановилась и подумала о существах, которые могут водиться в этих лесах?

Нет. На самом деле нет. И он прав. Мой план был непродуманным.

– Ты закончил с разговорами? Или боишься, что я в самом деле могу тебя победить, и потому не затыкаешься?

– Мне нравится себя слушать.

– Не сомневаюсь.

Снег закружился поземкой.

– Готова? – спросил Кастил.

– А ты?

– Всегда.

Я опустила взгляд на его меч. Кастил держал его острием вниз, совершенно не наготове. Это оскорбление, намеренное или нет. Во мне вскипела ярость, и я бросилась в атаку.

Я целилась в живот, но Кастил оказался быстрее и отразил

мой удар простым взмахом меча.

– Тебе следует метить мне в шею, принцесса. Или меч для тебя слишком тяжел?

Стиснув зубы от этой насмешки, я замахнулась выше. Он заблокировал удар и сделал ответный выпад, и близко не так быстро, как мог, судя по тому, как легко я увернулась.

– Ты забыла многое из того, что я тебе говорил.

Он двинулся вперед, взмахом меча отбив мой очередной удар.

– Может, я предпочитаю игнорировать все, что ты говоришь.

Прищурившись, я убралась в сторону.

– В любом случае я окажу тебе любезность и повторю.

– Не нужно.

Я отслеживала его движения – он кружил вокруг меня. Он владеет мечом гораздо лучше меня, как и Виктор на наших тренировках. Чему он меня учил? Никогда не забывать о самом важном оружии: элементе неожиданности.

Кастил шагнул ко мне, подняв меч.

– Похоже, повторить очень даже нужно, учитывая твое глупое поведение.

Я покажу ему глупое поведение.

– Сражайся со мной. Спорь со мной. Я не буду тебя останавливать. Но я не позволю тебе подвергать свою жизнь риску. А эта затея? Ночью? Просто образец безрассудного, самоубийственного поведения.

– Еще недавно ты не хотел, чтобы я с тобой спорила, – напомнила я, внимательно следя за ним.

– Потому что, как я сказал, ты можешь сражаться с мной, но не тогда, когда это подвергает твою жизнь риску.

– Значит, в присутствии Аластира моя жизнь была в опасности?

– Я как раз улаживал это дело, но затем пришлось идти сюда, чтобы убедиться, что ты не погибла по собственной глупости.

– Только потому, что я нужна тебе живой. Верно? Мертвая Дева не годится для обмена, когда дело дойдет до освобождения твоего брата?

Он стиснул челюсти.

– Так ты предпочитаешь погибнуть?

– Я предпочитаю быть свободной, – процедила я сквозь зубы.

Ветер швырнул прядь волос мне в лицо.

Его верхняя губа изогнулась, обнажив один клык.

– Если ты думаешь, что побег к Вознесшимся даст тебе свободу, значит, я переоценил твои способности к критическому мышлению.

– Если ты думаешь, что я планировала именно это, то я переоценила твои, – бросила я в ответ.

Кастил ринулся вперед, сильно замахнувшись. Я подозревала, что он собирается выбить меч из моих рук. Ему бы это удалось, если бы он обрушил удар, но я метнулась навстречу

мечу. Удивленно расширив глаза, он отвел клинок назад – я знала, что он так сделает. Мертвой я ему не нужна.

Поднырнула ему под руку, развернулась и лягнула ногой. Мой сапог врезался ему в живот, и он выругался. Я выпрямилась и взмахнула мечом. Кастил сместился в сторону, с трудом избежав удара в грудь.

– Молодец, – отметил он без тени насмешки.

– Я не спрашивала твоего мнения.

Его клинок столкнулся с моим, клацнул кровокамень. Несколько напряженных мгновений в лесу был слышен лишь звон мечей – мы делали выпады и парировали удары. Несмотря на холод, у меня на лбу выступил пот, и хотя после бега мышцы ныли и протестовали, я не сдавалась.

Это не была битва насмерть. Я сознавала, что это даже не битва за свободу, потому что, невзирая на сделку, Кастил меня не отпустит. Вопрос лишь в том, кто кого первый разоружит. Кто прольет первую кровь. Мне просто хотелось избавиться от ярости и отравляющей беспомощности, которые слишком долго гнездились во мне. И, возможно, именно потому Кастил затеял эту схватку.

Острие моего меча прошло очень близко от его левой щеки, но он отбросил клинок в сторону, и по моим рукам до самых плеч пробежала болезненная дрожь. Я тяжело дышала, а он не показывал и малейших признаков усталости.

Он двигался вокруг меня медленными кругами, опять опустив меч.

– Я тебя напугал? С Лэнделлом? – Надменное выражение исчезло с его лица, словно передо мной был совершенно другой человек. – Поэтому ты сбежала? Ты меня испугалась?

Удивленная вопросом и тем, как он почти со страхом ждет ответа, я на дюйм опустила меч.

Это было ошибкой.

Кастил ринулся с быстротой сокола, пикирующего на добычу. Он схватил меня за руку и развернул так, что я очутилась спиной к нему. Я попыталась вырваться, но он стиснул меня за талию, прижимая спиной к своей груди. Он сдавил пальцами мое запястье, я разжала руку, и меч упал в снег.

– Мне пришлось это сделать, – произнес он, опустив голову. Его щека прижалась к моей. – Никто, и я сказал это совершенно серьезно, никто не смеет говорить с тобой так. Угрожать тебе и остаться в живых.

Мое глупое, бестолковое сердце замерло.

– Это так мило, – сказала я и почувствовала, что его хватка на моей талии ослабла. – Но ты сжульничал.

Я дернулась в сторону и изо всей силы двинула локтем ему в живот. Кастил закричал и выпустил меня. Вместо того чтобы заняться мечом, который он по-прежнему держал, я стремительно атаковала и врезала ему кулаком в челюсть. В его глазах вспыхнуло потрясение, а я крутанулась, пригнувшись, и замахнулась ногой.

Наконец-то он упал, и у меня вырвался победный крик. Я вскочила на ноги и повернулась к нему, тяжело дыша.

Выронив меч, Кастил поднялся на одном локте и поднес ко рту руку, глядя на меня снизу. Тыльная сторона его ладони окрасилась кровью, и меня охватила неистовая радость. Он первым разоружил меня, но я пустила ему кровь.

– Просто чтобы ты знала: я сделаю это снова, убью тысячи Лэнделлов, – сказал он, и мое удовлетворение слегка угасло. Я глянула на меч, который он выронил. – И я ни на миг об этом не пожалею. Но тебе никогда не нужно меня бояться. Никогда.

Я поймала его взгляд. В его словах не было самодовольства, а в глазах – насмешки.

– Я тебя не боюсь.

Он сдвинул брови в недоумении, а я воспользовалась моментом и ринулась к мечу. Правда, пока еще не знаю толком, что буду с ним делать.

И мне не пришлось узнать.

Кастил перехватил меня за талию. Он двигался так тихо, что я не услышала, как он поднялся и приблизился. Он повалил меня на землю, развернувшись так, чтобы принять на себя удар от падения. Я оказалась на нем.

– Это напоминает мне конюшни, – сказал он мне в затылок. Если в его голосе и была какая-то уязвимость, то теперь она исчезла. Он перекатил меня под себя. – Ты тогда была такая же неистовая, как и сейчас.

Слишком сильные ощущения от его веса, от жара его тела на моей спине и ледяного холода снега спереди ошеломили

меня.

– Большинство сочли бы это качество не слишком привлекательным, – горячо зашептал он мне на ухо, пробуждая мысли о спутанных простынях и опьяняющих специях.

Между нами не было и дюйма пространства, и я ощущала Кастила всей своей спиной, выпуклостями ягодич; чувствовала его ногу, просунутую между моими. Я ощущала его каждой частью своего тела, а его утонченный аромат и свежесть снега заполняли каждый из моих частых вдохов.

– Но... – Его губы коснулись моего подбородка, а следом царапнули его острые зубы, пробудив во мне несправедливый трепет. Он меня укусит? Ноющая тяжесть затопила грудь и разлилась ниже. Меня кольнуло недоверие. Неужели я?.. Неужели я хочу, чтобы он это сделал? Нет. Конечно нет. Я не могу этого хотеть. Его губы изогнулись на моей коже, на заживающих следах укуса. – Но я не большинство.

– Большинство людей не такие ненормальные, как ты, – сказала я гортанным, каким-то не своим голосом.

– Не слишком любезное замечание. – Он сильнее царапнул острыми зубами прямо под прежним укусом, и я ахнула, а все мое тело дернулось. – И, по правде говоря, тебе нравится моя ненормальность.

Кровь пульсировала во мне, вызывая головокружение.

– Мне ничего в тебе не нравится.

Он засмеялся, и его губы скользнули по моему горлу.

– Люблю, когда ты лжешь.

– Я не лгу, – возразила я.

Интересно, это он наклонил мою голову набок или я сделала это сама? Я не могла этого сделать.

– Хм-м? – Его губы зависли над местечком, где бешено бился пульс. – Не нужно стыдиться своей склонности к насилию. Не со мной. Разве я не говорил, что меня это заводит?

– Сто раз, – сказала я и оттолкнулась от земли.

На миг я ощутила Кастила всем телом и почувствовала подтверждение его слов. Охвативший меня трепет заставил усомниться в собственной нормальности.

Кастил не ожидал этого движения и соскользнул с меня – или, что скорее всего, просто поддался. Как бы то ни было, я поднялась на колени и повернулась к нему, изо всех сил замахиваясь кулаком.

Он поймал мою руку.

– Значит, нужно повторить и сказать, как сильно ты сейчас меня заводишь?

– А еще – как это ненормально.

Он улыбнулся мне, и его глаза вспыхнули золотым пламенем.

– Мне так нравится бороться с тобой врукопашную. – Он поймал меня за второе запястье, когда я замахнулась другим кулаком. – Тогда мы с тобой так близко, принцесса.

Я вскрикнула от досады, от раздражения на него и на себя.

– С тобой точно что-то неладно!

– Возможно, но знаешь что? – Он оторвал голову от зем-

ли. – Тебе это во мне больше всего нравится.

– Мне ничего...

Ответ замер на моих губах.

Снег словно вздымался вверх под головой Кастила, но... так не должно быть. Я подняла взгляд – над всей поверхностью снега тихо клубились белые облака. Туман.

– Ты это видишь?

– Что? – Кастил повернул голову. – Проклятье. Жажущие.

У меня заколотилось сердце.

– Я не думала, что здесь бывают Жажущие.

– С чего ты решила, что здесь нет Жажущих? – В его голосе звенело недоверие. – Ты в Солисе. Жажущие повсюду.

– Но здесь же нет Вознесшихся, – возразила я. Туман густил и расползался. – Откуда тогда взяться Жажущим?

– Когда-то были. – Он сел и притянул меня ближе. – Они кормились, и кормились много. Элайджа с остальными не подпускают Жажущих, но по другую сторону леса находится Беломостье, а ночами по лесу бегают без оглядки хорошенькие девушки, так что недостатка в пище у них нет.

– Я не бежала без оглядки, – огрызнулась я.

– Бежала, и даже не знала, что в этих лесах бродят Жажущие. – В его голосе зазвучал намек на прежний гнев. – Имея из оружия только проклятый столовый нож. Поппи, почему ты убежала?

Из леса донесся пронзительный крик, и я вздрогнула от

страха.

– Думаешь, сейчас подходящее время для такого разговора?

– Да.

Я бросила на него изумленный взгляд.

– Нет? – переспросил он и вздохнул.

Он стремительно поднялся и поставил меня на ноги. Выпустив одну мою руку, наклонился и подхватил оброненный им меч.

Раздался новый визг, а следом – треск ломающихся веток. У меня кровь застыла в венах.

– Я думаю...

Касил без предупреждения привлек меня к груди. Не успела я понять, что он собирается делать, как его рот прижался к моему, сбив мне дыхание. Все мысли разбежались. Поцелуй был горячим и необузданным – столкновение губ и зубов. Я опять вспомнила, как в роли Хоука он сдерживался, целуя меня, и как много он скрывал. Не только клыки, но и силу – свою силу.

Он оторвался от меня и посмотрел в мои широко распахнутые глаза своими, которые сейчас практически светились.

– Мы поговорим об этом позже, – пообещал он и сунул мне в руку меч. – Покажи, какой я неумелый, принцесса. Убей больше, чем я.

На мгновение я словно приросла к месту, рукоятка меча холодила ладонь. Крики Жаждущих вырвали меня из сту-

пора. Я развернулась. Кастил подобрал другой меч. Некогда думать о чем-либо, особенно о поцелуе. Туман поднимался и уже дошел до колен...

Они устремились на нас из-за деревьев – волна впалых серых тел, обнаженных клыков и горящих красными углями глаз. Я никогда не видела таких... разложившихся Жажущих. Лишенные волос черепá, лишь кое-где уцелели спутанные клочки. Сквозь лохмотья виднелись проступающие ребра. Твари были такими изможденными, такими ссохшимися, что я невольно испытала жалость к смертным, которыми они некогда были, и к гниющим трупам, которыми теперь стали.

Я приготовилась к встрече, поскольку даже в таком состоянии они быстры и смертельно опасны в своей жажде крови. Жажущие хлынули через упавшие ветки и валуны.

Первая добравшаяся до меня тварь когда-то была женщиной, судя по выцветшему желтому платью и кольцу с драгоценным камнем. Она завопила, быстро перебирая тонкими как тростинки ногами, и протянула ко мне руки с бритвенно-острыми когтями, которые с легкостью могут рвать кожу.

Я была тому доказательством.

Она разинула рот, обнажив два удлиненных клыка на верхней челюсти и два таких же на нижней. Я встретила ее на полпути, вонзив меч ей в грудь. Брызнула гнилая кровь, наполнив воздух зловонием. Остановить Жажущую можно только клинком из кровокамня или колом из дерева, выросшего в Кровавом лесу, иначе она продолжала бы идти на ме-

ня, даже разорванная надвое. Я видела раньше, как Жаждущие так делали. Но у меня меч из кровокамня, и она умерла в тот момент, когда он пронзил ее сердце.

Я выдернула меч, и Жаждущая рухнула на землю. Кастил снес голову другой твари – еще один верный способ убить их. За Кастила я не волновалась. Чтобы одолеть атлантианца, нужны десятки Жаждущих, если не больше.

Пронзая грудь очередного монстра, я невольно подумала, что будь хоть подобие правды в утверждениях Вознесшихся насчет того, что Жаждущими управляет Темный, то вряд ли бы они сейчас так старались разорвать его. Хотя я это уже знала, я уже видела, как нападали на него Жаждущие в Кровавом лесу. Просто еще одно доказательство, что он говорил правду.

И что меня пичкали ложью.

Охваченная яростью, я рубанула клинком из кровокамня по шее Жаждущего и отсекла голову. Увернувшись от хлынувшей крови, столкнулась лицом к лицу с жуткими нечеловеческими глазами и лязгающими зубами. Когда я встретила взгляд Жаждущего, меня затопил чистейший, незамутненный ужас. Меня чуть было не отбросило на много лет назад, в тот момент, когда я не удержала скользкую от крови руку мамы, а боль от вцепившихся когтей и первого укуса превратилась в нескончаемый кошмар.

Сейчас я не ребенок, неспособный защитить себя. Я не слабая. Я не добыча.

С ожесточенным воплем, в котором с трудом узнала собственный голос, я вогнула клинок во впалую грудь Жаждущего. Его глаза загорелись нечестивым светом, последней вспышкой жизни.

– Шесть, – выкрикнул Кастил. – А у тебя?

– Четыре, – отозвалась я, стараясь успокоиться и почти не желая знать, что он имеет в виду. Я поднырнула под руки другого Жаждущего и вонзила меч глубоко в его спину. – Пять.

– Негусто, – поддразнил Кастил, и я закатила глаза.

Вой твари заставил меня резко повернуть голову. Жаждущий мчался на меня. Я шагнула навстречу, держа меч обеими руками, и всадила клинок под подбородок. Выдергивая меч, я заметила, что туман почти рассеялся.

Кастил проткнул последнего Жаждущего, я опустила меч и шагнула назад. Я тяжело дышала, сердце колотилось. Кастил высвободил клинок и повернул голову в мою сторону. Не знаю, что он хотел увидеть: что я еще держусь на ногах, не убежала прочь или что не бросаюсь на него с мечом?

Насчет двух последних пунктов ему нечего беспокоиться. Я слишком устала, чтобы куда-то бежать.

– Я надеялся, что мне выпадет шанс тебя спасти. – Кастил наклонился и вытер меч о штаны одного из трупов. – Но помощь тебе не понадобилась.

– Прости, что разочаровала.

Я посмотрела на Жаждущего, лежащего передо мной. На

нем не было рубашки, и я увидела рану у него на животе: четыре глубокие борозды уродливого фиолетового оттенка, тогда как остальная кожа – бледная, как у покойника. Значит, у него не пили кровь Вознесшиеся, а он стал проклятым из-за укуса Жаждущего. Интересно, сколько ему тогда было лет? Чем он зарабатывал на жизнь? Был ли он гвардейцем или следопытом? Банкиром? Фермером? Была ли у него семья? Дети, которых у него отбирали?

– Я тебе рассказывала, что меня укусил Жаждущий?

– Нет, – тихо ответил Кастил. – Куда?

– В ногу. Шрам выглядит так, будто рану нанесли когтями, но то были клыки. – Я не знаю, почему говорю и думаю об этом. – Я никогда не понимала, почему выжила после укуса и не стала проклятой, как все укушенные. Я хотела рассказать тебе об этом после того, как мы... были вместе, но много всего случилось. Раньше я ничего не говорила, потому что об этом мне тоже велели молчать. Королева уверяла, что я выжила, потому что Дева, Избранная богами. Вот почему я не обернулась монстром. Но меня никто не избирал. – Я посмотрела на него. – Это потому что я частично атлантианка?

Кастил убрал меч в ножны и подошел ко мне.

– Укусы Жаждущих не делают атлантианцев проклятыми, но если их очень много, если им удастся снести нам голову, они могут нас убить.

– Думаю, мне не разрешали использовать дар или рассказывать об укусах потому, что это способности атлантиан-

цев. Наверное, Вознесшиеся боялись, что если люди будут об этом знать, то кто-нибудь поймет, что это означает.

– А кто-нибудь знал?

– Виктор знал об укусах и о моем даре, но Тони – нет. Мой брат знал – то есть знает. Он знает. – Я сдвинула брови. – И Тирманы.

– Среди Последователей есть атлантианцы. Если бы кто-то из них узнал о твоём даре или об укусах, то сразу бы понял.

Кастил поднес руку к моему лицу. Я напряглась, когда он провел большим пальцем по щеке под шрамом.

– Кровь Жаждущего, – пояснил Кастил, вытирая ее. Он встретился со мной взглядом. – Если бы я знал, что те отметины от укусов, я бы сразу понял, кто ты.

– Ага, и... – Я осеклась. – Это бы что-то изменило?

Он долго не отвечал, но потом сказал:

– Нет, Поппи. Будь ты смертной или наполовину атлантианкой, это бы не изменило того, что произошло.

– По крайней мере, ты честен.

В груди заныло, я отвела от него взгляд и посмотрела на Жаждущих. Они пришли с той стороны, куда я направлялась. Я тяжело вздохнула, понимая, что не выжила бы. В одиночку я бы никак не справилась с дюжиной Жаждущих, имея при себе только столовый нож. Я это признаю. Я бы умерла здесь, и это была бы не та свобода, которую я искала.

Почему-то вспомнилось, что он говорил мне когда-то давно, словно бы в иной жизни.

– Помнишь, ты сказал, что как будто знал меня раньше?

– Помню.

– Это была ложь?

Выражение его лица ожесточилось, но потом смягчилось.

– А ты тогда солгала?

Я покачала головой.

– Тогда почему?

Он опустил густые ресницы.

– Думаю, это наша атлантианская кровь почуяла сродство и показала связь в ощущении, которое легко можно было не заметить.

Кастил накрыл рукой мою руку, в которой я держала меч, и выдернул его из моей хватки. Я не стала сопротивляться. Он вытер клинок и засунул в ножны рядом с другим мечом.

Я опять встретилась с ним взглядом.

– Нож я не отдам.

– Я этого и не ожидал. – После долгого молчания он произнес: – Пора.

Пора возвращаться. И в самом деле – пора. Ярость битвы во мне угасла.

– Я опять попытаюсь сбежать.

– Не сомневаюсь.

– Я не перестану с тобой сражаться.

– А я и не хочу, чтобы перестала.

Я подумала, что это ненормально.

– И я не выйду за тебя замуж.

– Поговорим об этом позже.

– Нет, не поговорим, – возразила я и на нетвердых ногах направилась к своему плащу.

Я дернула его вверх и выругалась под нос.

– Что? – спросил подошедший Кастил.

– На моем плаще лежит мертвый Жаждающий, – тяжело вздохнула я.

– Он выбрал очень неудачное место.

Кастил спихнул труп, но вред плащу уже был нанесен. Я увидела на нем пятна сгнившей крови и почувствовала вонь.

– Если я его надену, меня стошнит, – предупредила я.

Кастил подобрал мою сумку, перебросил через плечо и поднялся.

– Ты далеко убежала. Я не думал, что тебе удастся забраться так далеко.

Поскольку он на меня не смотрел, я позволила себе слегка улыбнуться.

– Но я не предполагал, что ты замерзнешь до смерти на обратном пути. Отдыхай. – Он повернулся ко мне. – Тебе понадобятся все силы для предстоящих битв, принцесса.

Глава 5

Обратный путь в крепость был долгим и прошел в молчании. Поднявшийся ветер трепал нас обоих. Я начала думать, что боги проснулись и наслали свою кару. Ведь если все, что утверждал Кастил и остальные, правда, то разве я не такая же самозванка, как королева и король Солиса? Я изо всех сил старалась не показать, как сильно мерзну, но, похоже, от Кастила невозможно ничего скрыть. На полпути к крепости он обхватил меня за плечи и привлек к себе, защищая своим телом от порывов ветра. Так мы и брели дальше.

Да помогут мне боги, я не сопротивлялась. Я приписала свое согласие тому, что слишком устала и замерзла. Оно не имеет никакого отношения к пьянящему аромату, забивающему вонь Жаждущих. Не имеет никакого отношения к тому, как... хорошо опираться на кого-то, кто заслоняет от ветра, несет свой вес и мой. И не имеет никакого отношения к простой роскоши позволить такую близость без страха нарваться на выговор и без опасений, что тебя признают недостойной.

Кастил просто... теплый.

Понятия не имею, в котором часу мы наконец добрались до крепости. Но, несмотря на свою неудачу, я обрадовалась теплу в комнате. Я превратилась в ходячую глыбу льда, совершенно не чувствовала носа и даже не была уверена, что

он на месте.

Чему я не обрадовалась, так это поджидающему в комнате Киерану. Он сидел в кресле в углу у камина.

Он поднял голову, вскинув бровь.

– Почему вы так долго? Я в самом деле начал волноваться, что она тебя одолела.

– Ну да, ты сидишь тут с таким озабоченным видом, – ответил Кастил, подталкивая меня к огню.

Я не возражала: я дрожала так сильно, что, клянусь, у меня тряслись даже кости.

Киеран ухмыльнулся.

– Я был вне себя от беспокойства.

– Мы все уладили, – фыркнул Кастил.

– Ничего мы не уладили, – проворчала я, стуча зубами.

Проигнорировав мое замечание, Кастил развел мои стиснутые руки.

– Мы наткнулись на Жаждущих, – сказал он, стягивая с меня мокрые перчатки и швыряя в камин. – Их было чуть больше дюжины.

Кастил отошел в сторону и сбросил с плеча мою сумку, а Киеран склонил набок голову, глядя на меня.

– Интересно, что бы ты делала со своим столовым ножом?

– З-заткнись, – запинаясь, проговорила я и поднесла пальцы к огню настолько близко, насколько было можно без риска обжечься.

– Она знает, что ничем хорошим для нее это бы не кон-

чилось. – Кастил запустил пальцы в припорошенные снегом волосы и откинул назад густые черные пряди. – Поэтому и бесится.

– Сомневаюсь, что это единственная причина, – заметил Киеран.

Я бросила на него взгляд, который испепелил бы его на месте, если бы мои взгляды на него действовали.

По-видимому, они на него не действуют, судя по тому, что его ухмылка стала еще шире.

– Я велел приготовить ванну. Вода была бы теплее, если бы вы пришли без лишних приключений.

Я чуть не побежала напрямик в ванную комнату, но его слова «без лишних приключений» так и сочились насмешкой.

– Ожидаешь, что я скажу тебе спасибо?

– Было бы неплохо, – ответил Киеран. – Хотя сомневаюсь, что получу это спасибо.

По моим пальцам поползло покалывающее тепло. Я бросила быстрый, тоскливый взгляд на ванную комнату.

– Ты не ошибся в ожиданиях.

– Как обычно. – Мгновение он изучал меня взглядом, потом поднялся из кресла. – Соберу людей и пойдем позаботимся о Жажущих.

– Я отправлюсь с вами, – сказал Кастил, и я удивленно глянула на него. Он поймал мой взгляд прежде, чем я отвернулась, и объяснил: – Нельзя чтобы они лежали там и гнили.

Они когда-то были смертными. Мы сожжем их.

Так же поступали и в Масадонии каждый раз, когда Жажущие нападали на Вал, но меня поразило то, что он вызвался идти в лес. Я бы ожидала такое от Хоука, но не от принца. И там так холодно. Однако холод ему, похоже, нисколько не досаждают.

Я прикусила губу, чтобы удержаться от вопроса, но это не помогло. Любопытство всегда одерживало надо мной верх.

– Холод на тебя не действует?

– У меня толстая кожа, – ответил он, и я нахмурилась, не понимая, серьезно ли он говорит. – И крепкий череп.

– А вот в этом я была уверена.

– Я бы попросил тебя воздержаться от новых попыток бегства сегодня ночью. Прими ванну и отдыхай, – сказал Кастил, и я закричала зубами. – Но если захочешь проверить, сколько холода может выдержать твое тело, – просто знай, что за дверью будет стоять на страже Делано.

Бедный Делано. Когда он охранял меня в прошлый раз, ему пришлось очень нелегко – и мне тоже.

Кастил подошел к двери вместе с Киераном и, выходя, добавил:

– Веди себя хорошо, принцесса.

Я повернула к нему голову, на языке вертелись тысячи резких ответов, но он уже закрывал дверь. Я грязно выругалась; тут же щелкнул замок, и я услышала смех Кастила.

Хотелось подскочить к двери и пнуть ее ногой, но я сдер-

жалась: это ничем бы не помогло, разве что я ушибла бы замершие пальцы ног. Отошла от огня, сняла ножны с бедра и положила у камина сушиться. Нож оставила на маленьком деревянном столике возле кровати и быстро сняла почти заледеневшую одежду. Бросив ее валяться кучей у камина, я поспешила в ванную. Масляные лампы бросали мягкий свет на ванну и кувшины, наполненные свежей водой. Опустив пальцы в воду, я с облегчением обнаружила, что она еще теплая.

Наверное, все же стоит сказать Киерану спасибо за предусмотрительность.

Но он тоже из числа тех, кто держит меня в плену, поэтому не следует быть чересчур благодарной. Так что говорить ему спасибо не буду.

Досадуя на саму себя, я шагнула в ванну и погрузилась в теплую воду. Замерзшую кожу и поцарапанные колени защипало, и я поморщилась. Когда я осознала реальность, у меня в животе словно опустились свинцовые шары. Ни Кастила, ни Киерана и близко не было возле моей комнаты, когда я убежала, но они все равно обнаружили мое отсутствие. Может, я слишком затянула с побегом и кто-то из них уже шел в комнату.

Уложив косу на плече, я взяла пахнущее сиренью мыло и принялась энергично тереть кожу. Если бы я ушла раньше, это не имело бы никакого значения. Они все равно нашли бы меня, живую или же... разорванную на куски Жаждушцами.

Мой побег был глупым и плохо продуманным, его породила потребность найти брата и... да, паника. Не от того, что сделал Кастил в пиршественном зале, а из-за душераздирающего ощущения беспомощности и...

Я позволила мылу выскользнуть из пальцев и поднесла ладонь к укусу на шее. Внизу живота возникло ноющее ощущение. Вот. Вот что стало основной причиной побега.

Я открыла глаза и выловила из воды мыло. В комнате царил тишина. Я полностью осознала ситуацию. Сбежать будет практически невозможно, даже с форой по времени, с припасами и кровокамнем и в более подходящую погоду.

Киеран меня выследит.

Кастил за мной придет.

Я со вздохом прислонилась спиной к ванне и сидела, пока не осталось и воспоминания о том, какая я была замерзшая. Наконец я выбралась из воды и вытерлась. Достав из сумки ночную рубашку, с облегчением обнаружила, что она сухая. Надев ее, я залезла в постель и стала медленно расплетать косу. Волосы были влажными только на концах. Я свернулась калачиком на боку лицом к двери.

Под теплыми одеялами я начала засыпать, несмотря на беспокойные мысли. Прошло не больше часа, когда меня вырвал из дремоты глубокий смех снаружи комнаты.

Кастил.

Он здесь, за дверью. Зачем? Мысли сразу потекли в нескольких направлениях. В одном из них вспыхнул образ,

как мы сплелись...

Я соскочила с кровати, словно она загорелась, и схватила нож.

Он пришел не за тем, чтобы убедиться, что я здесь, ведь снаружи стоит Делано. Так почему он явился сюда, а не пошел в свою комнату? Он ведь наверняка устал после всех событий этой ночи.

Мое сердце бешено забилося.

У него же должна быть собственная спальня, верно? Я огляделась с колотящимся сердцем. А ведь это и есть его спальня.

Я обернулась на звук открываемого замка.

Дверь распахнулась, впустив порыв холодного влажного воздуха, от которого заколебалось пламя в камине. И Кастил...

Он вошел так, словно имеет полное право здесь находиться. Увидев меня и то, что у меня в руках, помедлил и тяжело вздохнул. Закрывая за собой дверь, он предусмотрительно не сводил с меня глаз.

– Поппи, – начал он. – Как ты знаешь, день и ночь были долгими. Хотя я рад, что тебе не удалось ускользнуть от Делано, и ты восхитительна в этом платье, с этим крошечным ножиком...

Я метнула нож, целясь в голову, как он мне говорил.

Кастил шагнул в сторону и поймал оружие прямо в полете. Я знаю, как он быстр, но все равно меня это поразило. У

меня перехватило дыхание, хотя раздражающий внутренний голос нашептывал, что я прекрасно понимала, как легко он увернется от ножа.

Он прошипел сквозь зубы ругательство, сжимая лезвие. Между пальцев потекла кровь, и он уставился на свою руку, но я не ощутила ни капли вины. Ну, может, чуть-чуть угрызений совести – размером с крохотную мошку. Сейчас он не сделал ничего такого, чтобы швырять ему нож в лицо, но, уверена, он более чем заслужит это через пару минут.

Кастил медленно разжал пальцы и выронил нож. Перепахканное кровью лезвие клацнуло по деревянному полу.

– Ты сегодня за ночь второй раз пускаешь кровь. – Он окинул меня взглядом. Минуло напряженное мгновение, и он поднял темную бровь. – Ты такая невероятно неистовая.

– Только рядом с тобой, – бросила я.

Его губы изогнулись в усмешке, на правой щеке возникла ямочка.

– А вот это вообще неправда. – Он прошел в ванную комнату и вымыл руку в ванне. – Но знаешь, что правда?

У меня заныла челюсть от того, как крепко я стиснула зубы, чтобы удержаться от вопроса. Может, если я не буду обращать на него внимание, он уйдет. Это весьма маловероятно, но надежда умирает последней.

Кастил ждал, оглядываясь на меня через плечо.

Во мне вспыхнуло раздражение.

– Что? – бросила я. – Что правда?

Он улыбнулся, на сей раз настоящей улыбкой. Появились обе ямочки, но не только они. Ему больше не нужно скрывать, кто он, и улыбаться плотно сжатыми губами, поэтому показались кончики клыков. У меня перехватило дыхание. Не знаю, из-за ямочек или из-за клыков. Или из-за искренней теплоты улыбки – а я повидала достаточно его улыбок, чтобы знать, которая из них настоящая. Полуулыбка говорила, что он забавляется. Хищная улыбка напоминала большого кота, чья добыча совершила глупую ошибку. Холодный изгиб губ никогда не затрагивал выражение глаз. Оскал, полный едва сдерживаемой жестокости, обещал кровопролитие. Не всегда такие улыбки были адресованы мне, даже когда сегодня мы дрались в лесу. Но мне довелось увидеть их все.

Однако сейчас на его лице появилось выражение, которое смягчало его точеные черты и превращало глаза из холодного янтаря в теплый мед. И для меня это самая опасная из всех его улыбок. Он не рассердился на то, что я бросила в него нож и порезала до крови, но все равно зазвенели предупреждающие колокольчики. Такие улыбки умоляют забыть реальность, всю ложь и всю пролитую им кровь.

И заставляют думать о нем как о Хоуке.

Его улыбка задела мое глупое сердце, и это ощущение опустилось ниже, закручиваясь спиралью.

Кастил повернулся ко мне и раскрыл ладонь. На ней не было ни крови, ни раны, лишь бледно-розовая полоса.

– Это по-прежнему заводит меня, принцесса.

Я резко выдохнула.

– Кажется, я говорила это сто раз, но нужно сказать еще.

С тобой что-то не так.

Он приподнял плечи в легком пожатии.

– Как считают некоторые, что-то не так со всеми нами, и я склонен этому верить.

– Не знала, что ты такой философ.

Я смотрела на валяющийся на полу нож, пока Кастил наливал воду в ведро. Он не мог забыть про нож и где он сейчас лежит. Хочет подождать и проверить, что я буду делать?

– Ты многое обо мне не знаешь. – Он вернулся в спальню за кувшином с водой, которая грелась у камина. – Не могу дождаться возвращения домой, в страну, где нужно всего лишь повернуть кран, чтобы потекла горячая вода.

– Я... что? – Я повернулась к нему. – Что ты имеешь в виду?

Полуулыбка вернулась.

– В Атлантии во всех домах горячая вода течет прямо в ванны и раковины.

– Ты лжешь.

Кастил поставил кувшин на столик рядом с ванной и посмотрел на меня.

– Зачем мне лгать о таком?

– Потому что ты лжец? – предположила я.

Он ослабил воротник и негромко хмыкнул.

– Поппи, ты меня ранила. В сердце. – Он прижал руку к

грудь. – Опять.

– Не хнычь. Ты исцелишься. Опять, – огрызнулась я. – К сожалению.

Кастил усмехнулся.

– Похоже, не только я лжец. – Он взялся за подол туники. – Ты очень огорчишься, если я не исцелюсь.

– Мне все равно... – Я вытаращила глаза, когда он стянул через голову тунику. – Что ты делаешь?

– А на что похоже? – Он показал на ванну. – Я недавно перепачкал руки практически разложившимися трупами. Буду мыться.

Кастил отвернулся и вылил в ванну теплую воду. На мгновение я потеряла дар речи. Отчасти от того, что не могла поверить, хотя еще и потому, что он... проклятье, его тело – произведение искусства, даже со всеми многочисленными порезами и тонкими шрамами, которые я едва различаю в приглушенном свете ламп.

– Почему ты делаешь это здесь?

– Потому что это моя комната. А на остаток ночи, уже небольшой остаток, это наша комната.

Он наклонился над ванной и взял кувшины с водой, которые я не использовала. Мышцы на его плечах и спине интригующе двигались под туго натянутой кожей.

Мое сердце припустило вскачь.

– Я использовала воду в ванне...

– Вода достаточно чистая, – оборвал он. – И мне прихо-

дилось делить гораздо более грязную воду с гораздо менее интригующими людьми.

– Разве ты не мог пойти в другую комнату и там принять ванну? Со свежей водой? Уверена, здесь многие охотно бы услужили своему принцу.

– Здесь многие были бы рады услужить мне. – Он глянул на меня, вскинув брови. – Но оставить тебя одну? Когда ты готова на любое безрассудство, пусть даже волнующее? Ни за что. Я не могу поставить кого-то снаружи комнаты караулить тебя всю ночь. Всем нужен отдых. И мне нужен отдых.

– Почему? Потому что мы завтра уезжаем?

– В бурю мы не поедem. Она сильно затруднит путешествие. Знаешь, это та самая буря, что настигла бы тебя, если бы тебе удалось сбежать.

Он опустил руки к пуговицам на штанах...

Я быстро отвернулась.

– Не могу поверить, что ты это делаешь.

Кастил усмехнулся.

– Как будто ты этого всего уже не видела.

– Это не означает, что мне снова нужно смотреть на все это, – бросила я в ответ и услышала, как ткань с тихим шорохом падает на каменный пол.

– Интересный выбор слов.

Твердя себе, что я не должна смотреть, и в то же время не в силах устоять, глянула в сторону ванны...

Я мельком увидела бронзовую кожу, припорошенную

темным волосками, сильные бедра и мускулистый зад. Его тело в самом деле произведение искусства, и все шрамики только странным образом добавляют совершенства.

– Ты могла сказать, что не хочешь все это видеть, – сказал Кастил.

От неожиданности я отвернулась с пылающими щеками. Он залез в ванну, и вода плеснула о стенки.

– Можешь смотреть. Теперь у меня... более пристойный вид.

Я сложила руки на груди.

– Хотя и близко не пристойный для глаз бывшей Девы, – продолжал он.

На этот раз я повернулась к ванной комнате. Я увидела лишь затылок и широкие плечи, но и этого более чем достаточно.

– Но, полагаю, дело не в том, что прилично или ожидаемо, правда? Ты не из тех, кто послушно следует правилам.

Я покачала головой, хотя Кастил не мог меня видеть. Он взял мыло и взбил пену между ладонями.

Он прав. Меня не волнует то, что прилично или ожидаемо, и так было задолго до того, как он ураганом ворвался в мою жизнь. Но никак нельзя, чтобы он остался со мной в этой комнате. Я оторвала от него взгляд и повернулась...

– Сходи за ножом, – остановил меня голос Кастила.

Я резко глянула в его сторону. Плеснула вода. Как он узнал?

– Ты ведь этого хочешь? Если с ножом ты чувствуешь себя безопаснее, то я не против. – Он плеснул воду на лицо, она потекла по шее и великолепным линиям плеч. – Возьми его, Поппи.

У меня пересохло во рту.

– Ты не боишься, что я воспользуюсь им против тебя, пока ты принимаешь ванну?

– Я рассчитываю на то, что ты снова им воспользуешься. Если нет, я буду потрясен. Вот почему я не принес сюда мечи. Подумал, что ты можешь завладеть одним из них.

Могла бы, если бы они оказались поблизости. Я разжала руки и опустила по бокам. Он предлагает мне некоторую степень защиты, ощущение безопасности. Кому-то это показалось бы позитивным моментом. Но не мне. Это оскорбительно и бесполезно. Мы оба знаем, что ножом можно лишь порезать его до крови, и то ненадолго.

Но я все равно подбежала к ножу и подобрала его. Нарастающее раздражение улеглось, когда я увидела кровь на лезвии. Его кровь. У меня внутри все перевернулось. Я поднялась на ноги.

– Хочешь узнать о стране, где горячая вода течет, стоит только повернуть кран? – поинтересовался Кастил.

Я услышала, как капает стекающая струйками вода. Да, я хочу, пусть и не очень-то верю в то, что такие чудеса существуют. Тем не менее я ничего не ответила. Взяла полотенце, с которым вышла из ванны, и вытерла нож.

– Там есть нагреватели и трубы, – начал объяснять Кастил. – Трубы идут от нагревателей, которые обычно находятся в комнате рядом с кухней. Оттуда горячая вода течет по трубам туда, где она нужна.

Во мне невольно пробудился интерес, и я ему уступила.

– Что за нагреватели?

– Они похожи на... большие печи, где топливо нагревает большой бак с водой.

Он без предупреждения встал, и вода потекла по блестящей спине, между...

С колотящимся сердцем я отвернулась от ванной комнаты. Спустя несколько секунд оглянулась через плечо. Он как раз выходил в спальню с полотенцем, повязанным вокруг бедер. Он... у меня нет слов, чтобы описать степень неприличия. Или наоборот, в моей голове вертится слишком много слов...

Кастил улыбнулся мне и направился к узкому шкафчику у стены, который я не исследовала. Открыв его, он достал что-то похожее на черные штаны.

– Электрические приборы и нагреватели, и да, в Атлантии во всех жилых домах и разных заведениях, независимо от того, кто в них живет, есть электричество.

Устремив взор на огонь, я думала о том, что он сказал. Если он не врет, то это, наверное, главное из многих отличий его королевства от того, в котором я выросла. В Солисе электричество есть только у самых богатых и у людей с хо-

рошими связями.

– Как такое возможно?

– Может, здесь ресурсы ограничены, но это не обязательно. Все решают Вознесшиеся, – ответил он.

Я бросила на него быстрый взгляд. Он сменил полотенце на штаны. Они были более свободными и сидели на его бедрах неприлично низко, держась на каких-то шнурках и словно отрицая силу земного тяготения. Кастил собрал нашу одежду в корзину для белья и выставил из комнаты. Закрыв дверь, он сказал:

– Основную роль в их всестороннем контроле играет создание пропасти между имущими и неимущими смертными.

Кастил сел в кресло в углу, откинулся на спинку и положил щиколотку одной ноги на колено другой. Мне не доводилось видеть более высокомерной и непринужденной мужской позы. Он лениво постукивал пальцами по подлокотнику.

– Таким образом, люди, едва имеющие средства на существование, оборачивают свой гнев на тех, кто имеет намного больше, чем нужно. И никогда на Вознесшихся.

Я не могу оспорить эту точку зрения. Пропасть в Масадонии была отчетливой и широкой, как и в столице. Хотя Лучезарный ряд, где жили некоторые Вознесшиеся и богачи, протягивался всего на несколько кварталов, лучший район в Карсодонии представлял целый город. А все остальные дома, как и хижины вблизи Вала в Масадонии, были приземи-

стыми и наползали друг на друга.

– Атлантия управляется иначе? – с вызовом спросила я, прижав нож к груди.

– Да.

Я вспомнила слова Лэнделла.

– По-моему, в Атлантии есть какие-то проблемы.

Его пальцы замерли.

– Поппи, проблемы есть везде.

– А проблемы Атлантии связаны с ограниченным пространством и непригодными землями?

Он склонил набок голову.

– Когда-то Атлантия простиралась от моря Страуд далеко за пределы гор Скотос. Мой народ возводил города и возделывал землю там, где сейчас правят Вознесшиеся. Когда мой народ отступил в конце войны Двух Королей, мы потеряли все эти земли. А теперь у нас просто кончается свободное место.

– А что случится, когда оно у вас кончится?

– Я этого не допущу, – ответил Кастил и выпрямился. – Я думал, что ты спишь, когда пришел. У тебя, наверное, был гораздо более утомительный день, чем у большинства из нас.

– Я спала, но...

Мой взгляд упал на его грудь, на тугие мышцы живота. Свет от камина оставлял мало простора для воображения.

– Я тебя разбудил? Прости. – Извинение прозвучало вполне искренне. – Поппи, нам о многом нужно поговорить.

– Да. – А именно – обо всей чепухе с женитьбой. – Но не обязательно разговаривать без рубашки.

– Мне вообще не нужна одежда, чтобы разговаривать. – На его губы вернулась порочная усмешка. – Уверяю тебя, некоторые самые интересные беседы проходят без одежды.

У меня вспыхнули щеки.

– Уверена, у тебя очень большой опыт по части таких бесед.

– Ревнуешь? – Он поставил локоть на подлокотник и подпер ладонью подбородок.

– Вряд ли.

Усмешка стала шире, и хотя ямочку не видно за пальцами, прикрывшими челюсть и щеки, я знаю, что она должна быть на месте.

– Значит... это отвлекает?

– Нет, – солгала я, а потом добавила еще лжи: – Даже близко нет.

– А, я понял. Ты ослеплена.

– Ослеплена?

Я едва сдержала удивленный смех. И вот опять Кастил слегка расширил глаза, приоткрыл губы, и надменность исчезла. Он словно снял маску, но я не знаю, не сменила ли ее просто другая маска, тем более что это выражение быстро пропало, и его черты опять стали непроницаемыми.

Я медленно выдохнула.

– Нам не нужно обсуждать твое непомерно раздутое са-

момнение. Мы это давно определили. Нужно поговорить обо всей этой ерунде с браком. Я никак не могу...

– Нам нужно поговорить об этом, о нашем будущем. Но не сейчас. Уже поздно, я устал. А если я устал, то ты должна быть в полном изнеможении.

Я прищурилась.

– Для такого разговора мы оба должны быть полны сил, – добавил он.

– На такой разговор потребуется ровно столько времени, чтобы сказать: я не выйду за тебя замуж. Следовательно, ни о каком будущем говорить не нужно. Теперь разговор закончен, и тема закрыта. Видишь, как просто?

– Это не так просто, – тихо возразил он. – Почему ты сбежала?

Раздражение прожгло во мне дыру.

– Может, потому что ты пытался заставить меня выйти за тебя замуж? Тебе это не пришло в голову?

– Возможно. – Он пристально смотрел на меня и некоторое время молчал. – Знаешь, почему я выбрал имя Хоук?

У меня подскочило сердце от такой внезапной смены темы.

– Я решила, что это было имя какого-нибудь бедняги, которого ты, скорее всего, убил.

Он рассмеялся, но без веселья. Я вдруг поняла, что его разный смех, как и выражения лица, и даже улыбки, тоже нечто вроде масок – каждый вид смеха представляет разных

Кастилов, разную правду или фальшь.

– Это имя не принадлежало никакому бедняге. По крайней мере, я таких не знаю. Если такие и есть, то это чистое совпадение. Но я не просто так выбрал Хоука.

Я собиралась сказать, что мне все равно, но... мне не все равно. Боги, я хочу знать.

Он опустил руку.

– В Атлантии есть традиция давать второе имя, так сказать, среднее имя. Его дают в честь любимого члена семьи или друга. Обычно такое имя выбирает мать, и оно держится в тщательно охраняемом секрете, поделиться им за пределами семьи можно только с самыми близкими друзьями или с теми, кто занимает особое место в жизни человека. Мама выбрала среднее имя в честь своего брата. Его звали Хоуктрон. Мое полное имя Кастил Хоуктрон Да'Нир. Когда я был маленьким, мама называла меня сокращением от этого имени, и брат тоже. Они и только они знали меня как Хоука. Пока не появилась ты.

Глава 6

Хоук...

Так это не чужое имя. Оно настоящее. Хоук был настоящим?

– Если честно, когда мама называла меня Кастилом, она чаще всего добавляла к этому имени полное среднее и фамилию, и это обычно означало, что она рассержена – либо я что-то натворил, либо что-то не сделал. Киеран не называет меня Хоуком, но ему известно происхождение этого имени. И это он придумал фамилию Флинн. Он решил, что она хорошо подходит к Хоуку.

– Мы... у нас нет вторых имен, – услышала я свой голос.

– Знаю.

– Ты сейчас говоришь правду?

Его лицо напряглось от каких-то эмоций.

– Я говорю правду, Поппи.

Мой дар сорвался с кожи, и я вспомнила, что сказал Киеран о моих способностях. Я тогда заявила, что не собираюсь общаться с принцем, но мой дар способен определить, что он чувствует, и, возможно, помочь понять, лжет ли он. Ложь и правда часто связаны с эмоциями, поэтому люди стараются скрывать свои чувства. Иногда это им удается, даже если они прячут самую сильную душевную боль. Однако о своих чувствах можно лгать другим, но не самим себе.

Открыться всегда было легко, мне не требовалось никаких усилий. Чутье вырвалось, и между Кастилом и мной словно протянулся канат. Связь не всегда возникает вот так, с конкретным человеком. Иногда я теряла контроль в толпе, и меня затягивало в нее. Некоторые люди проецировали свое страдание, настолько сильное и острое, что создавали со мной связь помимо моей воли.

У меня ушло несколько секунд, чтобы понять, что исходит от Кастила. Для меня эмоции имеют определенный вкус и ощущение, а сейчас я чувствую в горле что-то одновременно терпкое и резкое. Какой-то дискомфорт и... печаль.

Печаль была знакомой. Она всегда с ним, омрачает каждый его шаг, каждое дыхание. Я часто думала о том, как он может смеяться и дразнить. Как может без устали бесить меня, постоянно чувствуя такое горе. Может, его поддразнивания и чересчур беззаботный смех – тоже маски? Ведь эта боль от начала и, возможно, до конца связана с его братом.

Я не поняла, с чем связан дискомфорт, но не почувствовала ничего указывающего на то, что он сейчас говорит неправду.

И, наверное... наверное, это означает, что имя Хоук – настоящее. Что это не ложь.

При следующем вдохе мне словно бы не хватило воздуха.
– Зачем ты рассказываешь мне о своем имени? Почему это важно?

Сейчас он спокоен, черты его лица смягчились.

– Потому что тебе важно знать, что Хоук – часть моего имени, часть меня.

– Ты можешь читать мысли?

Кажется, я уже спрашивала об этом, но мне нужно было спросить еще раз. Чтение мыслей не так уж невероятно, учитывая то, что он может навязывать другим свою волю, а тем более что он не ошибся в своем предположении. Это имя важно для меня. Почему? Понятия не имею, ведь разве это что-то меняет? В конечном счете... ничего.

К нему вернулась легкая усмешка.

– Нет, не могу, и это очень досадно, когда речь идет о тебе. Мне бы хотелось знать, о чем ты думаешь, что ты на самом деле чувствуешь.

Хвала богам, что он не знает. В путанице собственных чувств мне и самой не разобраться.

– Я Хоук, – сказал он чуть погодя. – И я Кастил. Я не два отдельных человека, как бы сильно тебе ни хотелось так считать.

Я крепче сжала рукоятку ножа. Мне не по душе то, как хорошо Кастил меня изучил.

– Я знаю.

– В самом деле?

Во мне вспыхнуло раздражение, потому что я часто думала о нем как о двух разных людях, но главным образом потому, что он просто носит разные маски, и одна из них была Хоуком.

Но это неважно. Это не может быть важно.

– Я знаю, что ты один и тот же, – сказала я. – Ты тот, кто лгал мне с самого начала, и ты тот, кто держит меня сейчас в плену. И неважно, какое имя ты при этом использовал.

Он выгнул темную бровь.

– Тем не менее ты не называла меня Хоуком с тех пор, как узнала, кто я.

Раздражение быстро переросло в гнев.

– И почему это важно, Хоук?

На его губах появилась улыбка, показывающая кончики клыков.

– Потому что я скучаю по тому, как ты произносишь это имя.

Я изумленно пялилась на него целую вечность.

– Что за нелепость, Кастил?

Он рассмеялся – таким теплым, глубоким и настоящим смехом. Через связь я ощутила веселье, как крупинки сахара на языке. И едва не разозлилась до такой степени, чтобы опять сделать что-нибудь очень безрассудное с ножом. Каким-то образом мне удалось подавить этот порыв, который бы только доказал, насколько неистовой я могу быть.

Его веселье угасло.

– Я не лгал тебе с тех пор, как ты узнала, кто я.

– Как я могу в это верить? – настойчиво спросила я. – И даже если не лгал, то это не сотрет прежнюю ложь.

– Ты права. Я не ожидаю, что ты поверишь, и не ожидаю,

что ты забудешь прежнюю ложь. – Я опять ощутила печаль с тающим вкусом веселья. – Но теперь мне нечего добиваться ложью. Я получил то, чего хочу. Тебя.

– Ты меня не получил.

Он изогнул уголок губ.

– Нам придется сойтись на том, что мы расходимся во мнениях по этому вопросу. Спроси у меня что-нибудь, принцесса. Спроси что угодно, и я скажу правду.

У меня возникли сотни разных вопросов. Я так много могла бы у него спросить. Но главных вопросов всего два.

«Были ли у тебя вообще какие-то чувства ко мне?»

«Было ли хоть что-нибудь настоящим?»

Но больше я не задам эти вопросы.

– И я должна просто поверить тебе?

– Поверишь или нет – дело твое.

Дело не просто в том, решу ли я ему поверить, но я не стала заострять на этом внимание. Мне в голову пришел еще один вопрос.

– Это ты убил первую Деву?

– Что? – переспросил он с удивлением, которое я ощутила и через связь – холодное, как всплеск ледяной воды.

Я пересказала то, что герцогиня утверждала о способностях первой Девы.

– Она говорила, что Дева оказалась недостойной, хотя ее все равно отдали богам. Но ее поступки и решения привели ее к Темному. К тебе. – Как и меня. – Герцогиня практически

сказала, что Темный ее убил.

– Не знаю, зачем герцогиня тебе это рассказала. Единственная Дева, которую я встречал, – ты. – Я ощутила горячий и едкий ожог гнева, исходящий от него. – Я даже не знаю, существовала ли в действительности еще одна Дева.

Я... я даже не рассматривала вероятность того, что никакой другой Девы не было. Это может объяснить, почему о ней нигде не написано, почему неизвестно даже ее имя. Но чтобы ее вообще не существовало?

– На моих руках немало крови, Поппи. Так много, что иногда я думаю, что никогда их не отмою. Так много, что я даже не знаю, хочу ли вообще их отмывать.

Я метнула на него взгляд.

– И я уверен, что ты много слышала обо мне – о Темном. Кое-что из этого правда. Я убивал Вознесшихся при каждой возможности, в Карсодонии и во всех городах, где бывал. И да, я находил своеобразные способы покончить с ними. Я искупался в их крови.

Я похолодела, не в силах отвести взгляд.

– Дворец Золотого Полумесяца и лорд Эвертон – твоя работа?

– Лорда Эвертона не было в живых, когда я покинул Триречье. Как и всех смертных, которые помогали ему, когда дело касалось его тяги к крови мальчиков – пристрастия, которое зашло еще дальше. И, как ты понимаешь, некоторые смертные знали правду: они помогали скрывать то, что про-

исходит в храмах, и то, что делают Вознесшиеся, когда до Ритуала еще далеко.

Я уже поняла, что у Вознесшихся есть пособники. Должны быть. Жрецы и жрицы в храмах должны все знать. Как и хозяйки в замках и близкие слуги Вознесшихся.

– И я уверен, что до тебя доходили слухи о моей связи с леди Эвертон, благодаря которой я попал во дворец?

Я об этом слышала.

– Я признаю, что использовал любое оружие, какое было под рукой. Этому меня научили сами же Вознесшиеся.

Меня передернуло.

– Она славилась своими любовными интрижками. Слуги помогали ее любовникам проникать во дворец. Многие так и не выходили, но я постарался, чтобы она меня увидела. В конце концов она пригласила меня в свою постель, и вот так я смог войти. Но я и пальцем ее не тронул. Вообще. – В его тоне звучал низкий рокот. – И если бы она не убежала, когда пожар только занялся, она бы тоже не спаслась.

Я ни на секунду в этом не усомнилась.

Он подался вперед, удерживая мой взгляд.

– На моих руках кровь не только Вознесшихся, но и невинных. Смертных и атлантианцев, очутившихся на пути к тому, чего я хочу. Твой охранник, Рилан, один из них.

У меня возник ком в горле.

– Как и гвардейцы, что ехали с нами, и бесчисленное множество других. Все они пали от стрелы, яда или в бою. Все,

что стояло между тобой и мной. – Он не отводил взгляда ни на секунду. – А Виктор? Те леди на Ритуале? Я не убивал их, но ты права. Мои сторонники действовали по собственному произволу, но их вдохновили мои слова, мой пример. Поэтому кровь этих жертв тоже на моих руках. Мне следовало с самого начала взять ответственность на себя.

Меня пронзила дрожь боли и сожаления.

– Что-то из этого запятнало твою душу? – прошептала я.

– Многое из этого. – Он выпрямился. – Но к той Деве я не имею никакого отношения. Если она существовала и была, как и ты, частично атлантианкой, и имела дар, как у тебя или похожий, – ее не отдали богам. Ее, скорее всего, использовали так же, как собираются использовать тебя.

Я прерывисто выдохнула.

– Если... если у них твой брат, то зачем им нужна я?

Он внимательно смотрел на меня из своего кресла.

– Атлантианцам, чтобы выжить, нужна кровь сородичей. Даже полукровка может дать необходимое вещество. Вот так во мне поддерживали жизнь.

Я с усилием сглотнула. Несмотря ни на что, мне больно за него. И за нее – за женщину, которую я даже не знала. Да что там – я даже не уверена, что она существовала.

– Ее могли держать в плену... чтобы кормить его? Поддерживать в нем жизнь?

– Мы не умираем без атлантианской крови, – сказал он.

Я нахмурилась.

– Как можно не жить, но и не умирать?

– То, что тогда с нами происходит, нельзя назвать жизнью, – ответил он и продолжил прежде, чем я успела задать вопрос. – Если первая Дева существовала, то либо она поддерживала жизнь моего брата, либо ее использовали так же, как его. Возможны и оба варианта сразу. Но в любом случае я полагаю, что она давно погибла. Тебе стоило задаться вопросом, зачем ты им нужна. Зачем Вознесшимся делать тебя Девой, держать взаперти, под защитой и неусыпным наблюдением? Почему они ждали твоего Вознесения?

Он практически выплюнул последнее слово.

– Ты была права насчет того, почему после нападения Жаждущих тебя заставили молчать об укусах и никогда не применять свои способности. Кто-нибудь мог понять, кто ты, и все их возведенное на костях здание рухнуло бы. Так почему они рисковали и ждали так долго? Пожалуйста, скажи, что ты задавала себе эти вопросы.

Я похолодела.

– Я задавала. Они... они хотят использовать меня, чтобы создавать новых вампиров. Но почему? У них есть...

– И как ты думаешь, почему они ждали так долго? – повторил он. – Почему эта предполагаемая первая Дева очень кстати исчезла примерно в то время, когда начали усиливаться ее способности? Для тебя нет никакого Вознесения. Боги не требуют служить им. Вознесшиеся ждали, когда ты станешь им полезна. – Он подался вперед. – Есть причина, поче-

му они ждут определенного возраста, чтобы вознестись. Знаешь, что происходит с атлантианцами в девятнадцать лет?

Я знала. Читала об этом в «Истории войны Двух Королей и королевства Солис». Ответ содержался в этой проклятой книге, которую меня заставили прочитать раз сто. Возможно, кое-что в ней было правдой.

– Атлантианцы достигают зрелости. Вы называете это... Отбором, когда происходят физические изменения.

– И когда у некоторых начинают проявляться или усиливаться определенные способности, – добавил Кастил. Его глаза ярко горели в полутемной комнате. – Для меня это была способность к принуждению. В детстве я умел быть очень убедительным, но, пройдя Отбор, смог по желанию навязывать свою волю другим.

В животе возникла пустота.

– Тогда почему ты просто не заставишь меня делать то, что хочешь?

Он сдвинул брови.

– Потому что хоть я и чудовище, но не такое чудовище, Поппи.

В груди защемило, и я отвела взгляд.

– Кроме того, принуждение действует временно и полезно только для сиюминутных целей.

Когда я опять посмотрела на него, выражение его лица стало более мягким.

– И, что интересно, подобно тому, как ты не можешь ло-

вить эмоции Вознесшихся, принуждение на них тоже не действует.

Я прочистила горло.

– Ты знаешь, почему так?

– Некоторые считают, это потому, что у них нет души.

Я подумала о Йене и тут же отбросила эти мысли.

– Так ты думаешь, мои способности меняются, потому что я приближаюсь к Отбору?

– Да, к версии Отбора. Твоя кровь для Вознесшихся бесполезна, пока тебе не исполнится по крайней мере девятнадцать, хотя твои способности будут формироваться еще два года.

Пока я переваривала то, что он рассказывал, мои мысли потекли в ином направлении.

– У меня... вырастут клыки?

Он поднял брови.

– Сомневаюсь. Полукровкам не требуется кровь, поэтому не нужны и клыки.

– А что насчет... бессмертия?

– А ты бы его не хотела?

Я подумала о Вознесшихся и о том, как долго они живут. Было ли причиной недостатка у них человечности то, что они делают, чтобы выжить? Или же дело в том, что они на протяжении нескольких поколений видели, как все вокруг умирают?

– Не знаю, – честно ответила я. – Так оно будет?

Он покачал головой.

– То, что смертные называют бессмертием, есть только у чистокровных атлантианцев.

Сложно сказать, с облегчением я это восприняла или нет.

– А я могу вознестись? Стать вампиром?

Задавая этот вопрос, я думала о Йене. Если он, как и я, частично атлантианец...

– Я честно не знаю, Поппи. Атлантианцам запрещено возносить тех, в ком есть хоть капля смертной крови, – объяснил он. – Даже полукровки, живущие в Атлантии, не возносятся. Они живут и умирают, как и смертные.

Я не знала этого о жителях Атлантии. Что не все атлантианцы такие, как он.

– Могу представить, что для полукровок Вознесение будет таким же, как для смертных, – продолжил он. – Они станут вампирами.

Это означает, что ими будет руководить жажда крови, просто не такая всепоглощающая, как у Жаждущих. У меня сдавило грудь.

– Когда человек обращается – делается вампиром, – что с ним происходит?

Кастил несколько секунд молчал, затем сказал:

– Другие вампиры кормятся от них, приводя их на грань смерти из-за потери крови, а потом дают кровь атлантианца. Иногда изменение происходит сразу. В других случаях они несколько часов могут казаться мертвыми. Но они пробуж-

даются и... пробуждаются голодными. Такими же неуправляемыми, как Жаждающие, и часто справляться с ними приходится несколькими Вознесшимся. – Он подвигал челюстью, глядя на огонь. – Даже когда их накормят, их снедает голод. Я слышал, что у новообращенного вампира уходят недели, а то и месяцы, чтобы научиться контролировать жажду.

У меня упало сердце. После Вознесения Йена я какое-то время не получала от него никаких вестей. Прошло несколько месяцев, он тогда как раз женился.

– И мне известно, как поступают те, кто не может смириться со своими новыми потребностями и причинять вред людям, – тихо добавил он.

– Как? – спросила я, хотя интуиция подсказывала, что ответ будет не из приятных.

– Они предпочитают выйти на солнце, когда оно стоит в зените. Много времени это не занимает, но все равно смерть приходит не слишком быстро. И не безболезненно.

О боги.

Это... это похоже на то, что сделал бы Йен. Но он жив. Он слал письма. Он должен быть жив.

Я сглотнула.

– Ты видел, как их обращают? Все они сознают, что с ними происходит?

Он перевел взгляд на меня.

– Я знаю, к чему ты клонишь, и не думаю, что ответ изменит ситуацию так, как тебе хочется.

– Ты можешь просто ответить на вопрос?

Он сжал губы.

– Вознесшиеся устраивают церемонию. Смертных приводят в балахонах и масках. Поют бессмысленные слова, зажигают свечи. Некоторые, похоже, знают, чего ждать. Большинство выглядят как пьяные. Понятия не имею, вполне ли они сознают, что происходит. – Его грудь поднялась в глубоком вдохе. – Некоторые кажутся одурманенными. Сомневаюсь, что они вообще понимают, бодрствуют ли они.

Я уставилась на него, застряв между облегчением и ужасом. Понятно, почему он не хотел отвечать. Если Йена одурманили до такой степени, что он не сознавал происходящее, если остальные тоже не сознавали, что происходит, – это еще хуже.

Кастил молча смотрел на меня.

– Вознесшимся незачем обращать полукровку. Это испортит кровь, которая им нужна, чтобы создавать новых Вознесшихся или сохранять жизнь атлантианцу. Вот почему они заботились о твоём здоровье и безопасности, вот почему ваша драгоценная королева так нежно ухаживала за тобой.

Все мое тело напряглось, как тетива лука.

– Твоя кровь до сих пор для них ничего не значила и будет значить еще меньше, если ты пройдешь через Вознесение.

Значит, у меня с Йеном, скорее всего, были разные родители: или один, или оба. Потому что его предназначали для Вознесения. Он писал мне письма, и Кастил утверждал, что

Йена видят только по ночам. Разве что...

Разве что осведомители Кастила видели кого-то другого, а письма слал вовсе не Йен.

От этой мысли мне стало дурно. Я тяжело сглотнула. Сейчас, когда я далеко от Йена, я даже не могу рассматривать все эти возможности. Вопросы и сомнения раздавят меня.

И я уже чувствую себя раздавленной.

Я уже знала, что для меня замыслили Вознесшиеся, но когда полностью поняла, почему они ждали, в чем причина всех их действий, мне стало тошно до такой степени, словно я в самом деле заболела.

– Они просто держали меня в живых, пока...

Я подавилась словами, будто их вес грозил меня сокрушить.

Кастил ничего не сказал, хотя, наверное, это и к лучшему. Я почувствовала себя как подожженный пороховой бо-чонек. Внутри искрились недоверие и гнев. Меня держали в укрытии, практически в клетке, заботились, как о призовом скоте, пока моя кровь созревает. Пока я не стану полезной – либо чтобы создавать новых вампиров, либо поддерживать жизнь в том, кто будет их делать.

– Я не бутылка вина, – прошептала я.

– Нет, Поппи, – тихо сказал он. – Ты не бутылка вина.

Я вскинула голову.

– И ты не знал этого, когда отправился за мной? Клянешь-ся? Поклянись прямо здесь и сейчас, что не знал о моем

атлантианском происхождении. О том, что именно поэтому меня сделали Девой. Что меня держали живой и оберегали от всего, пока я не стану... полезной?

Он встретился со мной взглядом.

– Клянусь, Поппи. Я понятия не имел, что ты атлантианка, пока не попробовал твою кровь. Я даже не предполагал, в чем дело, когда узнал о твоём даре. Наверное, следовало понять. – По его лицу пробежала тень, так быстро, что я даже не была уверена, что видела ее. – Но никто из атлантианцев не был на такое способен уже сотни лет. Я не знал.

Мое чутье все еще было открыто, и у меня ушло несколько секунд на то, чтобы пропустить через себя его эмоции. В них по-прежнему присутствует едкий привкус гнева и терпкость, которую я ассоциировала с неуверенностью, и никогда не покидающая его печаль.

Мой дар никоим образом не детектор лжи, но я не думаю, что Кастил лжет. Убрать чутье было труднее всего, потому что это не казалось естественным. А естественным представлялось потянуться к нему и забрать печаль, дать немного временного покоя. У меня зудела кожа от желания так поступить, и не из-за Кастила. Дар требовал, чтобы им пользовались, чтобы им исцеляли. Я с усилием заперла его и, прерывисто выдохнув, уселась на край кровати.

– Теперь ты полностью понимаешь, почему они так поступали и в чем состоял их план. – В голосе Кастила прозвучала жесткость, которую я редко слышала, когда он говорил со

мной. – Так ради чего тебе к ним бежать, Поппи? И брак со мной тут ни при чем.

Я уставилась на него, чуть ослабив хватку на рукояти ножа.

– Я же тебе говорила, что бежала не к ним.

– Тогда куда ты бежала? Без ничего, я бы добавил.

– Не нужно это добавлять. Я прекрасно знаю, с чем я ушла.

– Если ты не возвращалась к Вознесшимся, то куда собиралась идти? Ты направлялась в Беломостье, на юг. – Его глаза горели, как осколки янтаря. – Ты не возвращалась в Масадонию. Полагаю, ты шла в столицу. Зачем? При том, что ты уже кое-что знала, зачем ты туда шла?

– Зачем? – Во мне вспыхнул гнев, горячий и яркий, как пламя. – Ты серьезно опять задаешь этот вопрос?

– Разве похоже, что я шучу?

Я ошеломленно молчала, но только мгновение.

– А зачем мне оставаться здесь и позволить тебе отдать меня им? Тем, кто, как ты сказал, хотят меня использовать; существам, которые мучили и пытали тебя? Которые делают то же с твоим братом? Чем же тогда ты лучше их? Чем безопаснее? Ты делаешь со мной то же, что делали они! – У меня горело горло от болезненного клубка эмоций. – Ты держишь меня в безопасности, сытой, в клетке, пока не придет время меня использовать!

У него на скулах заходили желваки.

– А потом ты объявляешь, что собираешься на мне жениться. – Я, дрожа, покачала головой. – Что, скажи на милость, заставило тебя выдать такое оскорбление?

– Оскорбление? Да будет тебе, Поппи. В глубине души ты должна быть в восторге. Не всем выпадает удача стать настоящей принцессой.

– Я и близко...

Я захлопнула рот, осознав, что он на самом деле меня дразнит. Неужели это все какая-то грандиозная шутка?

– В Атлантии считается великой честью войти в лоно благородной правящей семьи, – продолжил он. – Думаю, ты понравишься моей матери.

– Мы не поженимся!

Я вскочила на ноги и вогнала нож глубоко в деревянный столик возле кровати. Рукоять завибрировала от удара.

– Еще одно подтверждение, что ты определенно понравишься моей матери, – пробормотал Хоук. В этот момент он был Хоуком.

Я слишком хорошо знаю этот задумчивый тон, и он сбил меня с толку. Только через несколько секунд я пришла в себя и вспомнила, что это просто очередная маска.

– Почему? Потому что на этот раз я не бросила его тебе в лицо?

– Ее, скорее всего, позабавит рассказ именно о том, как ты его бросила, – произнес он, и я сдвинула брови. – И она будет рада узнать, что ты способна проявить сдержанность.

– Я уже жалею, что проявила сдержанность.

Кастил засмеялся, тоже очень знакомо, но это был смех Кастила. Это его золотистые глаза казались такими обворожительными. Он одновременно Хоук и Кастил, но сейчас я имею дело с последним. Он наклонился вперед в кресле и опустил босые ступни на пол.

– Ты невероятно красива, когда злишься.

Я не хотела поддаваться лести и таять от такого странного комплимента.

– А ты такой невероятно ненормальный.

– Меня называли и похуже.

– Не сомневаюсь.

Я сложила руки на груди. Он поднялся с кресла, и на миг я немного потерялась при виде всей этой бронзовой кожи.

– О нашем будущем поговорим завтра...

– Не о чем разговаривать завтра, – оборвала я. – Мы не поженимся.

– Полагаю, после моих доводов отказать будет невозможно.

– Нет ничего невозможного.

– Посмотрим.

– Нет, мы... Что ты делаешь? – возмущенно спросила я, когда он направился к другой стороне кровати. – Что ты делаешь?

– Иду в кровать.

– Зачем? – Мой голос стал пронзительным.

Он выгнул бровь и отбросил одеяло.

– Спать.

– Спасибо, я это поняла. Но с чего ты вздумал спать в одной комнате, мало того – в одной постели со мной?

– Я уже объяснил, что это моя спальня.

– Тогда я найду другую комнату.

– Подходящих комнат больше нет, принцесса.

Я вцепилась в одеяло, напряженно соображая.

– Это неприлично. Я Дева. То есть была. Без разницы. Я воплощение приличия.

Он уставился на меня.

– Поппи, не считая того факта, что ты не воплощение приличия, все в крепости знают, что мы уже делили постель.

– Ну... это просто... – У меня пылало лицо. – Просто великолепно.

– Я не оставлю тебя одну.

– Я не собираюсь бежать, обещаю.

– Я надеюсь, ты не считаешь, что я настолько глуп, чтобы верить твоим клятвам? – Кастил взял довольно плоскую подушку и взбил ее. – Поэтому здесь буду либо я, либо Киеран. Ты предпочитаешь его? Если так, я его позову. – Он бросил подушку в изголовье. – Но просто чтобы ты знала: он часто спит в облике вольвена и имеет привычку брыкаться во сне.

Я медленно приоткрыла губы.

– Что? Погоди. Не нужно мне это объяснять. Я не хочу Киерана.

Его легкая улыбка – воплощение коварства.

– Ты хочешь меня.

– Я не это сказала. Ты можешь спать на полу.

– Я не буду спать на полу. И, предупреждая твои слова, ты тоже. – С вызывающей завистью грацией он скользнул в постель. – Неважно, что ты обо мне думаешь и что знаешь, но, надеюсь, ты понимаешь, что я не буду заставлять тебя ни силой, ни принуждением. Я никогда не буду делать то, чего ты не хочешь, и не только потому, что знаю, каково это, – произнес он ровным тоном, и у меня сжалось сердце. – А потому что я никогда таким не был.

– Я не думаю, что ты будешь делать что-то подобное, – быстро сказала я. – Что они с тобой делали?

Я не хотела знать. Мне... нужно знать.

– Поппи, об этом я в самом деле не хочу рассказывать.

Открыла рот и тут же закрыла. Я могу это понять. Отнестись с уважением.

Я не стала настаивать и вспомнила, как Киеран говорил о том, что с принцем я в безопасности. К несчастью, я также вспомнила, какой эффект оказала его кровь и как я практически умоляла его прикоснуться ко мне.

Не самое лучшее воспоминание.

Хотя Кастил отказался. Он с легкостью мог воспользоваться ситуацией. но что он тогда сказал? Что он не хороший человек, но пытается быть таким. Я вспомнила стыд, который ощутила от него. Он был одновременно злодеем и геро-

ем, чудовищем и убийцей чудовищ.

Но я не боюсь, что он что-нибудь сделает со мной. Я больше боюсь себя – меня пугает то, как сильно колотится мое сердце. В ночь, которую мы провели вместе, засыпать в его объятиях было... было так же прекрасно, как и то, что случилось между нами перед этим.

Только это не было настоящим.

Проблема в том, что мое сердце, похоже, не понимает этого; по крайней мере, не всегда. Вот почему сейчас оно билось так быстро. Для некоторых – возможно, для большинства в королевстве, – спать рядом с кем-то почти ничего не значило. Но для меня? Мою жизнь переворачивали такие простые вещи, как держаться за руки, открыто прикасаться к другому человеку, ужинать с кем-то – то, что другие люди воспринимают как должное.

Вот почему так опасно делить постель с Кастилом.

Я смотрела, как он опускает одеяло до пояса и складывает руки под головой. Устроившись поудобнее, он сказал:

– Просто чтобы ты знала: если захочешь, чтобы мои губы оказались где-нибудь на тебе, я с готовностью исполню твое желание.

Я разинула рот.

– И моя готовность удовлетворить тебя распространяется на мои руки, мои пальцы, мой член...

– О боги, – оборвала я его. – Тебе не стоит об этом беспокоиться. Мне никогда не понадобятся твои... твои услуги.

– Услуги? – Он повернул ко мне голову. – Это звучит так грязно.

Я проигнорировала замечание.

– Мы с тобой больше никогда не будем делать ничего из того, что делали раньше.

– Никогда?

– Никогда.

– Ты хочешь сказать, что это... невозможно?

– Да. Абсолютно невозможно.

Хоук улыбнулся, и это была улыбка Хоука. На обеих щеках появились ямочки, и я возненавидела себя за то, как у меня защемило в груди при виде них. Меня возмутило то, что они заставляют видеть в нем Хоука.

– Но разве ты только что не сказала, что нет ничего невозможного? – практически промурлыкал он.

Я уставилась на него, полностью утратив дар речи.

– Мне сейчас хочется ударить тебя кинжалом в сердце.

– Не сомневаюсь, – ответил он, закрыв глаза.

– Ну и ладно, – пробормотала я, смирившись.

Придется терпеть его по крайней мере ночь или пока я не придумаю, как сбежать. Я подвинулась назад, сунула ноги под одеяло и рухнула с такой силой, что затряслась кровать.

– Ты там в порядке? Не ушиблась?

– Заткнись.

Он рассмеялся.

Повернувшись к нему спиной, я уставилась на нож. Лез-

вие согнулось. Я вздохнула. Через мгновение послышался щелчок, и комната погрузилась в темноту. Кастил выключил масляную лампу со своей стороны кровати.

Его стороны кровати?

Мы разве поделили кровать?

Я подтянула одеяло до подбородка и перевела взгляд на камин. Мысли вернулись к тому, что не должно иметь значения. Но имеет.

– Почему ты мне рассказал? – прошептала я, даже не уверенная, что еще не сплю, и не зная, почему спрашиваю. Он ведь уже ответил. – Почему ты рассказал, что Хоук – твое второе имя?

В камине потрескивал и искрил огонь, и я закрыла глаза.

Спустя секунды или даже минуты Кастил сказал:

– Потому что тебе нужно знать, что не все было ложью.

Глава 7

После всех потрясений и травм последних дней не стоило удивляться тому, что прошлое настигло меня во сне. Тем не менее кошмар потряс меня до глубины души.

Кровь была повсюду. Брызги на стенах, тонкие ручейки и бесформенные лужи на пыльном и неровном дощатом полу. В воздухе стоял сильный запах металла. Мой взгляд привлекло освещенное лампами синее пятно. Рубашка. Кажется, синюю рубашку носил забавный мужчина, который подавал нам еду вечером. Господин Ла... Лакост? Он рассказывал байки о семействе мышей, живущих в амбаре, которые подружились с котятками. Я хотела на них посмотреть, но папа увел нас обратно в наши комнаты. За ужином он не улыбался и не смеялся. Он не делал этого с тех пор, как мы уехали. Сидя за столом, после каждого наспех прожеванного кусочка он бросал взгляды на окно.

Но грудь и живот господина Лакоста казались странными, больше не круглыми, а впалыми и неровными... Я стояла, дрожа.

– Не смотри, Поппи. Не смотри туда, – услышала я приглушенный голос мамы, которая тянула меня за руку. – Нам нужно спрятаться. Поспешим.

Она повела меня по узкому коридору, ее рука была мокрой.

– Я хочу к папе...

– Ш-ш. Мы должны вести себя тихо. – Ее голос дрожал и казался слишком слабым. Рукава ее платья порваны, бледно-розовая ткань перепачкана алым. Маме больно, а я не знаю, что делать. – Мы должны вести себя тихо, чтобы папа нашел нас.

Я не поняла, как тихое поведение поможет папе прийти к нам. Мы вошли в комнату, где было темно и слышались громкие звуки: неровное дыхание и стоны, нескончаемый плач и крики. Папа вышел на улицу, когда они явились, вышел со странным человеком, который, похоже, его знал. Я хотела к папе. Хотела к Йену, но он ушел с женщиной, от которой пахло сахаром и ванилью...

Темноту прорезал пронзительный визг. Кто-то закричал. Мама дернула меня за руку к себе. Сидя на корточках, она открыла большой посудный шкаф и принялась выгребать из него кастрюли – те со звоном посыпались на пол.

– Лезь туда, Поппи. Сиди там, только тихо-тихо, хорошо? Ты должна молчать как мышка, что бы ни произошло. Поняла?

Я посмотрела на маленькую темную дыру и покачала головой. Мама там не поместится.

– Я хочу быть с тобой.

– Я буду здесь. – Она коснулась моей щеки и повернула к себе мою голову. Ее рука была влажной. – Ты должна быть большой девочкой и послушаться меня. Тебе нужно спря-

таться...

Пронзительный вой повторился, я бросилась к ней и схватила ее за бока, вцепившись в липкое платье на талии.

– Отпусти, малышка. Поппи, тебе нужно спрятаться.

Я обхватила еще крепче, чувствуя, как по щекам течет теплая влага.

Мама дернулась от какого-то звука – от голоса. Кто-то говорил, но мое сердце так громко колотилось в ушах, что я ничего не разобрала. Голос походил на шум воды, а звуки кошмара становились громче и ближе.

Голос раздался снова. И мама... ее руки стали еще более мокрыми и липкими...

Кто-то свалил светильник, стекло разбилось. Мама закричала и обхватила меня руками. Слова сложились и обрели немного смысла, за исключением одного...

Крики. Кто-то завизжал. Мама? Ее оторвали от меня, ее ладони скользнули по моим рукам, пальцы поймали мои, но тут же их выпустили. В нас – в меня – врезалось чье-то тело, я завалилась набок и потеряла маму. Лицо резанула ошеломляюще острая боль. Я упала на спину. Меня схватили какие-то руки. Слишком тяжелые руки. Руки, которые причиняют боль. Я закричала...

Голос послышался снова, откуда-то из темноты, пробиваясь сквозь крики.

Милый маленький цветочек,

*Милый маковый цветочек,
Его сорвешь, он кровоточит,
И не милый больше...*

– Поппи!

Я резко проснулась. Крик звенел в ушах, обжигал горло. Я ловила ртом воздух, пытаясь пошевелиться, но ничего не получалось. Мои руки прижаты к бокам, ноги запутались в теплом клубке.

Приоткрыла глаза и не сразу поняла, где нахожусь. Сосредоточилась на размеренном стуке под щекой, медленно выходя из оков паники и страха.

Через узкое окно напротив кровати сочился слабый серый свет. Я не на постоялом дворе, меня не рвут когтями. Я в крепости, в кровати, под моей щекой – теплая твердая грудь; меня гладят по волосам, знакомый голос снова и снова шепчет мое имя, говорит, что все хорошо, обещает, что я в безопасности.

Я сижу у него на коленях, он крепко прижимает меня к груди и пытается унять дрожь своими объятиями.

Кастил.

Реальность возвращалась по частям по мере того, как кошмар отступал, и я начала сознавать, что Кастил потихоньку качает меня.

Нужно отстраниться, создать между нами расстояние, но есть что-то надежное в его объятиях. Что-то неизъяснимо

правильное. Может, дело в том, что я часто просыпалась после кошмаров одна, напуганная и дрожащая, особенно когда Йен уехал в столицу. И даже если мои крики будили Тони, я никогда не позволяла такого... утешения. Мне всегда было слишком неловко искать его у моей камеристки. Но сейчас ничего другого не осталось, и впервые я рада, что меня лишили выбора. Я закрыла глаза и позволила теплу Кастила согревать меня.

Было немного стыдно, хотя он знал о кошмарах. Виктор его предупреждал, и я понимаю, что он сделал это не ради Кастила, а ради меня. Грудь стиснуло от тоски. Я скучаю по Виктеру, так сильно скучаю, а после этих кровавых кошмаров потеря ощущается особенно остро.

Но я все равно вспыхнула от смущения. Наверное, Кастил считает меня невероятно глупой из-за того, что спустя столько лет мне все еще снятся кошмары.

– Прости, – проговорила я, пытаясь отодвинуться, и поморщилась от хрипоты в голосе. Только боги знают, от каких звуков так саднит мое горло. – Я не хотела тебя будить.

– В юности, когда я впервые покинул Атлантию, возле какой-то маленькой деревушки мне встретился Жаждающий. Я в жизни не видел ничего страшнее. И не думал, что там может быть что-то хуже него. – Кастил крепче обнял меня. – Он уже провел какое-то время в таком состоянии и выглядел как ходячий труп. Он был страшнее всего, что могло создать мое детское воображение. А его вой? Я решил, что он будет

преследовать меня в снах... Так оно и было. Много недель спустя, даже вдали от Жаждущих, я просыпался среди ночи и мог поклясться, что слышал их крики.

Он положил ладонь мне на затылок. Дрожь уменьшилась.

– Но потом меня взяли в плен. И знаешь, что было хуже всего? Что это случилось по моей вине. Я был еще юным и глупым. Думал, что могу в одиночку свести счеты с королем Джаларой и королевой Илеаной и тем решить все проблемы. Я в самом деле верил, что смогу это сделать. Я подобрался близко – настолько, что смог действовать. Разумеется, я потерпел поражение. И тогда я узнал, что такое настоящий ужас. Ты спрашивала, что они со мной делали? Мне отказывали в крови, держали на грани, давали ровно столько, чтобы выжить, – иногда едва-едва достаточно, но постоянный недостаток влиял на мою способность к исцелению.

К горлу подступила желчь, но я ничего не сказала, оставаясь в его объятиях.

– Для появления такого эффекта требовалось много времени, и они это знали. Они не ставили клеймо, пока не убедились, что оно не исчезнет. – Я почувствовала, как поднялась его грудь. – Когда те, кого приводили меня кормить, оказывались близки к смерти и больше ни на что не годились, их убивали у меня на глазах. Иногда медленно, оставляя на их коже порезы, пока они не умирали. В другой раз им ломали шеи. Но случалось, я был так голоден, что... – Он сглотнул. – Это я разрывал им горло и убивал. Их тела

оставляли гнить. На много дней и недель. Мне не на что было смотреть, кроме как на трупы тех, кого я убил. Не о чем думать, кроме как о том, как они жили до этого момента и какого будущего я их лишил. Иногда тела складывали в кучи и оставляли еще надолго после того, как вонь проходила.

О боги.

Мои глаза открыты, но я ничего не видела, слушая его. Это тоже часть горя, которое он несет в себе? Если так, то я могу понять. Все ужасные дела, которые он творил и которые творились его именем, сейчас не имеют значения. Я не могу представить, какие мучения ему пришлось вынести. Никто такого не заслуживает. Даже те, кто сеет смерть, не заслуживают, чтобы их использовали, пытали и издевались.

А мучиться от кошмаров десятилетиями? Столетиями? Сомневаюсь, что я могла бы сто лет заново переживать ночь нападения Жаждуших.

Кастил продолжил, и в его голосе звучала пустота:

– И они кое-что делали со мной – то, что вызывало реакции, которые я не мог контролировать. Женщины. Мужчины. Они заставляли меня... – Он замолчал, и я почувствовала, как он качает головой. – Я узнал, что такое настоящий страх.

Я прерывисто выдохнула.

– Прости. Я не...

– Тебе не за что извиняться. Ты тут ни при чем, и я не хочу от тебя извинений. – Он запустил пальцы в мои волосы. – Я

не хочу жалости.

– Я тебя не жалею. И я знаю, что не виновата в том, что с тобой случилось, – как и ты, пусть даже ты попал в плен из-за собственных действий. Я все равно ужасаюсь тому, что с тобой делали.

– Я не хочу, чтобы ты ужасалась. Просто хочу, чтобы ты знала, Поппи: у меня тоже были кошмары. Спустия много лет после освобождения я просыпался среди ночи, думая, что по-прежнему сижу в клетке, а мои руки и ноги закованы в кандалы. А иногда меня преследовало в снах то, что я делал после освобождения.

Он погладил мою щеку и отвел назад мою голову, чтобы посмотреть мне в глаза.

– Я все знаю о том, что прошлое не остается там, где ему положено. Что оно любит наносить визиты, когда ты слабее всего. Никогда не нужно извиняться и не нужно стыдиться.

У меня дрогнуло сердце, хотя тяжесть в груди немного уменьшилась.

– Как... как ты все это пережил?

Кастил отвернулся и чуть погодя сказал:

– Не думаю, что тебе понравится ответ. Когда я сбежал, то пообещал себе, что рано или поздно увижу, как жизнь уходит из бездушных глаз королевы Илеаны и короля Джалары. – Он опустил руку. – Вот так я выжил.

Я сглотнула от абсолютной холодности его тона.

– Значит, месть.

Он кивнул, и я не понимала, что должна чувствовать по поводу услышанного. Следует думать о нем плохо? Я по-прежнему не представляла, как совместить то, что он рассказал о королеве, и то, что я знала и видела сама.

– А как выжила ты, Поппи? – Он опять перевел взгляд на меня, наполовину опустив ресницы. – Как тебе удастся после нападения Жаждущих не бояться всего на свете? Потому что ты бесстрашная, идет ли речь о столкновении с толпой Жаждущих, о том, чтобы глядеть в глаза вольвену, или о том, чтобы давать отпор мне, даже зная, кто я.

Вопрос застал врасплох, как и то, что он считает меня бесстрашной.

– Я... я не то чтобы не знаю страха. Я много боюсь.

В золотистых глазах вспыхнул интерес.

– Не верю.

Я бы ни за что ему не призналась, что боюсь саму себя больше, чем Жаждущих, вольвенков и даже его.

– Я выжила, потому что решила больше никогда не быть беспомощной. Это удерживало меня от падения в пучину страха. Это помогало справляться с болью на тренировках с Виктером – со ссадинами и синяками.

Я подумала о клейме на бедре Кастила, о боли, которую ему пришлось вынести, пока оно зарубцевалось, при том, что он всегда так легко исцелялся.

– Я могу понять, как потребность отомстить помогла тебе выжить.

Наклонив голову, он поднял ресницы и пристально посмотрел на меня.

– Так вот что помогает выжить тебе? Представляешь все способы, какими будешь меня убивать?

Нет. Я вообще об этом не думала. Может, и стоило, но я не думала.

Я выскользнула из его объятий и перебралась на свою половину кровати.

– Просто подожди и сам узнаешь.

На его губах появилась усмешка, на правой щеке обозначилась ямочка, но очень быстро пропала.

– Ты помнишь что-нибудь из кошмара?

– Я так стараюсь об этом не думать, – призналась я, натянув на грудь тяжелое одеяло.

Он оперся на локоть, и я опустила взгляд на его подтянутый живот.

– Ты говорила во сне.

– Что?

Заставила предательские глаза вернуться к его лицу.

Кастил кивнул.

– Это было что-то вроде... детской песенки-страшилки. Что-то про милый цветочек.

В момент, когда он это сказал, страшный сон вернулся с пугающей ясностью.

– Милый маковый цветочек, его сорвешь – он кровоточит, и не милый больше... – пробормотала я.

– Да. Это. – Он поднял бровь. – И сейчас звучит так же тревожно, как и в первый раз.

– Не могу поверить, что я такое говорила.

– И я не мог поверить, когда услышал. Тебе об этом раньше кто-нибудь говорил?

– Я... – Я нахмурилась и покачала головой. – Не знаю. Иногда кошмары о той ночи немного отличаются от того, что происходило в действительности, но я не помню, чтобы раньше такое слышала. – Я вцепилась пальцами в воротник ночной рубашки. – И я... я стараюсь не думать о снах, когда просыпаюсь. Я могла слышать стихотворение раньше и забыть. Иногда это...

– Сбивает с толку, – закончил он за меня.

Кивнула, прокручивая в голове все, что помню. Подступила тошнота. Я практически ощущала запах крови, чувствовала влажную руку матери...

– С мамой кто-то говорил. В кошмаре. Голос раздался как раз перед тем, как до нас добрались Жаждающие. – Я широко раскрыла глаза. – Думаю, этот же голос говорил про цветочек, и мама ответила. Но я...

Я с досадой пыталась разобрать невнятное слово, которое она, кажется, произнесла. Вряд ли она сказала больше одного слова. Я практически видела, как шевелятся ее губы, но это воспоминание могло быть фальшивым.

– Я не... не могу вспомнить.

– Может, вспомнишь позже.

– Может. – Я вздохнула. – Но я даже не знаю, в самом ли деле что-то слышала.

– Не исключено. Порой детали прошлого в снах накладываются друг на друга. Мое пленение часто смешивается с пленением Малика. – Он лег на спину и уставился на открытые балки на потолке. – Ночь нападения Жаждущих была не единственным испытанием, через которые ты прошла.

Мои пальцы соскользнули с воротника. Я сразу поняла, что он имеет в виду герцога. По шее поднялся жар. Я ненавижу этот стыд, это унижение от того, что он со мной делал и чему я не могла помешать. Но если кто и знает, каково это было, то это Кастил. Хотя ему пришлось гораздо хуже, чем мне.

– Как ты узнал о герцоге? Я тебе ничего не говорила.

– О его уроках? – Он сжал губы. – Герцога Тирмана среди королевских гвардейцев боялись, но не уважали. Хватило слабейшего принуждения, чтобы один из них рассказал, что им известно.

Во рту пересохло, когда я услышала, что он применил принуждение. Но такую реакцию вызвало не то, что он сделал, а напоминание, что он это может. Такая способность пугает и внушает благоговейный страх. Впечатляет и то, что он не использует ее когда вздумается. Сомневалась, что у меня на его месте хватило бы силы духа.

Я нахмурилась.

Неужели я правда лъщу ему? Человеку, который лгал, по-

хитил меня и держит в плену?

Мне наверняка нужно еще отдохнуть.

– Стихотворение, которое ты читала во сне, – сказал Кастил, оторвав меня от размышлений. – Оно звучит так, что его мог читать тебе герцог. Оно достаточно порочно для этого ублюдка.

И правда – стихотворение достаточно порочно для герцога Тирмана. Голос казался знакомым. Может, Кастил прав? Что два... испытания наслоились одно на другое? Временами я не помнила всего, что происходило в личном кабинете герцога, если боль от ударов палками повергала меня в полубессознательное состояние.

– Как часто он это делал? – тихо спросил Кастил. – Устраивал уроки.

Я не ответила.

Кастил повернул ко мне голову.

– Я знаю, что он делал. Знаю, что он не всегда был один. И знаю, что иногда это длилось полчаса, а в иной раз гвардеец терял счет времени. – Черты его лица обострились и посуровели. – И я знаю, что он предпочитал бить палкой по голому телу.

Грудь сдавило при воспоминании о том, как лорд Мэзин, лишая меня остатков достоинства, прижимает к столу мои руки, чтобы я не прикрывала грудь.

– Каждый раз, когда я его расстраивала, – резко ответила я. – А расстраивался он часто.

Губы Кастила превратились в тонкую линию.

– Если бы я знал, что лорд Мэзин присоединился к нему, то прибил бы его к стене рядом с герцогом.

Я подняла на него взгляд.

– Рада, что ты этого не сделал. Иначе мне бы не довелось увидеть выражение его лица, когда я отрубила ему руку, прежде чем снести голову.

Кастил уставился на меня. Уголки его губ изогнулись, рот приоткрылся, и я увидела кончики клыков. Появилась ямочка на правой щеке, а потом и на левой. Я ощутила трепет.

– Ты такая невероятно неистовая, моя принцесса.

Трепет спустился ниже.

– Я не твоя принцесса.

Он с усмешкой отвернулся и спросил:

– Как ты думаешь, не поспать ли еще? У нас, наверное, есть пара часов до того, как Киеран или еще кто-нибудь начнет тарабанить в дверь – убедиться, что ты не нашла ночью способа убить меня.

Я закатила глаза.

– Как только утихнет буря, мы отправимся в Предел Спессы.

Я мало что знаю о Пределе Спессы. Только то, что это небольшой городок, подобный Новому Пристанищу, расположенный на берегу Стигийского залива. Это ближайшее поселение к Помпею, который во время войны был последним оплотом атлантианцев. Одна из жриц рассказывала, что Сти-

гийский залив представляет собой врата в Храмы Вечности, за которыми надзирает Рейн, бог обычных людей и окончаний. По ее словам, залив был черен, как ночное небо.

Легла и повернулась набок, но не уснула. Я смотрела на умирающее пламя, думая о герцоге, о кошмаре и о том, как мало будет шансов сбежать по пути, когда мы отправимся в Предел Спессы.

– Не спишь? – чуть погодя поинтересовался Кастил.

– Откуда ты знаешь?

– Ты покачиваешься, как ребенок, которого убаюкивают.

– Я не... – Я поняла, что именно это и делаю. Подавив стон, я заставила себя не ерзать. – Прости, это старая привычка из детства.

Через несколько секунд я добавила:

– Обычно после кошмаров я не могу уснуть.

– И тогда ты выбиралась из замка исследовать город?

Поскольку он не видел моего лица, я улыбнулась.

– Иногда. В зависимости от того, насколько было поздно.

– Ну а здесь нет города, который можно исследовать. – Кровать под нами прогнулась, когда он передвинулся. – Уверен, ты помнишь, как хорошо я помогаю заснуть.

На моей коже заплясали искры. Конечно, я помню ночь в Кровавом лесу, когда он просунул руку между моих бедер, и я впервые в жизни познала чистое наслаждение. Я постаралась прогнать эти образы.

– Нет необходимости.

– Печально.

– Это твои проблемы... – Внезапно я почувствовала, что он прижался к моей спине. Резко втянула воздух и дернулась. – Что ты делаешь?

– Держу тебя, – ответил Кастил, обвив рукой мою талию. Мое сердце запрыгало, как детский мячик.

– Я не...

– Я больше ничего не буду делать, – оборвал он. – Однажды я обнаружил, что мне легче уснуть, прижимаясь к кому-то.

Интересно, каким образом он пришел к такому выводу? Вместо этого я спросила:

– Тогда почему ты не предложил этого в Кровавом лесу?

– Потому что это и близко не так забавно и интересно, как то, что я тогда делал, – ответил он. – Тот дневник где-то здесь. Знаешь, в котором описаны пульсирующие...

– Я прекрасно знаю, о каком дневнике ты говоришь. В нем тоже нет необходимости.

– Все это так печально. – Кастил прижал голову к моему затылку и практически обездвижил меня. – Мне нужно поспать, но ничего не выйдет, если я чувствую себя словно в лодке. – Он помолчал. – Причем очень неустойчивой.

– Я не так сильно раскачивалась, – возразила я, извиваясь в попытке отодвинуться.

– Не советую так делать, – хрипло ответил он, обхватив меня крепче.

– Почему?

– Поерзай на несколько дюймов ниже и, уверен, сама поймешь.

У меня глаза на лоб полезли, и я сразу же неподвижно застыла. Неужели он?.. Неужели он возбужден? Просто от того, что лежит в постели рядом со мной? Этого оказалось достаточно? После того, о чем мы только что говорили?

Я прикусила нижнюю губу. Иногда мне хватало только глянуть на него, чтобы почувствовать себя определенным образом. Было облегчением знать, что Кастил способен испытывать такие желания после того, через что он прошел. Что на его нынешних чувствах никак не сказалось то, что с ним делали. И мои ощущения, когда он прикасается ко мне, не имеют ничего общего с тем, что я чувствовала, когда меня трогал герцог. Я это знаю.

И не стоит удивляться открытию, что Кастил испытывает ко мне влечение. Это абсолютно ясно, если только... если только это не притворство.

Нет, я не думаю, что это притворство.

Нет никаких причин изображать влечение сейчас, особенно когда мы одни...

– Принцесса, я практически слышу, как вращаются колеса в твоей голове, – произнес он.

– С чего ты решил, что я о чем-то размышляю? – возмутилась я.

– Потому что ты напряглась. Спи, Поппи. Завтра нам о

многим нужно поговорить.

О браке.

О нашем будущем.

Эти два вопроса не имеют никакого значения, потому что первое никогда не случится, а потому никакого будущего для нас нет.

Кроме того, как я могу спать, когда он обвился вокруг меня, как одно из тех маленьких пушистых животных, что живут на деревьях в окрестностях столицы? Как они называются? Не могу вспомнить. Я видела их только на картинках в детской книжке, которую однажды нашла в Библиотеке. Они были милыми и мягкими на вид, но Виктор как-то сказал, что это злобные маленькие твари.

– Ты знаешь, как называются пушистые животные, которые живут на деревьях вокруг столицы?

– Что?

– Которые висят на лапах, – объяснила я. – Они пушистые и милые, но вроде как злобные.

– Боги милостивые, с чего это тебе пришли на ум древесные медведи?

– Древесные медведи? – Я наморщила лоб. – Они так называются?

– Поппи, – вздохнул он.

Я закатила глаза.

– Ты напомнил мне древесного медведя.

– Я бы сказал, что оскорблен, но для этого нужно гово-

ритель, а это означает, что мы так и не уснем.

– Ну и что? – пробормотала я.

Напряженно застыв, я размышляла, не схватить ли столовый нож и не воткнуть ли ему в руку. Это было бы немного чрезмерной реакцией, но мне бы доставило удовольствие, хотя бы на мгновение.

Не знаю точно, сколько времени прошло, пока я пялилась на нож и изо всех сил старалась не раскачиваться. Затем мои веки налились тяжестью, и я в конце концов заснула.

На сей раз без сновидений.

Глава 8

Когда я увижу Кастила в следующий раз, я воткну ему этот дурацкий нож так глубоко, что его придется долго вытаскивать.

Злобно вперившись в дверь, охраняемую снаружи, я подавила крик раздражения и гнева. Я просидела весь день взаперти, одна, если не считать Делано, принесшего обед, и сходила с ума от безделья.

Когда я проснулась, Кастил уже ушел, и это было приятное открытие, поскольку не хотелось опять обнаружить себя в его объятиях. Воспоминания о таких пробуждениях и без того слишком сильны, чтобы их забыть. Но через несколько часов, когда за узким окошком повалил снег и завыл ветер, вся моя благодарность разлетелась на куски.

Делано почти весь день караулил снаружи. Я это знала, потому что когда в последний раз стучала в дверь, он ответил через толстую древесину. Повторил практически то же, что и каждый раз, когда я требовала меня выпустить.

«Никому не хочется гоняться за тобой в снежную бурю».

«Не хочу, чтобы принц меня выпотрошил, поэтому нет».

«Принц скоро вернется».

Но мой любимый ответ он произнес, когда я просто попросила подышать свежим воздухом.

«Ничего личного, но я не доверяю тебе настолько, чтобы

даже приоткрыть эту дверь хотя бы на дюйм и впустить свежий воздух в твою комнату».

Как это – ничего личного?

Я двинулась к двери, собираясь колотить по ней кулаками, пока не сбежится вся крепость...

Внезапно дверь распахнулась, и ворвался Делано, держа руку на рукоятке меча. Он резко остановился, окинул меня горящим взглядом с ног до головы и принялся осматривать комнату.

– Ты в порядке? – настойчиво спросил он.

У Делано тип лица, который часто бывает обманчивым. Если не считать постоянной складки между светлыми бровями, в его чертах есть что-то мальчишеское. Как будто он начнет улыбаться в ту же секунду, как решит, что на него никто не смотрит. Но сейчас, выставив челюсть, со стальным блеском в глазах, которого я раньше никогда не видела, он выглядит так, словно собирается рубить головы.

– Да, разве что злюсь на то, что меня заперли.

Он прищурился.

– Ты не орала?

Я подняла брови.

– Вслух – нет. Ты слышал крик?

Делано наклонил голову.

– Что ты имела в виду под... не вслух?

– Возможно, я внутренне кричала от того, что заперта.

– Значит, ты не кричала?

– Нет. Не вслух. – Я скрестила на груди руки.

Его и без того светлая кожа словно побледнела еще больше.

– Мне показалось... показалось, что ты выкрикнула мое имя. – Складка между его бровями стала глубже. – Звала на помощь.

Он убрал руку с меча и провел по белым, почти как снег, волосам.

– Должно быть, это ветер.

– Или твоя нечистая совесть.

– Наверное, ветер.

Я направилась к нему.

На сей раз по его лицу пробежала усмешка.

– Прости, что помешал.

– Чему помешал? Я торчу в этой комнате! – воскликнула я. – Что могло...

Дверь закрылась, щелкнул замок.

– А вот теперь я кричу!

– Это ветер! – донеслось из-за двери.

Я пару раз топнула ногой вместо того, чтобы уступить желанию в самом деле завопить.

Бросилась на кровать и принялась рисовать в воображении, в какие места ударить ножом Делано, но потом слегка устыдилась. Он ни в чем не виноват. Виноват Кастил. Поэтому я представила, что наделаю в нем столько дыр, сколько смогу. Наконец меня начала одолевать дремота. Я не стала

с ней бороться. Уж лучше быть без сознания, чем расхаживать в бешенстве.

Не знаю, как долго я спала – минуты или часы, но когда я открыла сонные глаза, то увидела, что мои ноги укрыты лоскутным одеялом. И я не одна в комнате. Напротив кровати сидел Киеран, в том же кресле, что и вчера, и практически в той же позе – нога в сапоге на согнутом колене.

– Добрый день, – сказал он.

Я медленно моргала, переводя взгляд с него на одеяло.

– Одеялом укрыл не я. Это сделал Кас.

Он был здесь? Пока я спала? Вот сукин сын...

– Хотя я рад, что ты наконец проснулась. Я собирался дать тебе еще пять минут, прежде чем рискнуть жизнью и здоровьем, разбудив тебя. В отличие от Каса, я не нахожу ничего интересного в том, чтобы смотреть, как ты спишь.

Кастил смотрел, как я сплю? Погодите. Долго ли здесь сидит Киеран?

– Что ты здесь делаешь? – хрипло поинтересовалась я.

– Помимо того, что задаюсь вопросом, какие именно жизненные выборы привели меня к этому моменту? – уточнил Киеран.

Я прищурилась.

– Да. Помимо этого.

– Я решил, что Делано нужен перерыв, а ты, наверное, проголодалась. Надеюсь, что ты проголодалась, потому что я тоже хочу есть.

Мой желудок немедленно решил ответить согласием – он бы не отказался от еды – и громко заурчал.

– Принимаю это за утвердительный ответ.

У меня вспыхнули щеки. Я сбросила одеяло и поднялась.

– Мне в самом деле можно покинуть эту комнату?

– Разумеется.

Я подняла брови.

– Ты говоришь так, будто я задала глупый вопрос. Я сидела здесь взаперти целый день!

– Если бы можно было верить, что ты не сбежишь, то, возможно, тебя бы не заперли.

– Возможно, если бы меня не держали в плену, я бы не пыталась сбежать!

– Верно подмечено!

Я вытаращилась на него.

– Но что есть, то есть. – Киеран выгнул бровь. – Хочешь выйти из комнаты и поесть или предпочтешь сидеть здесь и накручивать себя? Выбирай.

Выбирать? Я чуть не расхохоталась.

– Сначала мне нужно в ванную.

– Можешь не спешить. Я буду просто сидеть и смотреть... в никуда.

Я закатила глаза и начала поворачиваться, но тут мой глупый рот открылся.

– А где его высочество?

– Высочество? Бьюсь об заклад, Кас в восторге от тако-

го обращения, – засмеялся Киеран. – Уже по нему соскучилась?

– О да. Именно поэтому и спрашиваю.

Киеран ухмыльнулся.

– Он в городе, разговаривает с Аластиром и другими. Если бы он не был принцем Атлантии со всеми вытекающими из этого обязанностями, я уверен, он бы сидел здесь... – Бледные глаза вольвена блеснули. – Любовался бы тем, как ты спишь.

– Хвала богам, что у него есть чем заняться.

Я поспешила в ванную комнату. Управившись со своими нуждами, взяла с туалетного столика щетку для волос. После сна волосы в полном беспорядке, и я наверняка выдеру половину, пытаясь распутать узлы. Закончив причесываться, положила щетку на место и посмотрела в маленькое зеркало, склонив набок голову.

Я смотрела не на шрамы, хотя мне показалось, что они стали менее заметными, возможно, из-за освещения. Меня интересовали глаза. Они зеленые, этот цвет достался мне и Йену от отца. У мамы были карие, а у атлантианцев, по моему мнению, глаза золотистые или ореховые. Были ли глаза мамы чисто коричневого оттенка? Или золотисто-коричневого? Или я ошибаюсь, считая, что у всех атлантианцев в глазах есть что-то золотистое?

Повернув голову, я увидела, что отметины от укуса на шее превратились в бледно-лиловый синяк и выглядят как лю-

бовные укусы, о которых я читала в дневнике мисс Уиллы Колинс. Я залилась краской и принялась быстро заплетать косу. Закончив, перебросила ее на плечо, надеясь, что она останется на месте и прикроет отметины.

Я опустила взгляд на руки. На них немало крови. Как бы я ни злилась на Кастила, его слова по-прежнему преследуют меня, как и то, что он поделился подробностями своего плена. Он не заслуживал того, что с ним делали.

В глубине души я все еще не могу поверить в то, что он взял на себя ответственность за гибель Виктера и остальных, и не могу не размышлять, были ли их смерти среди того, что запятнало его нутро.

Не омрачило ли его душу то, что с ним делали в плену против его воли?

На сердце у меня стало еще тяжелее, и я не знаю, что со всем этим делать. С ним творили ужасные вещи. Он творил ужасные вещи. Первое не отменяет второго, равно как и наоборот.

Когда я вышла из ванной, Киеран, по крайней мере, уже встал и смотрел на пляшущее в камине пламя. Интересно, он больше вообще не двигался?

– Тебе когда-нибудь бывает скучно? – поинтересовалась я.

– От чего? – ответил он совершенно лишенным интереса тоном.

– От того, что ты стоишь и ждешь. Похоже, тебе часто да-

ют такие поручения.

– На самом деле это большая честь: охранять ту, кем принц так дорожит. А поскольку я никогда не знаю, что ты сделаешь в следующую секунду, это вовсе не скучно. Ну, за исключением времени, когда ты спишь.

Я раздраженно хмыкнула, а мое сердце немедленно вступило в войну с разумом по поводу того, почему принц так мной дорожит. Ясно же, что радостно встрепенувшееся сердце – совершенно глупое.

Подошла к камину и взяла ножны, которые носила на бедре. С облегчением заметив, что мягкая кожа высохла, я спросила:

– Ты не видел мой кинжал?

– Который с рукояткой из кости вольвена?

Я поморщилась.

– Да, этот.

– Не видел.

Испытывая легкое раскаяние от своей бестактности, я повернулась к нему.

– Что касается... рукоятки. Я понятия не имею, откуда и когда взялся материал для нее. Этот кинжал я получила в подарок...

– Знаю, – перебил он. – Если это не ты вырезала рукоятку из кости вольвена, то не нужно извиняться. Полагаю, ее сделали вскоре после войны Двух Королей. Тогда многие мои сородичи пали в битвах, и не все тела нам вернули.

Мне опять захотелось извиниться, особенно после того, как я подумала о семьях, которые не смогли почтить близких погребальными церемониями. Я подавила порыв ответить и сунула в ножны погнутый столовый нож, почти ожидая, что Киеран что-нибудь скажет. Но он только слегка улыбнулся.

– Готова? – Я кивнула, и он отлип от стены. – Иди впереди.

Я так и сделала, и с огромным удовольствием. Открыла дверь и двинулась по переходу. Почему здесь уже не так холодно, когда снаружи идет снег?

Но когда я открывала дверь на лестницу, мне в голову пришел вопрос получше.

– У всех атлантианцев золотистые глаза?

– Совершенно неожиданный вопрос. – Он поймал дверь прежде, чем она ударила его в лицо. – Но да, у большинства атлантианцев глаза имеют какие-то оттенки золотистого. А чисто золотые глаза – только у представителей первичной линии.

Я чуть не споткнулась.

– Первичная линия? – переспросила я, оглянувшись через плечо.

– Не все атлантианцы одинаковы. Разве в ваших книгах по истории этого нет?

– Нет, – проворчала я, глядя вперед. В книгах упоминались вольвены как жители Атлантии, но не было никаких упоминаний о других... линиях. – Что такое первичная линия?

– Это те, в чьих жилах течет чистая атлантианская кровь. Они могут проследить свою родословную до самых ранних известных атлантианцев, – ответил он. – Они их потомки не по крови, а по созданию.

– Они были созданы... другими атлантианцами?

– Да, божествами, детьми богов.

– Правда? – усомнилась я. – Божествами?

– Правда.

Мы как раз добрались до лестничной площадки. Я сдвинула брови, не зная, стоит ли этому верить, но что мне вообще известно? Я оглянулась на Киерана.

– Кто-нибудь из них еще живет в Атлантии?

– Если бы они еще там оставались, Кас не был бы нашим принцем. – На челюсти вольвена дернулась мышца. – К концу войны погибли последние из их линии.

– Что это означает? То, что Кастил не был бы принцем?

– Они были божествами, Пенеллаф. Теми, кто создал первичных атлантианцев. Капля их крови – это капля крови богов. Они бы свергли с трона любой другой род.

– Все потому, что они были связаны кровью... с божествами?

– Они правили Атлантией с начала времен и до тех пор, пока последний из них не умер. Они были не просто кровной линией. Они были Атлантией.

Ну ладно.

– И Кастил принадлежит к первичной линии?

– Да.

Что ж, если кто-то каким-то образом и связан с божествами и богами, так это он. Это объясняет его высокомерие и властность.

– Значит, в Атлантии живут и другие? Кроме вольвенов?

– Да, – ответил он, к моему удивлению. Я ожидала, что он придержит эти сведения в тайне. – Те, в ком есть кровь смертных, обычно в первом или втором поколении, с одним атлантианцем и одним смертным родителем.

Так это те полукровки, о которых Кастил говорил прошлой ночью.

– В третьем поколении и последующих уже редко ощущается атлантианская кровь и прочие признаки. Они живут столько, сколько и обычные смертные, однако редко страдают от болезней.

– Хотя их кровью можно кормить представителей первичной линии и создавать с ее помощью вампиров, но им после Отбора не нужна кровь, правда? – уточнила я, осознав, что не коснулась этого вопроса в разговоре с Кастилом.

Киеран поднял бровь.

– Да. Им не нужна кровь.

Я восприняла ответ с облегчением, хотя кровь Кастила на вкус была ни с чем не сравнима.

– Представителям первичной линии нужна обычная еда? А вампирам?

Я видела, как Кастил ел, и видела, как ели Вознесшиеся.

– Представители первичной линии могут долго прожить без пищи, но тогда им чаще нужна кровь. Вампиры могут есть, но необходимости в этом нет. Пища нисколько не утоляет их жажду крови.

Я остановилась на ступеньках.

– А те, кто частично смертные... это у них глаза орехового цвета, но с золотистым оттенком?

– Ты верно предположила.

– Тогда почему у меня зеленые? Ни у одного из моих родителей глаза не были ореховыми. У мамы могли быть золотисто-карими, но я почти уверена, что они были просто карими.

Он посмотрел на дверь.

– Если у твоих отца или матери была атлантианская кровь, это не значит, что они были чистыми атлантианцами. Они могли быть вторым поколением, или же тебя подводит память насчет цвета их глаз.

Я нахмурилась.

– Я помню цвет их глаз.

Он перевел взгляд на меня.

– А еще возможно, что ни один из них не был твоим родителем.

Я опять чуть не споткнулась.

– То есть они просто нашли меня в поле или еще где-то и решили взять к себе?

– Смертные часто поступают необъяснимо и странно, Пе-

неллаф.

– Ну и пусть.

Я пыталась принять множество вещей, которые казались невозможными. Но только не то, что мои родители оба были мне неродными.

– А есть еще... другие кровные линии?

– Есть.

Я ждала продолжения, а он просто смотрел на меня.

– Так ты будешь про них рассказывать?

В его светлых глазах мелькнуло веселье.

– Когда-то линий было много. Однако большинство вымерли либо естественным путем, либо во время войны. Еще одна линия – перевертыши, хотя их численность сильно сократилась.

– Перевертыши? – медленно повторила я слово, которого раньше никогда не слышала.

– Большинство из них принадлежат двум мирам и способны менять облик.

– Как вольвены?

– Да. Некоторые. – Он опять перевел взгляд на дверь и прищурился. – Многие считают их дальними родичами вольвенов, отпрысками божества и вольвена.

– Какой облик они могут принимать? – спросила я, вспомнив одну историю из письма Йена – ту, где говорилось о водном народе. Я чуть не спросила, могут ли перевертыши становиться частично рыбами, но это было слишком нелепо,

чтобы произносить вслух.

– Много разных обликов. Но этот рассказ придется отложить.

Я открыла было рот, но он прижал палец к моим губам.

– Секунду.

Я нахмурилась, но Киеран сделал жест рукой, протиснулся вперед меня и открыл дверь. Я последовала за ним. Внезапно он остановился, и я чуть не врезалась ему в спину.

– Киеран. – Знакомый хриплый голос заставил мое сердце дрогнуть, хотя я знала, что это не Виктер. Это Аластир. – А я удивляюсь, где ты сегодня пропадаешь. Я ожидал увидеть тебя с Кастилом.

– Я был занят. Кас уже вернулся?

– Он все еще с Элайджей, разговаривают о... предстоящем переселении.

Повисла пауза, и я выглянула из-за спины Киерана. Аластир убрал волосы в узел на затылке. Сейчас он был без плаща, и я увидела, что он не безоружен. На одном бедре висит кинжал, на другом боку – меч в позолоченных ножнах. Кроме того, Аластир был не один.

Рядом с ним стоял мужчина с рыжевато-каштановыми волосами и такими же ярко-золотистыми, как у Кастила, глазами. Первичный атлантианец. Его взгляд скользнул с Киерана на меня, почти скрытую за его спиной. Он поднял уголок губ.

Киеран переместился в сторону, заслонив меня от него.

– Как ты знаешь, есть определенные опасения, – продол-

жал Аластир.

– Опасения Элайджи или твои?

– Опасения у всех. Группа большая. Во время всего путешествия нужно заботиться о том, чтобы они оставались живы и здоровы. А когда они прибудут...

Я быстро осмыслила его слова. Неужели жители Нового Пристанища решили перебраться в Атлантию? Даже Последователи, которые не были атлантианцами? Я подумала, что при ограниченности территории Атлантии опасения вполне оправданны. Но почему они решили переезжать сейчас?

Киеран скрестил руки на груди.

– Это нужно сделать.

– Нужно? – тихо переспросил Аластир.

– Я думаю, ты лучше всех знаешь, что это нужно, – сказал Киеран, а я потихоньку шагнула в сторону. – Жестоко ничего не предпринимать.

Аластир ответил с мрачным выражением лица:

– Согласен. Ничего не делать – жестоко. Мои колебания вызваны не безразличием. Проклятье, ты знаешь, я большую часть жизни занимался тем, что разыскивал в Солисе наших людей и их потомков и возвращал домой. – Он положил руку на плечо Киерану. – Мои колебания вызваны сочувствием. Надеюсь, вы с Кастилом это понимаете.

– Понимаем. – Киеран сомкнул руку на предплечье пожилого вольвена. – Просто ситуация сложная.

– Это так. – Аластир повернул голову в мою сторону. – Но

и близко не такая сложная, как эта.

Киеран опять попытался меня заслонить, и я решила, что это нелепо.

– Он же видит, что я стою позади тебя, – сказала я. – Ты, конечно, большой олух, но не настолько большой.

Лицо Аластира прорезала широкая улыбка, а первичный позади него рассмеялся.

Киеран вздохнул.

– Я надеялся, что наши пути пересекутся снова, когда рядом не будет принца, чтобы тебя отослать. – Улыбка пожилого вольвена стала натянутой. – Похоже, он сильно тобой увлечен.

Я напряглась, мне захотелось немедленно заявить: судя по тому, что задумал для меня Кастил, он не может быть мной увлечен. Но Кастил сказал, что улаживал дела, чтобы моя жизнь рядом с этим человеком не подвергалась опасности. Поэтому мне удалось сдержаться.

– Думаю, он гораздо больше увлечен собой.

Первичный громко рассмеялся.

– Полагаю, меня теперь тоже можно причислить к тем, кто тобой увлечен.

Я вспыхнула и зарделась еще сильнее, когда Киеран сказал:

– Я бы не советовал говорить это в присутствии Кастила.

– Мне нравится, что моя голова на плечах, а сердце в груди, – ответил первичный – Я не собираюсь повторять эти

слова.

– Он говорил, что ты... остра на язык.

Я скрестила на груди руки.

– Так он вас предупреждал?

– Что-то вроде того, но сюрприз все равно удался. – В бледных глазах Аластира плясали веселые искры. – Вчера у нас не было возможности представиться. Я Аластир Дэвенуэлл, а за моей спиной стоит Эмиль Да'Лар.

Эмиль ухмыльнулся и кивнул мне.

– Благодаря тебе я теперь всегда буду думать о Киеране как о большом олухе.

– Великолепно, – буркнул тот.

Я бросила быстрый взгляд на его лицо с застывшим на нем стоическим выражением и сказала:

– Я Пенеллаф... Пенеллаф Бальфур.

Аластир посмотрел на меня пристальнее и сдвинул брови.

– Бальфур?

Я кивнула.

– Это старинное имя, оно уходит в прошлое Солиса на несколько столетий, – заметил Аластир.

Интересно, сколько лет этому вольвену?

– Семья моего отца занималась морскими перевозками.

Они были купцами.

– Кастил говорил, что в тебе есть атлантианская кровь, – после паузы сказал Аластир. – Это объясняет, почему Вознесшиеся провозгласили тебя Девой и держали при себе.

Он наклонил голову. Должно быть, он что-то увидел в выражении моего лица, потому что добавил:

– Ты узнала, что они собирались с тобой сделать.

Это было утверждение, но я все равно кивнула.

– Мне жаль, – мягко произнес он, слегка склонив голову. – Не могу представить, каково это – узнать, что те, кто заботился о тебе, делали это по таким отвратительным причинам.

Для меня это означало понять, что мир – нагромождение чудовищной лжи.

– Твоя мать была близка к вампирской королеве, а семья отца дружила с королем. Верно?

Я удивилась.

– Кастил рассказал вам об этом?

Он слегка улыбнулся.

– Я знал немного о твоём прошлом еще до встречи с тобой, Пенеллаф. Вести о Деве, Избранной богами, давно долетели до Атлантии.

От этого мне легче не стало.

– Полагаю, эта весть поразила ваш народ, поскольку ваши боги спят и, следовательно, не могут никого избирать.

Эмиль рассмеялся.

– Так и было. Мы удивлялись – неужели они пробудились и забыли о нас?

– Думаю, ты была больше поражена тем, что узнала о своём атлантианском происхождении, – сказал Аластир, сдви-

нуб брови. – Особенно при том, что твои мать и отец были связаны с Кровавой Коронай.

– Кровавой Коронай?

– С королевой и королем Солиса. Королевской семьей, – пояснил Киеран. – Их называют Кровавой Коронай.

Не сомневаюсь, это обескураживающе точный титул.

– Поэтому я задаюсь вопросом, как ты вообще здесь оказалась, – произнес Аластир.

Киеран опустил руки, которые были сложены на груди.

– Что ты имеешь в виду?

– Только не говори, что ни ты, ни принц не удивлялись тому, как родители девочки с атлантианской кровью могли так долго жить вблизи Кровавой Короны. – Аластир посмотрел на меня. – Конечно, они не могут нас почуять, но при такой близости к королю с королевой их бы разоблачили.

– И использовали бы их как... как мешок крови? – закончила я.

Эмиль поднял брови.

– Это только один из способов. Но ты права.

– Не знаю, кто из моих родителей был атлантианцем, – призналась я. – Кажется, Киеран считает, что меня нашли в поле.

Эмиль вопросительно глянул на него.

Киеран вздохнул.

– Я так не говорил. Просто предположил, что один из них или даже оба не были ей родными.

– Такое возможно. – На лицо Аластира легла задумчивость. – Я так и не узнал, что случилось с твоими родителями. Они все еще живут в столице Солиса? Если так, то ответ будет у них.

– Моих родителей давно нет в живых. – Не знаю, известно ли ему о Йене, но я не стала его упоминать. – Они погибли во время нападения Жажущих за пределами города.

Аластир побледнел, уставившись на меня.

– Так эти?..

Он осекся, и вокруг его рта обозначились морщины.

Кажется, я поняла, о чем он хотел спросить.

– Вот так я получила шрамы, – ответила я, удерживая его взгляд.

Морщины вокруг его рта стали еще глубже.

– Ты с гордостью носишь шрамы, Пенеллаф.

– Как и вы, – проговорила я.

– Прими мои соболезнования по поводу родителей, – произнес Аластир. – Жаль, что мне больше нечего сказать.

– Спасибо, – отозвалась я.

– Нам нужно идти. – Киеран слегка прикоснулся к моей спине. – Просим прощения.

Аластир кивнул и вместе с Эмилем отошел в сторону.

– Было приятно поговорить с тобой, Пенеллаф.

– Мне тоже, – ответила я и слегка улыбнулась им.

Киеран повел меня через общие помещения, в которых больше никого не было. Я оглянулась через плечо – оба муж-

чины все еще стояли там, глядя нам вслед. Я повернулась обратно к коридору и, замедлив шаг, негромко сказала:

– Они... кажутся неплохими. Правда?

– Они оба хорошие люди, преданные Атлантии и династии Да'Ниров.

Династии. Это о семье Кастила? Династия?

– Идем. – Он опять коснулся моей спины. – Нам надо поесть. Тебе надо поесть.

Заставила себя не отставать от Киерана и сразу забыла об Аластире. Я не могла заглянуть за угол, но в животе осела тяжесть. Не хочу опять смотреть на стены, где висят мертвецы.

– Почему все так озабочены тем, чтобы меня накормить?

– Мы хотим взять тебя в Атлантию, а не уморить голодом.

Атлантия. Мой и без того бурлящий желудок сжался. Я так мало знаю о стране, поднявшейся из крови и пепла войны.

– Там правда течет горячая вода, если... повернуть кран?

Киеран моргнул – раз, другой.

– Да. Течет. Наверное, именно по такой горячей воде я здесь больше всего скучаю.

– Звучит мило, – пробормотала я. – Я про горячую воду, а не про то, что ты скучаешь.

– Я понял, о чем ты.

Приближаясь к повороту, я приготовилась к страшному зрелищу пришпиленных к стене тел. Жив ли еще Джери-

ко? Не начали ли остальные разлагаться? Здесь довольно холодно, и они, наверное, будут выглядеть так же, как и вчера, только более серыми и восковыми. Мой пустой желудок взбунтовался, когда я шагнула в коридор и подняла взгляд.

На стенах ничего нет.

Ни тел, ни пятен крови, которая текла по стене и прокладывала путь в крохотных трещинах в камне, сливаясь в ручейки. На полу тоже чисто.

Я прижала руку к животу.

– Они исчезли.

– Вчера вечером после ужина Кас велел их убрать, – сообщил Киеран.

Я удивилась.

– А Джерико?

– Его больше нет. Кастил о нем позаботился, пока ты бежала, чтобы начать новую жизнь, которая наверняка закончилась бы тем, что тебя бы разорвали на куски и убили Жажущие.

Я проигнорировала его выпад. Не знаю, следует ли мне испытывать такое облечение от этой новости.

– Неужели... неужели Кастил решил, что его предупреждение услышали?

– Думаю, его больше волновало, что скажешь ты, а не то, что нужно оставить предупреждение до тех пор, пока оно дойдет до всех. – Киеран прошел через открытую дверь. – Я бы на его месте оставил Джерико повисеть еще хотя бы день.

Я разинула рот. Не знаю, что поразило меня больше: то, что Кастил поступил так, как я сказала, или что Киеран оставил бы предателя-вольвена мучиться на грани жизни и смерти.

– В смерти всегда должно быть достоинство, – проговорила я, когда ко мне вернулся дар речи. – Невзирая ни на что.

Киеран ничего не ответил и подвел меня к пустому столу. Вчерашние стулья заменили длинной скамьей. Я села и, оглядевшись, заметила лишь нескольких человек в дальней части пиршественного зала, возле очага и дверей. Куда же все подевались? Ушли с Кастилом и Элайджей?

Киеран сел рядом, и я повернулась к нему.

– Вряд ли Кастил послушался меня, но если так, то я благодарна.

– Вряд ли ты понимаешь, насколько сильно влияешь на него.

Я хотела возразить, но тут к нам торопливо подошла пожилая женщина в белом фартуке поверх светло-желтого платья. Она несла две тарелки, и от запаха еды мой желудок опять напомнил о себе. Женщина поставила перед нами тарелки, наполненные картофельным пюре и жареным мясом, по краям лежали масляные булочки. Как можно незаметнее я заглянула ей в глаза, чтобы определить цвет. Они были карими, и ни намека на золото.

– Спасибо, – сказала я.

Она лишь хмыкнула в знак того, что услышала меня, но

когда ее поблагодарил Киеран, он получил в ответ теплую улыбку и любезное «спасибо». Я поджала губы, но решила, что меня это не беспокоит, схватила вилку и принялась набивать рот картофелем. Хотя для меня очень необычно даже смотреть кому-то в лицо, или то, что смотрят на меня, или обмениваться самыми простыми любезностями. Картофель на языке превратился в опилки, и я предположила, что ее реакция меня все же беспокоит. Чуть-чуть.

Я глянула на Киерана. Ему дали не только вилку, но и нож. Я прищурилась. Этот нож был немного тоньше, но гораздо острее моего жалкого лезвия.

Покончив с картофелем, я вернулась к расспросам.

– Она смертная, правда? Женщина, которая принесла нам еду.

Он кивнул, нарезаая жареное мясо на аккуратные кусочки, на вид совершенно одинакового размера.

– Да.

Тогда эта смертная из Солиса должна быть Последовательницей. Когда-то я задавалась вопросом, какие жизненные тяготы должны перенести люди, чтобы переметнуться на сторону Темного и павшего королевства. Но это было до того, как я узнала правду. Теперь я задаюсь вопросом, благодаря каким жизненным тяготам узнала правду она.

– Все здешние люди собираются уехать в Атлантию? – спросила я.

– Вижу, ты сложила два и два.

– У меня на это хватает ума.

Он поднял бровь.

– Значит, я права? Почему они уезжают?

– А кто захочет остаться под властью Вознесшихся?

Что ж, достаточно веская причина.

– Но почему сейчас?

– Рано или поздно Вознесшиеся обнаружат, что Дева пропала, и отправятся тебя искать. Они придут сюда. А в Новом Пристанище слишком много наших сторонников.

Я подняла взгляд к очагу, возле которого уже никого не было, и подумала о полных жильцов домах на улице, по которой мы ехали сюда.

– Сколько здесь живет людей?

– Несколько сотен.

– Для них есть место в Атлантии?

Он перевел взгляд на меня, и я почувствовала, как он размышляет над тем, что мне известно о их проблемах с землями.

– Мы найдем место.

У меня сложилось впечатление, что это не так просто. Я хотела спросить, что будет, если они не смогут уехать вовремя, но осеклась. Это не мое дело. Их проблемы меня не касаются.

Наконец, лет через десять, Киеран закончил резать мясо.

– Можно мне нож? Если ты закончил, конечно. Не уверена, но мне кажется, что последний кусочек чуть крупнее

Остальных.

Он медленно смерил меня взглядом.

– Хочешь, я сам для тебя нарежу?

– Хочешь, я столкну тебя со скамьи?

Он рассмеялся.

– Кас был прав. Ты невероятно неистовая.

– Вообще нет. – Я направила на него вилку. – Просто я не маленькая и не нуждаюсь в том, чтобы кто-то резал для меня мясо.

– Ага.

Киеран протянул нож, и я взяла, пока он не передумал.

У меня ушло гораздо меньше времени на то, чтобы нарезать нежное мясо, но нож я не вернула. Оставила его в левой руке, пока накалывала еду вилкой.

– А где все?

– Полагаю, живут своей жизнью, – с легкой завистью изрек он.

Я стрельнула в него мрачным взглядом, но не утратила присутствия духа.

– Впрочем, неважно, – протянула я и вернулась к тому, о чем мы говорили перед тем, как наткнулись на Аластира. – Как вы называете тех, в ком есть кровь смертных? Полуатлантианцами? Как бы ты меня назвал?

– Атлантианкой.

– Правда? – Я взяла булочку. – Так возникнет путаница.

– Не для меня.

Я закатила глаза, откусила кусочек и чуть не застонала. Булочка оказалась такой масляной, с каким-то сладковатым вкусом, который я не смогла определить. Что бы это ни было, она восхитительна.

– Атлантианец не определяется количеством крови, – пояснил Киеран. – Первичные не считаются более важными, чем те, кто таковыми не является.

Я не очень-то этому поверила: первичные могущественнее, живут дольше, и они созданы детьми богов.

– А перевертыши тоже живут долго? Полагаю, вольвены – да.

– Да, мы живем долго. – Он вздохнул и взял чашку. – И перевертыши тоже.

– Какова их обычная продолжительность жизни?

Я взяла салфетку, вытерла пальцы и достала из ножен свой испорченный нож.

– Дольше, чем ты можешь постичь.

Киеран медленно жевал, глядя прямо перед собой.

– Я могу постичь долгое время. Вознесшиеся живут вечно. Атлантианцы – ну, представители первичной линии – тоже практически вечно.

Я положила погнутый нож на стол, а целый сунула в ножны.

– Никто не живет вечно, – возразил Киеран. – Убить можно кого угодно, если хорошо постараться.

Чрезвычайно гордая собой, я наколола на вилку кусочек

мяса.

– Не сомневаюсь.

– Но как бы ты ни старалась с ножом, который только что стащила, ты не сможешь убить им Кастила.

Я сделала большие глаза и повернулась к нему.

– Я и не собираюсь убивать его этим ножом.

– Надеюсь, что нет. – Киеран глянул на меня краем глаза. – Это бы только еще больше его очаровало.

Я слегка качнула головой.

– Я не собираюсь обращать внимание на такую возмутительную возможность.

– От такой тактики эта возможность никуда не денется,

Пенеллаф.

– Почему ты называешь меня Пенеллаф?

– Почему у тебя так много вопросов?

Я прищурилась.

– Тебе трудно ответить?

Киеран наклонился ко мне, опустив подбородок.

– Уменьшительные имена обычно приберегают для друзей. Полагаю, ты не считаешь, что мы друзья.

Его слова прозвучали столь разумно, что мне нечего было сказать. Когда же я нашлась с ответом, он, наверное, не обрадовался тому, что это оказался очередной вопрос.

– Точно как атлантианцы делятся своими вторыми именами только с друзьями?

– Да, с близкими друзьями. – Мгновение он изучающе

смотрел на меня. – Полагаю, Кастил назвал тебе свое.

– Да.

– Это что-то для тебя изменило?

Я не ответила, потому что по-прежнему не понимаю, почему это важно для меня. Или понимаю, просто не хочу признавать. Киеран не настаивал на ответе, и мы закончили обед в молчании. Я все время поглядывала на открытый дверной проем. Не то чтобы я высматривала Кастила, просто... высматривала кого-нибудь. Те немногие, кто находился в зале, куда-то исчезли.

Наверное, Киеран был благодарен за передышку, но, к сожалению для него, она была короткой.

– Знаешь, чего я не понимаю?

– Опять вопрос, – произнес он с преувеличенно громким вздохом.

Я притворилась, что не услышала его замечание.

– Аластир высказал неплохую идею насчет моих родителей. Я, должно быть, из второго поколения, поскольку ни один из моих родителей не был чистокровным атлантианцем и не родился в Атлантии, насколько я знаю. Но королева Илеана знала, что я...

Я замолчала и нахмурилась.

На самом деле я понятия не имею, когда Вознесшиеся узнали о том, кто я: до или после нападения Жаждущих. То, что я выжила после укуса Жаждущего и не обратилась, стало бы для королевы Илеаны неопровержимым доказатель-

СТВОМ.

– Что? – подтолкнул Киеран.

– Я... я правда не помню, чтобы до отъезда родителей меня называли Девой или Избранной. Но я была так мала и мало что помню.

И я не могу считать абсолютно точными воспоминания о ночи нападения Жажущих.

– Не знаю, как они поняли, кто я. По моим способностям до нападения? Или же догадались после?

– А ты не помнишь, почему твои родители уехали из столицы?

– Помню, они говорили, что хотят более тихой жизни, но что... что, если они знали, какая участь меня ждет?

– И убежали от Вознесшихся? – Киеран отпил из чашки. – Такое возможно.

Я оглянулась на дверь.

– Аластир помогал разыскивать атлантианцев, оказавшихся в Солисе?

– Да, но если твои родители не были из первого поколения и не подозревали, кто они, сомневаюсь, что они вообще знали, как связаться с кем-то вроде Аластира.

– А как они могли бы с ним связаться?

– Они бы знали кого-то, кто знает кого-то, кому известно о ком-то, и так далее по всей цепочке людей. Причем им пришлось бы всецело доверять каждому.

Учитывая то, как относятся к Последователям, я не могу

представить, что кому-то можно настолько доверять. И тем не менее... что, если они искали кого-то вроде Аластира? Что, если они уехали, даже не подозревая, что есть люди, которые могли им помочь? Изменило бы это то, что произошло в итоге? Возможно.

– Аластир высказал еще одну неплохую идею, – заметил Киеран.

– О том, почему моих родителей не стали использовать для создания новых вампиров?

– Если только...

Я знаю, к чему он клонит.

– В любом случае это возвращает к моему первому вопросу.

– Ага, – пробормотал он.

– Если мои родители были из первого поколения, то я – из второго.

Он обвел взглядом мое лицо, скользнув по шрамам лишь слегка расширившимися глазами.

– Да, если только они оба твои родители. Твои способности заставили меня предположить, что ты из первого поколения, но, возможно, ты из второго.

– И у всех атлантианцев в той или иной степени золотистые глаза, – сказала я. – А у меня, как ты заметил, они не золотистые.

– Нет, не золотистые. Но я не говорил, что они у всех атлантианцев такие. Я сказал, что у большинства, – произ-

нес Киеран, играя вилкой. – У перевертышей не золотистые, у них вообще нет характерного цвета глаз. Как и у некоторых других линий, которые мы считали вымершими, – добавил он, и вилка застыла в его пальцах. – Может, мы ошибались, полагая некоторые древние линии прекратившими существование. Возможно, ты тому доказательство.

Глава 9

– Ты думаешь, я могу быть потомком какой-то другой линии? Или... или перевертышем? – В моей голове разом возникли тысячи мыслей. – Я не могу менять облик. То есть я не пробовала. Стоит попробовать? – Я наморщила нос. – Наверное, не стоит. При моей-то удачливости в новом облике я окажусь крысищем.

Меня передернуло. Крысищи – это крысы размером с небольшого медведя.

Киеран глазел на меня, изогнув губы.

– У тебя очень избирательная память. Я сказал, что большинство могут менять облик, но не все. И крайне сомнительно, что на такое будет способен потомок перевертыша даже в первом поколении.

– Прости, я застряла именно на смене облика. А что могут делать остальные? Те, которые не превращаются?

– Некоторые обладают обостренным восприятием – психическими способностями. Как у представителей первичной линии.

– Вроде... способности предсказывать будущее или знать что-то о людях?

Он кивнул.

Я сразу вспомнила женщину из «Красной жемчужины». Она знала слишком много для человека, впервые меня уви-

девшего, и я тогда решила, что она ясновидящая, но более вероятно, что она работала на Кастила. И она сказала кое-что. Нечто странное и совершенно бессмысленное. Что это значило?

«Ты подобна второй дочери, но в другом».

Не имела ли она в виду... второе поколение?

Как бы то ни было, учитывая мои способности, разумно предположить, что я происхожу из такой линии. Умение улавливать чужие чувства – это как раз обостренное восприятие.

– А что насчет других линий? – поинтересовалась я. – Тех, которые вымерли?

– Они...

Киеран внезапно повернул голову к двери. Я проследила за его взглядом. Сначала коридор был пуст, но спустя несколько секунд появился *он*.

Когда я увидела Кастила, мой следующий вдох застрял где-то в груди. Раздосадованная такой реакцией и в то же время благоговей от того, что подобный физический отклик может возникнуть просто при виде человека, я не могла не признать, что он великолепен в черных брюках и тунике, с тяжелым, подбитым мехом плащом на плечах. Когда он зашагал вперед, плащ распахнулся, открыв оба его коротких меча в ножнах, вплотную прижатых к бокам. Их смертоносные острия отвернуты в сторону от рук, а зазубренные лезвия плашмя прислонились к бокам. Растрепанные ветром

волосы откинута назад, подчеркивая линии скул.

Кастил сделал всего пару шагов по пиршественному залу и сразу повернул к нам. Его взгляд с безошибочной точностью поймал мой. Пространство между нами словно сократилось. Мое сердце заколотилось, а кожа вспыхнула.

Я не заметила, как заснула сегодня утром, зато прекрасно помню ощущения от его руки, обвинившей мою талию, от его груди всего в нескольких дюймах от моей спины. Это особенное переживание, и оно казалось бы чудесным... при иных обстоятельствах.

При иных обстоятельствах я бы с радостью предвкушала множество ночей и пробуждений, которые наверняка ждали бы нас. По мне прокатилась острая волна желаний.

Кастил приподнял уголки губ. Если бы он находился ближе, то я увидела бы ямочку на правой щеке. Он словно догадался, куда зашли мои мысли. Я оторвала от него взгляд, и меня осенило: Кастил знает.

Я повернулась к Киерану и спросила, понизив голос:

– Он может каким-то образом ощущать... что я чувствую? Не так, как могу я, а иным способом?

Вольвен склонил ко мне голову, его темные брови сдвинулись и опять разошлись, а на губах заиграла легкая насмешка.

О нет.

Я напряглась, инстинктивно понимая, что ответ мне не понравится.

– Атлантианцы первичной линии обладают обостренными органами чувств, – объяснил он. – Зрение у них такое, что смертные даже представить не могут. Они способны ясно видеть даже в самые темные ночные часы.

Это я уже знала.

– Вкус и обоняние у них тоже обострены. – Его ухмылка стала шире. – Они чувят уникальный запах каждого и по нему многое могут сказать о человеке и его теле – где он был, что недавно ел, с кем тесно общался.

Я начала с облегчением переводить дух. Все это не так уж плохо...

– В определенных ситуациях атлантианец может определить, что человек болен, или ранен, или же наоборот. Например, что человек... – Он помолчал. – Возбужден.

Именно этого я и боялась.

Кастил может чують по запаху возбуждение?

Каждую клеточку моего тела затопил жар. Я наверняка покраснела, как листва в Кровавом лесу. О боги! Вот почему он всегда словно бы точно знал, что я лгу, когда речь шла о моем влечении к нему. Но может ли он чувствовать это на расстоянии? В этом я сомневаюсь.

– Как такое возможно?

– У каждого есть уникальный запах. В определенное время он может усиливаться. Особенно когда человек возбужден.

– Перестань повторять это слово, – прошептала я.

– Почему? В этом нет ничего постыдного, – ответил Киеран. – Возможно, это одна из самых естественных вещей на свете.

Естественная или нет, но я теперь на своей шкуре ощутила, каково это – знать, что кто-то может быть посвящен в такие интимные дела. На меня словно стол опрокинули. Я взяла чашку и глотнула сладкий сок.

– Более острое обоняние только у вольвенов, оно позволит нам выслеживать на более далекие расстояния, – добавил Киеран. – И мы дольше чуем остатки запаха.

Я чуть не поперхнулась соком.

Я живо и во всех подробностях вспомнила ночь в Кровавом лесу. Киеран стоял на страже, пока Кастил... пока он помогал мне заснуть. Я тогда полагала, что Киеран слишком далеко, ничего не видит, не слышит и не чует.

Я чуть не выдала ругательство, которое шокировало бы Виктера, а потом заставило бы его засмеяться.

– Интересно, – произнес Кастил, и я подскочила. Я не слышала, как он подошел. – Что вы тут обсуждаете? У Поппи такой вид, будто она вот-вот заползет под стол.

– Ничего, – сказала я.

– Я просто рассказываю ей о твоих обостренных чувствах, – ответил Киеран одновременно со мной. – Например, о способности видеть лучше ее и чувствовать по запаху ее возбуждение...

– О боги! – Я крутанулась на скамье и замахнулась на Ки-

ерана, но он с легкостью уклонился от моего кулака.

– Прости. – На лице Киерана не было и капли раскаяния. – Я имел в виду желание. Ей не нравится слово «возбуждение».

– Осторожнее, Киеран, – проговорил Кастил, ухватив меня за руку, прежде чем мне удалось замахнуться на вольвена еще раз. – В следующий раз она будет угрожать тебе ножом.

Вольвен ухмыльнулся.

– Я практически уверен, что такое уже было.

– Я тебя ненавижу, – заявила я. – Обоих вас ненавижу.

Кастил засмеялся.

– Это ложь.

Я метнула на него сердитый взгляд и попыталась выдернуть руку.

– Ты не можешь этого чувствовать.

Он не отпустил мою руку.

– Я безо всяких обостренных чувств знаю, что ты лжешь.

– Что бы ты там ни знал, это абсолютно неверно. Мне бесконечно отвратительно само твое существование. – Я злобно смотрела на него. – И не мог бы ты отпустить мою руку, пожалуйста и спасибо.

– С чего ты решила, что тебе отвратительно само мое существование? – Его глаза блестели, а на губах играла легкая улыбка. – И хотя ты так вежливо просишь, боюсь, если я отпущу твою руку, то либо я, либо Киеран окажется в смертельной опасности.

Киеран кивнул.

– Труссы, – прошипела я.

– Кроме того, мне нравится держать тебя за руку.

Кастил прикусил нижнюю губу – прикусил клыками.

– Мне плевать, что тебе нравится. И я не могу поверить,

что ты серьезно спрашиваешь, почему ты мне отвратителен.

У тебя проблемы с памятью?

– Думаю, память у меня превосходная. Киеран, а ты как считаешь?

– Ты почти ничего не забываешь, – ответил тот.

У меня из ушей едва не повалил пар.

– Помимо того, что ты мне лгал, похитил и собираешься отдать за выкуп, ты весь день держал меня взаперти. Чем это лучше того, как всю мою жизнь поступали со мной Вознесшиеся?

Теплота и насмешка исчезли из глаз Кастила, уступив место льду.

– Потому что сейчас это ради твоей безопасности.

Я хрипло рассмеялась.

– А они разве не это же утверждали?

На его челюсти дернулась мышца.

– Разница в том, что они тебе лгали, а я – нет.

– Некоторые рискнут жизнью, чтобы отомстить Вознесшимся, – добавил Киеран. – Он старается тебя защитить.

– Для чего? – Я наградила обоих испепеляющим взглядом. – Чтобы я оставалась в живых, пока не придет время

меня продать?

Кастил выгнул бровь, но ничего не сказал.

Гнев и смущение – опасная смесь. Я в ярости от того, что весь день просидела взаперти, и смущена тем, что они оба знают, как я реагирую на Кастила – как легко отзывается мое тело.

– Ты ничем не лучше Вознесшихся.

Кастил не двигался.

Киеран ничего не говорил.

Молчание затянулась так надолго, что от неловкости мое сердце заколотилось. Мне не следовало такое говорить. Я поняла это в тот момент, когда слова сорвались с языка, но не могла вернуть их обратно.

– Мне нужно тебе кое-что показать, – вымолвил Кастил и практически поднял меня со скамьи.

Он двинулся вперед, таща меня за собой через пиршественный зал. Мою руку он держал крепко, но не больно.

Я старалась не отставать от его широкого шага.

– Я не хочу видеть ничего из того, что ты собираешься показать.

– Ты и не захочешь это видеть. Никто не хочет. Но тебе нужно это увидеть.

Озадаченная этим заявлением, я оглянулась через плечо. Киеран остался сидеть, облокотившись на стол и вытянув перед собой длинные ноги. Он помахал мне.

И тогда я сделала кое-что, чему меня научил Йен. Я виде-

ла, как этот жест показывают друг другу гвардейцы – иногда в шутку, а порой в гневе. Жест считался неприличным, и я никогда в жизни так не делала.

Я показала Киерану средний палец.

Вольвен запрокинул голову и громко, от души расхохотался.

Кастил оглянулся на меня и, подняв брови, скользнул взглядом по Киерану.

– Хочу ли я знать, что ты сейчас сделала?

– Не твое дело, – проворчала я, чувствуя, как горят щеки.

– У тебя сегодня прекрасное настроение.

– Я начинаю сомневаться в твоих умственных способностях. Ты держал меня...

– Целый день взаперти в комнате. Знаю, – оборвал он. Мы как раз вышли в пустой коридор. – Я бы предпочел этого не делать. Веришь или нет, но мне неприятна идея держать тебя под замком.

Я хочу ему верить. В самом деле хочу. Но я не настолько наивна.

– Тогда ты мог просто не делать этого.

Он издал сухой смешок.

– И дать тебе возможность сбежать, неподготовленной и без защиты? Ни за что.

– Я не собираюсь убегать...

Кастил опять рассмеялся, на сей раз так же заливисто, как и Киеран. Я решила, что вполне могу взорваться, а мы как

раз вступили на общую территорию. Здесь есть люди, и я не представляю, о чем они подумали, когда мы с Кастилом прошли мимо них. Полагаю, один из нас или даже мы оба выглядели так, словно готовы ринуться в бой.

Мужчина у двери открыл ее для нас, и Кастил вывел меня во двор. Я понятия не имею, куда мы направляемся, но все равно рада, что он не отвел меня обратно в комнату. Тогда бы я точно проиграла.

Метель немного улеглась, и снег медленно падал легкими, пушистыми хлопьями. Мы побрели через двор по сугробам высотой в несколько дюймов.

– Зачем мы идем в лес?

Интересно, не следует ли мне встревожиться, хоть я и знаю, что мертвая я ему не пригожусь?

– Мы не зайдем далеко. – Он замедлил шаг, чтобы я могла идти рядом, и оглядел меня. – Тебе холодно?

Я покачала головой.

– Мы не задержимся, – пообещал он.

Я подняла руку и сразу отвлеклась на снег. Я смотрела, как он падает и тает на моей коже. Через миг я осознала, что Кастил пристально смотрит на меня. Я закрыла ладонь и опустила руку.

– В Масадонии ведь бывает снег? – тихо спросил он. – Он тебе нравится?

Мы дошли до края леса.

– Для Девы было бы неслыханно возиться в снегу.

Мы вступили под деревья, и я нахмурилась. Снег припорошил большие участки земли, а в просветах между деревьями намело высокие сугробы.

– Но я несколько раз видела его, когда удавалось выбраться ночью. Пару раз с Йеном. Один раз с Тони.

Тони.

Я почти пожалела, что подумала о ней, – так защемило сердце. Боги, я по ней скучаю. Она – вторая дочь преуспевающего торговца, ее в тринадцать лет во время Ритуала отдали ко двору герцога. Ее приставили ко мне в качестве своего рода компаньонки, но она была для меня гораздо больше, чем камеристка. Я часто беспокоилась, что наша дружба для нее – не более чем обязанность. Но теперь я знаю: она любила меня искренне.

– Когда выпадал снег, похоже, из замка выходили все до единого, – продолжала я. – Поэтому выбраться незамеченной не всегда получалось.

– Жаль. Нет ничего более мирного, чем прогулка по снегу.

Кастил замедлил шаги, а затем остановился и выпустил мою руку.

Ладонь еще покалывало от прикосновения. Я сложила руки на груди, а он наклонился.

– В Атлантии бывает снег?

– В горах бывает.

Он поднял тяжелую ветку и смел небольшой слой снега с какой-то деревянной двери в земле.

– Мы с братом частенько выбирались в горы, когда знали, что там выпал снег. С нами ходил Киеран, а иногда... и другие. – Он потянул за железный крюк и поднял дверь. – Я неплохо играю в снежки.

Я уставилась в тускло освещенную яму. В полумраке проступили каменные стены и земляные ступени.

– Йен учил меня лепить снежки, но я уже много лет их не кидала.

Он посмотрел на меня с легкой улыбкой.

– Спорим, ты из тех, кто лепит такие тугие снежки, что после них остаются синяки.

Я скривила губы и отвернулась, думая о том, что маска принца немного треснула и под ней показался либо Кастил, либо еще одна маска.

– Знаешь... – Он прочистил горло. – Я встретил Аластира, когда шел в пиршественный зал. Он сказал, что поговорил с тобой.

– Да. Недолго. – Я бросила на него взгляд. – С нами был Киеран.

– Знаю. Что ты скажешь об Аластире?

Я ненадолго задумалась.

– Он кажется хорошим, но я его не знаю. – Я подняла взгляд. – Киеран сказал, что вы с ним близки.

– Я знаю его всю жизнь. Он нам с Маликом как второй отец. И Киерану тоже. Когда я хотел что-нибудь сделать, а мама говорила «нет», а отец спрашивал, что говорит

мама... – Он слегка улыбнулся. – Что, разумеется, обычно означало «нет». Тогда я шел к Аластиру.

– И что говорил он?

– Обычно – «да». А если это было что-то безрассудное или он думал, что я попаду в неприятности, то следовал за мной. Аластир нашел тебя очень... неожиданной.

– Я думала, ты предупредил его о том, что я бываю остра на язык.

– Видимо, этого оказалось недостаточно.

Я сделала глубокий вдох.

– Я все еще в опасности рядом с ним?

– Надеюсь, ненадолго. – Кастил повернулся к земляным ступеням. Прошло еще одно долгое мгновение. – Я знаю, что ты терпеть не можешь сидеть взаперти. Я не хотел оставлять тебя там так надолго.

Я не сказала ничего из того, что хотела, и уставилась на его плечо.

– Я должен был поговорить с госпожой Тулис насчет ее мужа, – продолжал он негромко. – О том, почему пришлось так поступить.

У меня вдруг пересохло во рту. Я встретила с ним взглядом.

– Она возмущена. Неудивительно. Она не могла поверить, что он принял в этом участие. Не думаю, что она вообще мне поверила. – Он откинул назад голову и прищурился на снег, падающий между деревьями. – Не могу винить ее за

сомнения в моих словах – ей столько лгали Вознесшиеся. Разговор с ней занял больше времени, чем я предполагал.

Я почувствовала легкий укол вины.

– Как?.. С ней сейчас все хорошо?

Я поморщилась. Конечно, с ней сейчас ничего хорошего.

Ее муж мертв.

– Я предложил ей остаться в Новом Пристанище и пообещал, что ей не причинят вреда. А если она пожелает уехать, то я обеспечу ей безопасное путешествие в другой город. – Он опустил подбородок. – Она сообщит мне ответ.

– Надеюсь, она предпочтет остаться, – прошептала я.

– Я тоже. – Он тяжело вздохнул. – Видишь ступеньки?

Я кивнула.

– Я провожу тебя вниз.

Я замешкалась и тяжело вздохнула. Темноты или туннелей я не боюсь, но...

– Я никогда не была под землей.

– Там почти так же, как и на поверхности.

Я холодно глянула на него.

– Правда?

Он усмехнулся. Этот звук был таким мягким и настоящим.

– Ладно. Там вовсе не так, как на поверхности, но мы быстро пройдем по узкому туннелю, а потом ты забудешь, что находишься под землей.

– Я ничего об этом не знаю.

– Узнаешь, – сказал он тихо и напряженно.

Я поймала его взгляд и со вздохом кивнула. Понятия не имею, что мы делаем, но я любопытна. Я всегда была любопытной.

Осторожно начала спускаться по ступеням, опираясь ладонями о сырые холодные стены. Добравшись до дна, я постаралась не думать о том, что нахожусь под землей, и сделала пару робких шагов вперед. Развешанные на расстоянии нескольких футов друг от друга факелы освещали каменные стены, земляной пол и низкий потолок. Ряд факелов тянулся вдаль настолько, насколько я могла видеть. Здесь оказалось не так холодно, как я думала.

Дверь со щелчком закрылась, и Кастил приземлился позади меня. Неужели он спрыгнул? Я повернулась.

Он стоит прямо передо мной. Внезапно мы оказались вплотную друг к другу. Под насыщенным запахом почвы я уловила его аромат – хвои и специй. Он поймал мой взгляд, и я быстро отвернулась, в замешательстве от... всего.

– Что это? – спросила я, надеясь, что мой голос звучит увереннее, чем я себя чувствую.

– Для всех разное.

Кастил обошел меня, задев плечом. Я знаю, что пробежавший по мне трепет не имеет ничего общего с тем, что меня окружает.

Он опять взял меня за руку, и от его кожи до самого моего плеча пробежала искра. Мы пошли вперед по туннелю, и мне

стало интересно, ощутил ли и он этот заряд энергии.

– Для некоторых это место для размышлений, – сказал он. – Для других это место показывает то, что многие хотели бы забыть.

Тени впереди рассеялись, и туннель окончился тупиком. Несколько ступенек вели вниз, в какой-то круглый зал с высокими потолками и... милостивые боги, должно быть, он размером с саму крепость. Из камня торчали десятки, сотни факелов, бросающих свет на стены. В тени тонула только середина зала; из мрака проступало нечто похожее на скамьи.

– А для кого-то это просто усыпальница. Священная земля. – Кастил отпустил мою руку. – Одно из немногих мест во всем Солисе, где могут предаваться скорби те, кто потерял членов семьи из-за Вознесшихся.

Я двинулась вперед прежде, чем сама это поняла. Спустилась по ступеням на пол зала. Через каждую пару футов располагались постаменты, на которых лежали тонкие зубила и молотки. Я двинулась направо, осматривая стену – то, что было высечено на камне. Это были слова. Имена. Возраст. Некоторые надписи с эпитафиями. Другие – без. Подойдя ближе, я заметила вырезанные в камне рисунки. Портреты, исполненные умелой рукой художника. Судорожно вздохнув, я пошла вдоль изгиба стены. Имена... их так много. Они покрывают всю поверхность от пола до потолка, но у меня сжалось сердце из-за дат, отмечающих рождение и смерть. К горлу подступил ком, когда я обнаружила, что у многих одна

и та же дата смерти. Я узнала эти даты, и иссеченные стены начали расплываться перед моими глазами.

Только немногие даты смерти случайны, некоторые отстоят на сотни лет назад. Другие же обозначают даты всего десять или пять лет назад, или прошлый год, или... или пару месяцев назад. Но многие другие даты совпадают с прошедшими Ритуалами.

И возраст...

Я схватилась за сердце. Два года от роду. Семь месяцев от роду. Четыре года и шесть месяцев от роду. Десять лет от роду. И так далее. Их было так много. Тысячи. Тысячи и тысячи детей. Младенцев.

– Они... они с Ритуалов, – нарушила я тишину, мой голос прозвучал хрипло и невнятно.

– Да, многие, но остальные – убитые Последователи, – ответил Кастил откуда-то сзади. – Некоторые умерли от того, что Вознесшиеся называют изнурительной болезнью, но на самом деле – от бесконтрольного кормления.

Я зажмурилась, и перед моим мысленным взором возник образ господина и госпожи Тулис. Они так потеряли двоих детей. Двоих.

– Ты заметила имена без дат смерти? – Теперь он подошел ближе. – Это пропавшие без вести. Предположительно, они стали Жаждущими или умерли.

Я открыла глаза и сморгнула слезы. Шагнув ближе, протянула руку, чтобы потрогать бороздки, формирующие очер-

тания щек и глаз, но резко остановилась. Внизу у стены стояли старые, засохшие цветы. И немного свежих. В свете факелов блестели драгоценности. Ожерелье. Браслет. Перстень. Два обручальных кольца, одно наложено на другое. Моя рука затряслась, и я опять прижала ее к груди.

Я остановилась перед чучелом животного. Старый медведь с бледной лентой в виде короны. У меня саднило горло.

– Это лишь малая часть жизней, которые забрали Вознесшиеся. Есть огромные залы, в которых не осталось места больше ни для одного имени. И это только имена смертных, которых забрали. – Каждое его слово звучало отрывисто и горько. – В Атлантии есть стены с именами наших павших: они тянутся так далеко, насколько хватает глаз.

Не сводя взгляда с медведя, я тяжело сглотнула и провела пальцами по щекам, стирая влагу.

– Я не без греха. Уверен, по моей вине можно вырезать имена на других стенах, но я – не они. – Он говорил тихо, но каким-то образом его голос отдавался эхом в зале. – Мы – не они. И все, о чем я прошу: когда в следующий раз ты решишь, что я не лучше Вознесшихся, подумай об именах на этих стенах.

Я знаю, что ты не такой, как они... Слова просились на язык, но я не могу говорить. Я едва держу себя в руках.

– Могу тебя заверить: подавляющее большинство тех, кого я убил, тех, кто очутились в могилах или на стенах, заслуживали этого, – снова заговорил Кастил. Его голос был

негромким, но в нем звучала резкость остро наточенных зубил, которые ждали, когда их возьмут дрожащие от горя пальцы. – Я не потратил ни одной свободной минуты, чтобы подумать о них. Но что касается невинных? Тех, которые случайно очутились среди жертв, убитых моими сторонниками? Я потерял сон из-за них – из-за всех Лорен и Дафин этого мира. Виктеров...

– Хватит, – прохрипела я.

Я не могла шевельнуться, казалось, целую вечность.

Кастил молчал. То ли он сказал все, что хотел, то ли решил быть снисходительным.

Когда я наконец снова обрела способность двигаться, у меня дрожали губы. Я пошла дальше, обнаружила более свежие цветы, более недавние даты и более распространенные имена – и множество слишком коротких промежутков между датами рождения и смерти и имен, после которых даты смерти нет.

Не знаю, сколько мы здесь пробыли, но мне было нужно обойти весь зал, увидеть каждое имя, которое я смогу прочесть, запомнить как можно больше и засвидетельствовать ужасные и болезненные потери.

Кастил был прав, когда сказал, что это то, чего никто не хочет видеть. И я не хочу, но должна. Такое никто не подделает. Это невозможно.

Я медленно повернулась кругом.

Кастил стоял у выхода.

– Ты готова?

Я кивнула, чувствуя себя как после битвы с легионом Жажущих.

– Хорошо.

Он подождал меня и начал подниматься по ступеням. Мы оба молчали, пока не вышли наружу и не обнаружили, что день давно сменился ночью.

Я наблюдала за тем, как он закрывает дверь и кладет на нее ветку.

– Почему ты убрал тела со стены? – спросила я.

Кастил все еще стоял на коленях.

– Это имеет значение?

– Да, – прошептала я.

Он поднял голову и уставился на залитый лунным светом снег.

– Я не лгал, когда говорил, что помогал проклятым, укушенным Жажущими, умереть с достоинством. Я так и делал, потому что считал: в смерти должно быть достоинство, даже когда речь идет о тех, кто мне ненавистен. Я забыл об этом, охваченный гневом и... – Он осекся и поднял взгляд на меня. – Ты напомнила мне, что я так считал, когда был Хоуком.

Хоуком.

– Спасибо, – хрипло сказала я, не вполне понимая, за что благодарю: за то, что он вспомнил, или за то, что показал мне то, чего бы я никогда не захотела, но должна была увидеть.

Он наклонил голову, глядя на меня снизу вверх, и встал.

– Идем, – тихо сказал он. – Нам многое нужно обсудить,

пока не стало слишком поздно.

Его предложение, которое не было предложением.

Наше будущее. Которого на самом деле нет.

Я ничего не говорила, пока мы возвращались в крепость, и не возразила, когда он опять взял меня за руку. Не знаю, почему он это сделал. Вряд ли он боится, что я сбегу. Может, ему просто нравится держать меня за руку.

И мне приятно, что меня держат за руку.

Последним, кто часто это делал, был Йен, причем только когда рядом никого не было. Но сейчас ощущения совершенно другие.

Может, мне так приятно, потому что мыслями я все еще в том зале, точнее, в склепе без единого тела, среди всех тех людей, которые больше никого не возьмут за руку. А может, потому что мой разум все еще пребывает в том мгновении, когда Кастил напомнил, что он отчасти Хоук.

Мы молчали всю дорогу до крепости и пока поднимались в комнату. Войдя туда, он подвел меня к камину. Я стояла, впитывая тепло озябшей кожей.

– Завтра мы уезжаем? – нарушила я молчание.

– Буря слабеет, но придется подождать, пока немного расчистятся дороги.

Он смотрел в дребезжащее окно, а на его темных волосах таяли и исчезали снежинки.

– Ветер в этом поможет... и, возможно, сдует эту крепость, если не утихнет к утру.

Я подумала, что Кастил знает сказку, которую однажды рассказал мне Йен, и громко рассмеялась. Кастил удивленно обернулся.

– Прости, – сказала я. – Я просто вспомнила одну историю Йена. О волке, который сдувал домики поросят. Я почему-то решила, что это был вольвен.

– Не нужно извиняться. Ты прекрасна, когда молчишь и печальна, но когда смеешься? Тогда ты можешь соперничать с восходом над горами Скотос.

Он говорил так искренне, словно в самом деле имел это в виду, но я ничего не понимала.

– Почему ты говоришь мне такое?

– Потому что это правда.

– Правда? – Я усмехнулась и отошла от огня. Ком в горле угрожал меня задушить. – Ты добавишь мое имя на ту стену, когда отдашь Вознесшимся? Я в конце концов умру. Вот это правда. Поэтому не говори такого.

– Но это не правда. Нисколько не правда. – Он наконец поймал и удержал мой взгляд. – Вот почему мы должны пожениться.

– Почему ты так настаиваешь на браке? – решительно поинтересовалась я. – Он не имеет смысла.

– Имеет. Это единственный способ получить то, что я хочу, и убедиться, что ты останешься в живых. И надеяться,

что ты проживешь долгую, свободную жизнь.

Глава 10

– Что? – повторила я, на сей раз лишь чуть громче шепота.

Прожить долгую жизнь? Свободную? Как такое возможно, если он получит то, что хочет, – свободу брата в обмен на мой плен?

– Позволишь объяснить, какой смысл в браке? О доверии я не прошу.

– Насчет доверия можешь не беспокоиться.

Кастил выпрямился и сжал челюсти.

– Я не прошу и о прощении, Пенеллаф.

Мне стало не по себе от того, что он назвал меня официальным именем. Сердце заколотилось, и все горькие слова, что я собиралась произнести, замерли на губах.

– Знаю: то, что я с тобой сделал, нельзя забыть, – продолжал он. – Все, о чем я прошу, это выслушать меня. И, надеюсь, мы придем к согласию.

Я заставила себя кивнуть. Потребность понять то, что он предлагает, с лихвой перевесила желание с ним спорить.

– Я... я выслушаю.

Он слегка расширил глаза, словно ожидал протестов, затем его лоб разгладился.

– Помнишь, как я уезжал поговорить с отцом? Конечно, помнишь. Именно тогда за тобой пришел Джерико. – Он стиснул зубы. – Отец не смог приехать: дома возникли про-

блемы, которые потребовали его присутствия. Он прислал вместо себя Аластира.

– Проблемы с вольвенами и нехваткой земли? – предположила я.

Он кивнул.

– Не сейчас, но скоро из-за нехватки земель мы столкнемся с недостатком пищи и других ресурсов.

Я была немного удивлена тем, что Кастил ответил на вопрос.

– Когда Аластир говорил с Киераном, у меня сложилось впечатление, будто жители Нового Пристанища скоро отправятся в Атлантию.

– Так и есть.

– Потому что ты захватил меня и Вознесшиеся явятся сюда с поисками.

Он посмотрел на меня.

– План перебраться в Атлантию существовал еще до того, как я тебя захватил. Своими действиями я ускорил сроки, и проблему дефицита земель не успели решить.

Я обдумала этот вопрос.

– Значит, недостаток ресурсов будет только нарастать?

– Да, но мы еще не подошли к критической точке, – ответил Кастил. – Пока что. Некоторые предлагают занять более агрессивную позицию в вопросе сокращения дефицита. Среди сторонников такой точки зрения много как вольвенов, так и атлантианцев. Страсти накаляются, из-за этого моему

отцу пришлось остаться.

Он встал и, подойдя к маленькому столику под окном, взял стеклянный графин с янтарной жидкостью – полагаю, это какой-то алкоголь.

– Хочешь выпить? Насколько я помню, вы с Тони любили тайком выпить виски.

Тони.

Мне так сильно захотелось ее увидеть, убедиться, что с ней все хорошо. Но если бы она оказалась здесь...

Я на миг прикрыла глаза, надеясь, что Тони в безопасности. Более чем когда-либо я рада, что ее здесь нет. Ее могла бы ждать та же участь, что Филлипса и остальных гвардейцев.

Глубоко вздохнув, я открыла глаза и спросила:

– Ты бы убил ее? Тони? Если бы она ехала со мной, ты бы ее убил?

Кастил молчал, пока брал стакан и до половины налил в него виски.

– Не имею привычки убивать невинных женщин. – Он наполнил второй стакан. – Я бы сделал все возможное, чтобы такой необходимости не возникло, но ее присутствие могло вызвать сложности, которые я бы не захотел решать.

Значит, если бы пришлось, он бы это сделал. Тем не менее он постарался предотвратить такую ситуацию, запретив Тони ехать со мной. Я не знаю, как к этому относиться. Правильно это или нет? Хотя это не означает, что Тони в полной

безопасности. Ведь ей суждено стать Вознесшейся.

Но теперь, когда я пропала, вознесут ли ее, а также других леди и лордов-в-ожидании? Все Вознесения в королевстве связаны с моим. У Вознесшихся по-прежнему остается брат Кастила, и у них должны быть другие атлантианцы, чтобы поддерживать жизнь принца. Вознесения могут продолжаться и без меня, разве что...

Разве что с принцем Маликом что-то случилось. Я тяжело сглотнула и выбросила эту мысль из головы. Если задавать подобные вопросы, ни к чему хорошему это не приведет, и я не сомневаюсь, что Кастил уже обдумал такую возможность.

Он принес мне виски, и я взяла стакан, хотя и не просила мне наливать. Кастил отошел к камину и остался там.

Я провела большим пальцем по холодному стеклу, поднесла стакан к губам и сделала маленький глоток. Жидкость обожгла горло, но второй глоток прошел легче, хотя я все равно закашлялась. Когда нам с Тони время от времени удалось стащить выпивку, я делала несколько глотков, но этого было недостаточно, чтобы привыкнуть.

– И какое отношение проблемы твоего народа имеют к этой чепухе с браком?

– К этому я и веду. – Он повернулся ко мне и оперся локтем о каминную полку. – Но, для начала, мой народ должен беспрекословно повиноваться мне – как атлантианцы, так и вольвены. – Он покрутил жидкость в стакане. – Надеюсь, мои напоминания о том, что тебе нельзя причинять вред, поспо-

собствуют тому, чтобы сделать разумный выбор. Однако обстоятельства необычны. Ты – далеко не обычное обстоятельство.

– Но я не сделала ничего плохого твоим людям. Я даже пыталась спасти одного из них.

– Многие Последователи не сделали тебе ничего плохого, но ты когда-то считала их всех злыми и кровожадными. Когда-то ты верила, что все атлантианцы – чудовища, хотя ни один атлантианец никогда не причинял тебе вреда.

Я разинула рот.

– Это то же самое, правда? Я и Последователи представляем смерть и разрушение, хотя многие из них не делали ничего, кроме как говорили правду. – Кастил перевел взгляд на ровные языки пламени. – Ты представляешь династию, которая поработила их, истребляла их семьи, похищала жизни их близких, их богов, даже их законного наследника. Ты ни в чем из этого не виновата, и тем не менее они видят все это, когда на тебя смотрят. Они видят возможность взять то, что им причитается.

Его слова камнями улеглись в моем согретом виски желудке, и я не смогла удержаться от ответа:

– Прости.

– За что? – нахмурил он брови.

У меня перехватило дух от большого глотка виски, и я быстро заморгала.

– За то, что сделали с твоим народом, – сказала я осипшим

голосом. – С твоей семьей. С тобой. Знаю, что говорила это прошлой ночью и ты не захотел принять мои извинения, но мне нужно произнести их еще раз.

Кастил уставился на меня.

– Думаю, с тебя хватит виски. – Он помолчал. – А может, наоборот, нужно выпить еще.

Я хрюкнула, прямо как поросенок.

– То, что ты наделал, не означает, что я не могу сочувствовать. – Я хотела отпить еще, но передумала. Непонятно, что это за сорт виски, но, похоже, он действует гораздо сильнее, чем все, что я пила раньше. – То, что ты наделал, не означает, что я вдруг перестала соображать или заботиться о том, что хорошо, а что плохо. То, что делали с твоими людьми, ужасно.

Я опустила взгляд на золотистый напиток в стакане, думая обо всех именах на стенах. Кто знает, сколько еще жертв нигде не перечислено?

– И... и то, что делают Вознесшиеся с народом Солиса, тоже ужасно. Это все страшно.

– Да, – тихо промолвил он.

– Кажется, я поняла, почему они меня ненавидят. – Я подумала о господине Тулисе и сделала большой глоток. – Я не хочу, чтобы меня ненавидели.

– Я тоже. Это одна из причин, почему мы должны пожениться.

Я подняла на него взгляд и чуть не поперхнулась.

– А вот этого я не понимаю. Как ты пришел к такому заключению и почему. Как наш брак вернет твоего брата? Как решит проблему ограниченности ресурсов? Как... сделает меня свободной?

Его взгляд стал пронзительным.

– Есть вероятность, что некоторые все равно не подчинятся моим приказам. Жажда возмездия может быть сильным средством мотивации. Я сам люблю вкус мести и знаю, что его любишь и ты.

Я хотела отрицать, но ведь он присутствовал при том, как я набросилась на лорда Мэзина. Мои возражения будут ложью.

– Я должен вернуться домой, чтобы помочь уладить волнения, но там тебя будут окружать те, кто любого жителя королевства Солис считает ламеей во плоти.

– Ламеей?

– Это существо с плавниками вместо ног и хвостами вместо рук. Она прячется под кроватями детей и ждет, когда погасят свет, а потом, в темноте, вылезает и высасывает из детей жизнь.

– О! – Я скривила губы.

– Это выдумка. По крайней мере, я никогда не видел ламей, но в раннем детстве мы с братом настаивали на том, чтобы не выключать на ночь свет.

Я представила его в образе не по годам развитого ребенка, который прячется под одеялом, широко распахнув золотые

глаза. Я практически увидела его таким.

Он поднес к губам стакан, и мое внимание привлекло то, как напряглись мышцы на его предплечьях.

– Погоди, – озадаченно сказала я. – А как она вылезает из-под кровати, если у нее плавники вместо ног и хвосты вместо рук?

Он изогнул губы.

– Кажется, мама говорила, что она извивается и скользит, как змея.

– Да, это очень страшно. – Я сморщила нос и глянула на графин, раздумывая, не налить ли еще стакан. – И еще я не поняла насчет хвостов вместо рук.

– Никто не понимает.

Он отвернулся и, опустив подбородок, провел клыками по нижней губе. Мой взгляд – все мое существо – было захвачено этим действием. По коже пробежали мурашки.

– Я пытаюсь донести до тебя, что, даже несмотря на мой приказ тебя не трогать, ты все равно можешь быть в опасности, – объяснил он. – Для некоторых желание мести может оказаться сильнее страха неминуемой смерти.

Мне пришлось сделать небольшое усилие, чтобы отвлечься от мыслей о ламее и от вида его клыков и сосредоточиться на разговоре.

– И ты считаешь, что если женишься на мне, то это убережет меня от опасности?

– Если люди будут знать, что ты частично атлантианка и

станешь моей женой, ты будешь под запретом. Особенно для тех, кто еще сохранил страх смерти и здравый смысл. – Он отпил виски. – Ты больше не будешь в их глазах Девой. Ты будешь моей невестой. В их представлении ты станешь их принцессой.

Я обдумала то, что он сказал. Не знаю, то ли на меня напала слабость, то ли мои эмоции притупила выпивка, но я смогла размышлять над словами Кастила, не швыряя в него стакан.

Уверена, он это оценил.

Наверное, именно поэтому и предложил мне сначала выпить.

– Что ты думаешь?

– Нельзя налить мне еще стакан?

– Можешь делать все что хочешь.

Все что хочу? Я глянула на него, и поднявшееся внутри тепло подсказало, что наливать еще один стакан виски было бы неразумно.

Я поставила пустой стакан на стол.

– Так ты женишься на мне, чтобы... защитить. Это ты хочешь сказать?

– И да, и нет.

Хотя в животе по-прежнему тепло, в груди поселился ледяной холод.

– Что это значит?

– Это значит, что брак обеспечит тебе безопасность и даст

мне то, что я хочу и в чем нуждается мое королевство.

– А как брак со мной поможет освободить твоего брата и даст королевству то, в чем оно нуждается?

Он отпил еще.

– Что, по твоему мнению, больше ценят те, кто правит Солисом? Возможность создавать новых вампиров или возможность оставаться в живых?

Я дернула назад голову.

– Надеюсь, что последнее.

– Я тоже на это надеюсь, – согласился он. И чуть погодя добавил: – Отец считает, что либо Малик мертв, либо спасти его уже невозможно.

Я резко втянула воздух.

– Он так считает?

Кастил кивнул, и я не знала, что сказать.

– Это... это ужасно грустно.

Его лицо напряглось.

– Таково реальное положение дел, и я не могу его винить, но сам не верю, что Малик потерян. Отказываюсь в это верить, – непреклонно заявил он, и я понадеялась, ради него же, что он прав. – Многие атлантианцы хотят возмездия. Не только за то, что Вознесшиеся сделали с их принцем, но и за все бесчисленные жизни, которые они забрали, за землю и будущее, которые они у нас отняли. Мой отец быстро примкнул к тем, кто жаждет возмездия. И дело в том, Поппи, что мы можем свершить это возмездие. Атлантия восстала

из крови и пепла. Мы больше не павшее королевство, ни в каком значении этого слова. Причем уже очень давно. Мы – королевство огня.

Все волоски на моем теле встали дыбом.

– Может, мы и отступили в войне, но сделали это ради нашего народа и жизней смертных, которые попали под удар, но это не значит, что мы терпели бедствие. Наше королевство значительно уменьшилось в размерах. За время, прошедшее после войны, мы восстановили нашу численность, распространились далеко за пределы Атлантии, внедрились в каждый город в Солисе и открываем глаза тем, кто готов увидеть правду.

Мое сердце забилося быстрее. Он опять поднес стакан к губам.

– Многие провели последние четыре сотни лет в подготовке к возвращению королевства, – сказал Кастил, и я словно перестала дышать. – Они хотят развязать войну с Солисом, и, если им удастся убедить моего отца, погибнет множество людей. Атлантианцев. Вольвенов. Смертных. Земля снова пропитается кровью. Но на этот раз отступления не будет. Если моего отца убедят начать войну, Атлантия не падет. Мы не остановимся, пока все Вознесшиеся и те, кто их поддерживает, не обратятся в пепел.

– И... ты этого не хочешь? Вернуть королевство и покончить с Вознесшимися?

Я могу понять, если он этого хочет, но не могу перестать

думать о Йене и Тони, обо всех невинных людях, которых при этом растопчут.

Он смотрел на меня поверх стакана.

– Иногда кровопролитие – единственное решение. Если до этого дойдет, я без колебаний возьму меч, но мой брат окажется в числе потерь. Ему ни за что не сохранят жизнь, если мы развяжем войну против Вознесшихся. Мне нужно освободить его до того, как это случится.

– И ты думаешь, что ваш народ не захочет воевать, если он вернется? – спросила я.

– Дело не только в нем, но если мне удастся задуманное, то да, я так думаю. Ну или, по крайней мере, смертные получат отсрочку, чтобы подготовиться. Либо выбрать сторону, либо сбежать как можно дальше и переждать войну. Я бы не хотел, чтобы эта земля страдала от очередной многовековой войны.

Он заботится о смертных? Даже о тех, кто не поддерживает Атлантию? Это похоже на Хоука, которого я знала, а не на того, кто заслужил прозвище Темный. Озадаченная, я разгладила ладонями подол туники.

– А чем поможет брак со мной? Я просто Дева – и мы оба знаем, что это ничего не значит. Боги меня не избирали...

– Но народ Солиса об этом не знает, – возразил он. – Для них ты – Дева. Избранная богами. Для атлантианцев ты представляешь Вознесшихся, и их же символизируешь для народа Солиса. – На его губах появилась усмешка. – И ты любимица королевы.

Я покачала головой.

– Даже если все это верно, не понимаю, как это может помочь.

– Ты себя недооцениваешь, принцесса. Ты невероятно важна для королевства, для народа, и еще важнее для Вознесшихся. Ты – клей, на котором держится вся их ложь.

Я застыла.

– Представь, что случится, когда народ Солиса узнает, что ты, Избранная Дева, вышла замуж за принца Атлантии и не превратилась в Жаждущую? Даже после нечестивого поцелуя?

Он ухмыльнулся, и на щеке появилась ямочка. Я прищурилась.

– Одно только это многим откроет глаза. И благодаря нашему союзу мы сможем ненавязчиво ввести смертных в мир, где народ Атлантии не уничтожен и не развеян по ветру. А еще это покажет им, что боги одобряют такой союз. Ведь Вознесшиеся веками вдалбливали, что боги карают то, что не заслуживает их одобрения. Народ Солиса не знает, что боги спят. А Вознесшиеся, которые опираются на богов, никогда не откроют эту правду.

Я медленно кивнула и подумала о людях.

– Люди решат, что боги одобрили.

– И как ты думаешь, что сделают люди, если Вознесшиеся ополчатся против Избранной богами? Теми самыми богами, которые, согласно Вознесшимся, хранят народ Соли-

са от Жаждущих? Если Вознесшиеся ополчатся против тебя, королевство, построенное на лжи, начнет трещать по швам. Так мало нужно, чтобы пошатнуть все это проклятое творение. И королева Илеана это знает. Если я что-то помню о ней, так это то, что она очень умная женщина.

Меня покорило, когда он произнес ее имя, что делал так редко. Кастил сжал губы в тонкую линию.

– Но недостаточно умна, чтобы знать, что теперь королевство Атлантия представляет угрозу их правлению? – уточнила я.

– Они знают, что Атлантия по-прежнему существует, и они усилили войска – своих рыцарей.

У меня по спине пробежала ледяная дрожь при упоминании королевских рыцарей. Это войска Солиса. Они носят тяжелые доспехи, они прекрасно обучены и очень внушительны. Я только один раз видела рыцарей в столице. Они показывались очень редко, поскольку их лагерь расположен у подножия Райских пиков. Многие из них дали обет молчания.

– Но мы держали в секрете, насколько мы поднялись и чего достигли, и старались, чтобы в Последователях видели лишь сборище подонков, поддерживающих одинокого принца, который одержим идеей закрепиться на троне. За долгие годы Вознесшиеся расслабились. – Он выгнул бровь и сделал глоток. – И я верю, что, по словам мудрецов, самомнение привело к падению очень многих могущественных

людей. Даже рыцарей и целой тьмы гвардейцев за их спинами будет недостаточно, чтобы одолеть нас. И вот тут в игру вступаешь ты. Точнее, вступаем мы. Вместе. Женатые. Соединенные. Ты и я...

– Я поняла, – перебила я с тихим рычанием.

Цвет его глаз стал ярче.

– При всех моих немалых талантах мне не удалось подобраться ни к ним, ни к храмам. Я пытался, много раз, пока был в Карсодонии, но ты... ты – мой доступ туда.

Я тяжело вздохнула.

– Ты думаешь, что со мной, женившись на мне, ты сможешь торговаться о том, чтобы освободить брата.

– И вернуть часть наших земель. Я хочу все, что лежат к востоку от Нового Пристанища.

– Все, что восточнее Нового Пристанища. Это будут... Пустоши и Помпей. И дальше на юг – Предел Спессы...

– И еще много маленьких городков и полей. Много местечек, где не правят местные Вознесшиеся, – сказал он. – Много мест, которые Вознесшиеся даже не используют. Это будет честная сделка.

В самом деле, честная сделка. У Солиса останутся главные торговые города и, среди прочего, земельные угодья вокруг Карсодонии и Масадонии. Но...

– Для этого недостаточно просто отправить им письмо с объявлением о нашем бракосочетании, – привлек мое внимание Кастил. – Как только Вознесшиеся поймут, что ты

пропала, они решат, что тебя постигла печальная участь.

– От рук Темного?

Он склонил голову в мою сторону.

– Или любых других очень плохих людей. Ни королева Илеана, ни Вознесшиеся не поверят, что мы вместе, пока не увидят тебя живой и здоровой. Мы встретимся с ними на наших условиях и предоставим им варианты выбора.

– Уступить твоим требованиям или столкнуться с войной? Война может начаться в любом случае, но, если они согласятся, мы можем выгадать немного времени для жителей Солиса.

Кастил кивнул и опять оперся рукой о каминную полку.

– Твои требования справедливы, – сказала я. – У них твой брат, а потеря земель не сильно ударит по Солису. Надеюсь, у них хватит здравого смысла, чтобы согласиться. Возможно, они не смогут создавать новых вампиров – если только у них в плену нет еще кого-то пригодного для таких целей.

Я представила Йена, и у меня внутри все сжалось.

– Если они откажутся... тогда будет война. – Я подняла взгляд на Кастила. – А если ты встретишься с королем и королевой и они согласятся на твои условия, ты оставишь их в живых?

Он опустил подбородок, и на красивом лице медленно расплылась холодная улыбка.

– Когда я получу то, что нужно моему королевству, они не останутся на троне Солиса. Они не останутся в живых. Не

они. Не она.

Я отвела взгляд, подавив желание отшатнуться. Я могу его понять, особенно учитывая то, что они с ним делали. Но мне трудно забыть те месяцы, те годы после нападения Жажущих, когда все, что у меня было, – это Йен и королева Илена.

Но я видела стены подземного зала. Видела шрамы Кастила. Подозрения у меня возникли еще до знакомства с ним. Я знаю, что его утверждения – правда. Чтобы поверить в это, мне не нужны никакие дополнительные доказательства.

– А Вознесшихся ты оставишь в живых? Иначе кто же будет править Солисом?

Я оборвала себя, потому что дальше хотела спросить: а что насчет Йена?

– Чтобы предотвратить войну и повторение истории, их придется оставить в живых. Но все должно измениться. Больше никаких Ритуалов. Никаких загадочных смертей. Им придется себя контролировать.

– И ты в это веришь? Ты говоришь, что уходят месяцы, если не дольше...

– Но они могут себя контролировать. Они это делают в некоторых случаях, и многие Вознесшиеся достаточно стары, чтобы это уметь. Они могут делать свои укусы приятными. Могут кормиться, не убивая. Уверен, многие пойдут на это добровольно. Вознесшиеся даже могут платить за услуги. В любом случае, если они хотят жить, им придется кон-

тролировать жажду крови. То, что они это могут, доказывает тот факт, что они не подобны Жажущим, которых они же и создают. Просто у них никогда не было веских причин для самоконтроля.

– Думаешь, это сработает? – спросила я.

– Для Вознесшихся это единственная возможность получить шанс на жизнь.

Но если он ошибается, если он потерпит поражение? Если его брат уже мертв? Я посмотрела на него. Уверена на сто процентов: он перебьет их всех или сам при этом погибнет.

У меня к горлу подкатил ком.

– А потом, когда твой брат вернется или не вернется к вам, я буду свободна?

Кастил встретился со мной взглядом.

– Ты будешь вольна сама выбирать, что делать.

– Значит, этот брак... будет не настоящим?

Повисло молчание. Потом он сказал:

– Таким настоящим, каким ты считаешь все, что касается меня.

Кастил не смотрел на меня. Его взгляд опять был устремлен на огонь. Очертания его челюсти казались высеченными из мрамора.

– Я честно не имею понятия, что это означает, – призналась я, засунув ноги под одеяло. – Как я буду свободна, если буду замужем?

– Я дам тебе развод, если ты так решишь.

Я ахнула, не успев сдержаться. Разводы в Солисе – практически неслыханное дело. Для развода нужно явиться ко Двору и подать прошение, которое чаще всего отклоняют.

– Разводы обычны в Атлантии? – спросила я.

– Нет. Необычно, когда два атлантианца вступают в брак, не любя друг друга. Но если любовь проходит, они могут развестись.

Меня зацепило то, что браки без любви у них необычны. Если они случаются так редко, то как он может с такой легкостью вступать в союз с той, кого совершенно очевидно не любит? Ответ прост. Ради брата он пойдет на что угодно.

– Значит, этот брак не настоящий. – Я перевела дыхание. – А если я откажусь? Если я скажу «нет»?

– Надеюсь, ты этого не сделаешь, особенно после всего, что видела. Но в этом случае ты не станешь посланием для Вознесшихся, и они не будут тебя использовать. Это выход для тебя. – Он провел рукой по волосам. – Не идеальный, но выход.

Это... это выход. Пусть ненадежный и извращенный, однако если бы Кастил не пришел за мной, я бы осталась в Масадонии, под вуалью и полная подозрений, но не имеющая ни малейшего понятия обо всех ужасах, происходящих в стране, и о том, какое будущее меня ждет. Кастил не был бедой, которая обернулась благом. Я не знаю, кем он был, но, если бы он не вошел в мою жизнь, меня не ждало бы ничего хорошего.

Я вскинула голову.

– А если я все равно скажу «нет»?

– Поппи, я не буду заставлять тебя выходить замуж. То, к чему я уже принудил тебя... достаточно неприятно, притом что у тебя еще до встречи со мной все отобрали. – Он тяжело вздохнул. – Если ты откажешься, то... не знаю. Придется найти другой способ освободить брата и как-то спрятать тебя, чтобы никто, в том числе мой народ, не могли до тебя добраться.

Я удивилась и невольно потянулась к Кастилу чутьем, чтобы прочесть его эмоции в поисках намека на обман или хитрость. На какие-либо признаки того, что ему нельзя верить. Я ощутила печаль, еще более тяжелую, чем раньше, и что-то кислое на вкус, от чего возникло желание отряхнуться.

Стыд.

Я почувствовала исходящий от него стыд, и он не был заперт глубоко. Он находился прямо на поверхности.

– Тебе... тебе это не по душе, правда? Ситуация, в которой я... в которой мы оказались.

На его челюсти опять дернулась мышца, но он ничего не ответил.

– Вот почему ты прямо сейчас не тащишь меня в столицу, требуя обмена, – сказала я. – Это было бы быстрее. Это было бы легче...

– Не было бы ничего легче, чем отдать тебя им. – Прежде чем он отвернулся, его глаза вспыхнули ярким янтарем. – И

прекрати читать мои эмоции. Это бестактно.

Я подняла брови.

– А заставлять меня пить твою кровь не было бестактно?

– Я спасал тебе жизнь, – проворчал он.

– А я, быть может, спасаю твою, читая твои эмоции, – выпалила я в ответ и закрыла чутье.

Кастил пронзил меня холодным взглядом.

– Объясни, пожалуйста, как ты пришла к такому заключению.

– Потому что мне стало легче от того, что ты не будешь принуждать меня выходить за тебя замуж. – Тугой узел напряжения в моей груди немного ослаб. – Это не отменяет ложь и все прочее, но, по крайней мере, смягчает мою жажду убийства. – И душераздирающее разочарование. Но об этом я говорить не стала. – Таким образом, я, возможно, не отрежу тебе голову, пока ты спишь.

Он изогнул губы.

– Но не обещаешь?

Я не удостоила его ответом.

– Таким образом, ты будешь всем рассказывать, что мы поженимся, и я буду вести себя на людях соответственно? А после свадьбы мы поедем в столицу?

Кастил поднял голову и вперил взгляд в стену напротив.

– Да, но нам придется быть убедительными. Не просто говорить всему миру, что мы поженимся. Мы должны пожениться, как только прибудем в Атлантию. До того, как я по-

кажу тебя моим родителям.

Я похолодела.

– Думаешь, разумно жениться прежде, чем ты хотя бы скажешь королю с королевой, что обручен?

– Не особенно.

На его лице мелькнула мальчишеская ухмылка, которая, наверное, частенько там появлялась, когда он был моложе и собирался натворить нечто такое, что ввергло бы его в неприятности.

– Мои родители будут... недовольны.

– Недовольны? – Я подавила смешок. – Подозреваю, что это еще мягко сказано.

– Вполне возможно. Но мои родители будут откладывать свадьбу, пока не убедятся, что брак настоящий. Мы не можем тратить время на то, чтобы дожидаться их позволения – позволения, в котором я не нуждаюсь. Как я уже сказал, мой народ хочет возмездия. Если родители решат, что это все интрига, затеянная, чтобы вернуть принца, которого они уже оплакали, если они поставят возмездие превыше жизни, они попытаются помешать. Как только ты станешь моей женой, ты будешь в безопасности.

– Похоже, твой народ...

Я не договорила. Его народ казался варварами, но мой ненамного лучше. Независимо от того, считаю ли я Вознесшихся своим народом или нет, они меня воспитали. Разве не стала бы и я такой же ожесточенной, если бы жила, зная, что

Вознесшиеся могут явиться в любой момент и убивать безоговорочно и безнаказанно? Я была бы такой же разъяренной.

Я уставилась на его профиль, на строгие линии лица, на тени под глазами, и меня охватила дрожь. Наверное, мы с Кастилом не такие уж и разные.

– Я поняла.

Он перевел взгляд на меня, слегка расширив глаза.

– Что?

– Поняла, почему ты это делаешь. Они держат твоего брата, которого захватили, когда он освобождал тебя. – Мои мысли перенеслись к Йену. – Я могу понять, что ты пойдешь на крайние меры, чтобы его вернуть.

Он повернулся ко мне.

– Правда?

Я кивнула.

– Я бы поступила так же. Поэтому я могу понять, хотя мне это по-прежнему не нравится. Мне ненавистно то, что я для тебя – не более чем пешка, но тем не менее я могу понять, почему это так.

– Поппи, ты для меня не просто пешка.

– Не лги, – возразила я, и у меня сжалось сердце. – Ни одному из нас это не делает чести.

Он открыл рот и закрыл, похоже, передумав говорить.

– Вот почему я понимаю. Ты сделаешь что угодно, чтобы освободить брата, и я сделаю что угодно, чтобы вернуть сво-

его. Я соглашусь на твое предложение, если ты пообещаешь помочь мне добраться до Йена.

– Поппи...

– Я знаю, кто он теперь, и ты знаешь, что я должна увидеть, чем он стал.

Он повернулся ко мне лицом.

– И что, если он стал таким же, как и другие?

– Одно то, что он Вознесшийся, не означает по умолчанию, что он плохой... Не перебивай. – Я подняла голову, когда он собрался что-то сказать. – Ты говоришь, что они могут, если хотят, контролировать жажду крови. Многие Вознесшиеся плохие, но при этом многие до Вознесения были хорошими людьми и понятия не имели, какова правда. Мой брат... – Я сделала судорожный вдох и расправила плечи. – Я должна сама увидеть, во что он превратился. Вот в чем заключается сделка. Я временно выйду за тебя замуж, чтобы помочь освободить твоего брата, если ты сможешь освободить моего.

Наклонив голову, Кастил несколько мгновений изучал меня. Не знаю, что он увидел, но это заставило его кивнуть.

– Согласен.

– Хорошо, – прошептала я.

– Ты не будешь со мной сражаться?

Я обдумала этот вопрос.

– Перед другими – нет. Да и зачем? Все будут считать, что мы поженимся, и это поможет мне остаться в живых, так по-

чему бы мне с этим не смириться? – рассудила я, слегка нахмурившись. Никогда не думала, что виски обладает такой изумительной способностью прояснять мысли. – Я не стремлюсь к смерти. И у меня нет ни малейшего желания сидеть в клетке или стать мешком крови.

Кастил поморщился. Совсем чуть-чуть, но я заметила.

– Но наедине ты будешь сражаться со мной зубами и ногтями?

– Киеран ведь знает, что ты задумал?

Он кивнул.

Я поймала его взгляд.

– Тогда перед ним и наедине с тобой я буду сражаться зубами и ногтями. Без публики я не стану притворяться кроткой невестой.

– Понятно. – Он погладил стакан большим пальцем. – Но если ты захочешь притвориться такой наедине...

– Не дождешься.

В его золотистых глазах что-то блеснуло.

– Ты обнаружишь, что я могу быть невероятно обворожительным. – Я одарила его сердитым взглядом. – Помнишь, что ты говорила насчет невозможного?

Я помню.

– Но это в самом деле невозможно.

– Поживем – увидим.

– Поживем – увидим, – согласилась я и расслабилась.

Нормальная пикировка. По крайней мере, для нас.

Кастил пристально посмотрел на меня.

– Подозреваю, что это какая-то уловка и ты сейчас опять попытаешься вонзить мне в сердце тот нож.

Я издала сухой смешок.

– И к чему хорошему это приведет? Ты только рассердишься, а нож не настолько острый, чтобы отрезать тебе голову или пробить твой невероятно толстый череп.

Он самодовольно усмехнулся, допил остатки виски и отошел от камина.

– Но это доставит тебе огромное удовольствие.

Я поразмыслила.

Да, доставит.

– Я это знаю, – промурлыкал он, поставив стакан на стол.

Спустя пару секунд я почувствовала на себе взгляд Кастила.

– У помолвленных атлантианцев есть традиция носить кольца? – спросила я. – У Вознесшихся такого обычая нет, но у смертных Солиса есть. Кольца дарят во время помолвки, а на свадьбе меняют на обручальные.

– Есть.

– Тогда как люди поверят в то, что мы обручены, если у меня нет кольца?

– Хороший вопрос, – проговорил он.

– Я хочу кольцо, – заявила я. – Неприлично большое, какие я видела у жен богатых торговцев. На них были такие огромные бриллианты, что, казалось, они оттягивают им ру-

ки.

Он слегка повернулся ко мне.

– Я найду тебе такой большой бриллиант, что он будет входить в комнату перед тобой.

– Хорошо.

Я не сразу поняла, что улыбаюсь. Стоит ли мне беспокоиться по поводу этой улыбки, когда я все обдумала? Стало чуть легче. Я сказала правду насчет того, что понимаю, почему он так поступает. Это не означало, что мне это по душе и что реальность не жалит еще сильнее. Но если Виктор чему-то меня научил, если я научилась чему-то у королевы Илеаны и за то время, что была Девой и общалась с герцогом Тирманом и лордом Мэзином, так это тому, что практичность и здравомыслие – единственный способ выиграть битву и выжить в войне.

Я смирюсь со своим положением, потому что так я останусь в живых и смогу найти Йена. Как и Кастил, я пойду на все ради брата. В том числе сменю одно змеиное гнездо на другое.

Глава 11

Мне придется выйти замуж.

С этой мыслью я заснула и с ней же проснулась. В обоих случаях я была одна.

Кастил ушел вскоре после того, как я дала согласие, и позвал Делано. Я в конце концов уснула. Я знаю, что Кастил вернулся глубокой ночью, потому что в какой-то момент проснулась и ощутила тепло его тела в нескольких дюймах от меня. Я очень долго лежала, прислушиваясь к его ровному дыханию, борясь с побуждением перевернуться и посмотреть на него.

Он ушел до моего пробуждения, и я была этому рада – на этот раз не по той причине, что вчера.

Мне нужно осмыслить то, на что я согласилась, и как раз этим я занималась, стоя перед тускло освещенным туалетным столиком в ванной комнате и сражаясь с узлами в волосах, словно они могли дать ответы на все мои вопросы.

Брак будет настоящим... и в то же время нет. Деловое соглашение, которое даст нам обоим то, что мы хотим. Его брата. Земли. Моего брата. Свободу. И, возможно, оно даже предотвратит войну, которая еще не началась.

Что ж, надеюсь, наши желания исполнятся.

Как я могла не согласиться? Если бы я сказала «нет» и Кастил в самом деле отпустил бы меня и спрятал где-нибудь,

где меня никто не найдет, мне все равно пришлось бы искать Йена. А теперь не придется делать это в одиночку. Возможно, для Кастила я – всего лишь ключ к королю с королевой, но у меня хватает ума и здравого смысла, чтобы понять: он – самый безопасный и разумный путь к моему брату.

Но я согласилась не только по этой причине.

Несмотря на ложь и предательства Кастила, я знаю, что не смогла бы уйти, предоставить ему спасти брата и, возможно, свой народ другими способами. Хотя у меня было мало возможностей постичь, что я за человек, я достаточно хорошо знаю себя. Я не ведала бы ни минуты покоя в той новообретенной свободе, зная все то, что мне открылось, и то, что я могу что-то сделать.

Но брак?

Давно прошло то время, когда я фантазировала о свадьбе, и когда меня наполняла страхом и паникой перспектива связать судьбу с каким-нибудь Вознесшимся – в то время я еще не знала, что такого никогда не будет.

От этого брака меня тоже охватили страх и паника, но совершенно по иным причинам. Нам придется вести себя так, словно наши отношения выходят далеко за пределы физического влечения. Мы должны будем держаться так, словно любим друг друга. И в этом заключается опасность. Я это знаю даже при своем скромном опыте в подобных делах. То, что я уже, несмотря ни на что, чувствую к нему, делает этот путь скользкой дорожкой. Будет очень трудно притворяться

так, чтобы убедить всех в наших отношениях и при этом не увлечься самой. Нужно установить границы. Провести черту. Я по-прежнему пешка. Только теперь – пешка, которая может делать ход.

Я не могу этого забыть.

И не забуду.

Возник еще один повод для беспокойства. Как мы будем убеждать всех, что состоим в любовных отношениях, когда я прилюдно отказалась от его предложения и вполне ясно дала понять, что, по моему мнению, он сошел с ума?

И как вообще мне полагается себя вести? Единственными известными мне примерами были мои родители, и, насколько я помню, все в их любви – в долгих взглядах и постоянных прикосновениях – было естественным. Такое нельзя подделывать или изобразить. Помимо них я регулярно наблюдала только отношения между Вознесшимися и никогда не видела, чтобы герцог и герцогиня прикасались друг к другу. Даже Йен не рассказывал о жене ни в одном письме. Только сообщил о свадьбе, на которой мне не позволили присутствовать. Королева Илеана не разрешала мне путешествовать, объясняя это соображениями безопасности. Теперь я могу лишь гадать, не крылось ли в ее запрете что-то еще.

Мне следовало больше размышлять над подобными вопросами, но я стала уж очень покорной под абсолютным контролем Вознесшихся. Как такое произошло? Как народ Солиса дошел до того, что очень немногие задавались вопро-

сами, отдавая детей? Некоторые даже делали это с радостью и почитали за честь. Из страха? Из-за ложной информации? Недостаточного доступа к образованию и ресурсам? Причин так много. А для тех, кто начал подозревать, что все не так, как кажется, но тем не менее нашел оправдания, причин бездействовать было еще больше.

Как и у меня в те времена.

Потому что смотреть в лицо правде было ужасно.

А что, если план Кастила сработает? Я увижу Йена и... разберусь с тем, как все обернется. Что тогда? Вознесшиеся в самом деле изменятся? Будут ли довольны жители Атлантии? И как мы узнаем, что Вознесшиеся следуют новым правилам и ограничивают себя? Даже если они будут так поступать, сомневаюсь, что в один миг исчезнет пропасть между теми, кто живет в районах вроде Лучезарного ряда, и теми, кто ютится в трущобах возле Вала. Созданное Вознесшими колесо будет вращаться и дальше, разве нет? Или же после утраты королевы и короля остальные Вознесшиеся разбегутся и начнут жить по-новому?

Я не знаю ответов ни на один из этих вопросов. Знаю только одно: нельзя, чтобы Вознесшиеся и дальше жили за счет народа Солиса. И если я могу помочь это прекратить, то я помогу.

Эта цель – гораздо более великая, чем те, с которыми я жила, будучи Девой. Эта цель – настоящая. Она изменит жизни. Благодаря ей я чувствую, будто избрана для чего-то,

что имеет значение.

Но ничего из этого не подсказывает, как я должна действовать в любовных отношениях. Вознесшиеся всегда вели себя так, словно были далеки от физических потребностей, но я знаю, что это лишь видимость. Хотя извращенность герцога Тирмана и лорда Мэзина – не слишком хорошие примеры.

В дверь постучали, и мое сердце забилося слишком быстро. Через мгновение дверь приоткрылась, и Киеран спросил:

– Хочешь позавтракать?

– Да.

Я положила щетку и быстро вышла из ванной комнаты.

Киеран придержал для меня дверь.

– Кто-то очень голоден.

Не уверена, что смогу проглотить хотя бы кусок. Я вышла в переход и увидела, что снегопад прекратился, хотя ветер по-прежнему раскачивает деревья и кружит выпавший снег по двору.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.